

КОНАН И ДАВ ТАКИСМАНА

Annotation

Величайший из героев Хайборийского мира, неистовый Конан-киммериец продолжает скитаться по свету в поисках приключений и наживы. Даже став королем могущественной Аквилонии, он не утратил своего воинственного духа и всегда готов принять вызов, который бросают ему мятежные придворные, маги, демоны... и даже сами боги!

Санкт-Петербург, «Северо-Запад», 2004, том 97 «Конан и раб талисмана»
Керк Монро. Тени Ахерона (роман), стр. 131-346

- [Керк Монро](#)
 - [ПРЕДВАРЕНИЕ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Заключение](#)
-

Керк Монро

Тени Ахерона

(Часть 1)

ПРЕДВАРЕНИЕ

...Продолжая совершенствовать летопись королевства Аквилонского и вести собственные заметки о событиях и происшествиях, сопутствующих бурному царствованию нашего обожаемого монарха, я вновь берусь за перо с намерением описать некоторые малоизвестные подробности визита Его величества короля Конана Канах в герцогство Шамарское, что на восходе Аквилонии, рядом с границами владений Трона Дракона.

На протяжении полных восьми лет царствования Конана я достаточно хорошо изучил натуру киммерийца, чтобы сказать откровенно: ему не следовало становиться королем. Бессспорно, данная сентенция в моих устах прозвучала как жуткая крамола и антигосударственная ересь, но поверьте — я хорошо знаю, о чем говорю. В обычные тихие времена, когда не случается войн, когда стране не угрожает жуткая опасность, наподобие Полуночной Грозы или Алой Печати Каримэнона, и приходится заниматься наискучнейшими (с точки зрения Конана) текущими делами, короля посещает уныние. Обычные развлечения — охота, дружеские вечеринки и даже поездки на Закат, имеющие целью надзор за рубежами Пущи Пиктов, Конану приелись, а столь грандиозных событий, как недавняя война за корону Немедии, окончившаяся к первой летней луне 1294 года, ныне не предвидится. Что даже и к лучшему — я полагаю, Закатный материк получил более чем достаточную встряску, ибо неожиданное появление Алого Камня Равновесия, обладавшего воистину чудовищной магической силой, едва не ввергло страны цивилизации Заката в пучину всеобщей войны.

Поскольку государственные службы Аквилонии действуют исправно, королевство управляет разумно а с недостатком денег в казне мы в последний раз сталкивались года четыре назад, Конан частенько оставляет страну на попечение вице-короля, великого герцога Просперо Пуантенского, и отправляется путешествовать. За последнее время король посетил множество стран и земель, нанес визиты во все страны к закату от Кезанкии, навестил Туран и даже некоторые государства за Вилайетом. За весь прошлый, 1295 год, Конан находился в Тарантии не более трех лун, все прочее время их величество изволили отдать странствиям в компании нескольких десятков телохранителей и, разумеется, нашей очаровательной королевы Зенобии Канах, урожденной Сольскель.

Бессспорно, все и каждый в нашем королевстве, начиная от придворных вельмож и заканчивая распоследними нищебродами, отлично знают в чьих руках сосредоточены все нити управления Аквилонией — Конан весьма благоразумно распределил обязанности между Просперо, канцлером Публио Форсеза, генеральным казначеем Ришильди и нашим «серым королем», его милостью бароном Гленнором, отвечающим за безопасность короны и трона. Если монарх выехал из столицы, бразды правления переходят к «великой четверке» и никто из месьоров управителей не может претендовать на всю полноту власти, подменив собой царствующего государя. Мне, как тайному советнику, здесь отводится роль наблюдателя и беспристрастного судьи, какой вынужден иногда примирять спорщиков (чаще всего ссорятся Публио и барон Гленнор), недовольных действиями друг друга.

В начале минувшего лета Конан Канах наконец-то прочно обосновался в Аквилонии, однако его неистребимая страсть к перемене мест снова взяла свое: король принял решение инкогнито объехать все крупные герцогства нашей страны, посетить важнейшие города и, так сказать, лично ознакомиться с жизнью подданных. А ваш покорнейший слуга,

почувствовав, что засиделся в душной пропыленной Тарантии, в кои то веки напросился к Конану в сопровождающие, коварно отправив возлюбленную супругу, Цинцию Юсдаль-Целлиг отдохать на Полуденное побережье, в Кордаву Зингарскую.

Прежде всего, я жаждал посетить одного старого знакомца, обитающего в горном замке на склонах Немедийского хребта. Звали этого человека маркграфом Ройлом.

Закончив сие краткое объяснение, я переходу непосредственно к описанию нашего путешествия в Шамар и, как обычно, дам слово некоторым иным свидетелям, включая и королеву Зенобию...

Подписал своей рукой, Хальк, барон Юсдаль младший, тайный советник короны, личный библиотекарь и летописец короля Конана Канах. День осеннего солнцестояния 1296 года по Основанию Аквилонии.

Глава первая

«КОРОЛЬ В ДОРОГЕ»

4 день первой осенней луны 1296 г.

Дорога Королей — г. Шамар

Ровнохонько два года назад произошло давно ожидаемое народом Аквилонии событие — его величество Конан I Канах обрел подругу жизни, в просторечии именуемую женой.

Этого благословенного часа мы, верноподданные, ждали целых шесть лет. Во времена холостяцкой жизни Конан ясно давал понять, что собирается основать собственную династию, однако никаких попыток сделать это с соблюдением всех законов, уложений митрианской религии и просто правил этикета и приличий со стороны короля не наблюдалось. Здесь я могу смело упомянуть полдесятка «ночных королев», восседавших на троне Аквилонии и в два раза больше мимолетных пассий Конана на означенном троне не утвердившихся — Конан, вместо освященной традициями и храмовыми обрядами женитьбы, предпочитал заводить любовниц, которые либо со временем его бросали (не каждая женщина выдержит непостоянный характер киммерийца), либо сам король охладевал к своим дамам сердца и удалял их от двора (причем, щедро вознаградив или подыскав подходящего мужа),

Графиня Эвисанда Аттиос, Мойа Махатан из Темры, еще одна графиня — Альбиона Каэтос, госпожа Белеза Зингарская... Эти имена мелькнули на аквилонском небосводе подобно падающим звездочкам и быстро позабылись. Дольше всего в звании фаворитки Конана продержалась Белеза — аж целых полтора года! — и в свете начали поговаривать о том, что вскоре из сана «ночной королевы» темноглазая ревнивая красавица перейдет к статусу королевы обыкновенной, но этот союз распался благодаря ветрености киммерийца.

Едва в замке короны появилась смазливая мордашка Альбиона и варвар обратил внимание на это сомнительное сокровище (хорошенькая Альбиона была, увы, трагически глупа), Белеза, в полном соответствии с легендами о зингарском темпераменте, устроила Конану несколько громких сцен, а затем горделиво покинула Тарантию громко хлопнув городскими воротами. Если, конечно, столь неуклюжая метафора применительна к указанным воротам...

С Альбионой Каэтос вышло еще хуже. Зимой-весной 1294 года у наших соседей, в королевстве Немедийском, разыгралась настоящая историческая драма, известная ныне в летописях как «Час Дракона» или «Война Алой Печати». Здесь нет никакого смысла описывать события немедийской круговорти — я, с помощью барона Хэлкарса Целлига из Бельверуса, уже составил подробнейший отчет о схватке за Драконий Трон, победителем в которой оказался младший сын короля Нимеда I, Ольтен Эльсдорф, по коронации принявший имя покойных отца и брата. Однако, нельзя не вспомнить, что значительную роль в этой невероятной истории сыграла некая Зенобия, дочь Стеварта Сольскеля из Пограничья.

К чему я веду? Дело в том, что после близкого знакомства с Зенобией и пережитых вместе приключений, Конан совершил невероятное: варвар, всегда предпочитавший не привязывать себя к определенному месту или человеку, сделал девице Дженне предложение руки и сердца. Заметим, что становиться очередной любовницей Конана Зенобия не

собиралась, поставив обязательное условие — или свадьба, или мы расстаемся добрыми друзьями. Конан сдался. Отлично его понимаю — во-первых, Дженна оказалась близка варвару как по образу мыслей, так и по происхождению (вообразите — родная бабка Зенобии по отцу была родом из Киммерии!), во-вторых она была красива и умна, а в-третьих сорокапятилетний король попросту влюбился. И влюбился всерьез.

Когда Зенобия приехала в Тарантию, Конан попробовал объясниться с Альбионой, ясно давая понять графине, что между ними все кончено. Последняя устроила ужасающую визгливую истерику перед всеми придворными и в тот же вечер попыталась утопиться. Мокрую графиню извлекли из Хорота, препроводили к лекарям в митрианский храм и выдали ей подписанный королем вексель аж на десять тысяч кесариев (безумные деньги!).

Никто не спорит, Альбиона была глупа, как пробка, но своего упускать не собиралась и отлично знала, что теряет. Есть заметная разница между десятью тысячами кесариев и всеми сокровищами Аквилонии вкупе с королевским титулом, который был так близко, почти в руках! В общем, разочарованная в жизни красотка, снова попыталась показно покончить с собой, а затем покаялась и нежданно-негаданно ушла в митрианский женский монастырь, отдав все золото в пользу обители.

Но и тут не обошлось без тихого скандала. Спустя несколько лун после отречения Альбиона от мира в замок короны прибыла настоятельница монастыря и потребовала встречи с королем. Конан (равно и Зенобия, к тому времени уже являвшаяся коронованной государыней) с легким удивлением узнали, что Альбиона родила мальчика и после родов скончалась. А перед смертью сообщила настоятельнице, что дитя является потомком короля Конана Канах.

Как прикажете поступать?

Дело решила Зенобия, как всегда легко и изящно. С владетельницы монастыря было взято клятвенное обещание молчать до гробовой доски, а младенца быстро переправили в Пограничное королевство, к родственникам Зенобии — младшая сестра королевы недавно принесла двойню и согласилась выкормить и взять на воспитание бедного сиротку. С единственным условием: ребенок никогда не узнает, кто его настоящие родители и будет возвращен верным подданным Пограничья.

Целая романтическая история, правда? Брошенная любовница, смерть матери, царственное дитя тайно отданное чужим людям... Разрыдаться можно! Однако, и Конан и Зенобия, отлично помнившие приведшую к чудовищной катастрофе путаницу с законным и незаконным наследником в Немедии, решили не рисковать. Ребенок благополучно вырастет в богатой и дружной семье, а Пограничье — очень неплохая страна. Впоследствии незаконный ребенок Конана войдет в могущественный клан Сольскелей и его жизнь будет устроена наилучшим образом.

Мое мнение о Зенобии-Дженне таково: прежде всего, она хороший, верный и честный человек. Зенобия умна, решительна, не отступает от данного однажды слова, ничуть не ревнива. Она, как и царственный супруг, одинаково хорошо себя чувствует и в дворовых покоях, и в обеденной зале провинциального кабака. Раздававшееся два года назад шипение придворных графов-герцогов-маркизов о «худородной варварке» быстро утихло — Зенобия недаром провела пять лет при куда более чопорном немедийском дворе и научилась всему, что положено знать даме ее круга. А то, что королева является купеческой дочкой, в народе никто не удивлялся. На иных тронах и шлюхи да маркиантки сиживали, и ничего — правили не хуже других...

Учтем еще крайне сомнительное происхождение самого короля и поймем: если новую династию как у простецов, так и в дворянской среде поименовали «варварской», значит, таково веление творящей историю мира богини судьбы.

Сейчас, к окончанию летних лун 1296 года, Зенобия снискала себе уважение в придворных кругах, окружениях и окружениях окружений, тем более, что она является другом таких уважаемых представителей рыцарства как «первейший дворянин» Просперо Пуантенский и Хальк, барон Юсдаль. И не говорите, что меня обуял грех гордыни — все-таки, по негласной иерархии Аквилонского королевства, я стою на шестой сверху ступени лестницы власти и влияния после самого короля, Просперо, канцлера Публио, командующего войском Паллантида и загадочного барона Гленнора, возглавляющего нашу секретную службу. Тайный советник короны — это не шутки!

Что бы сказала моя дражайшая мамочка, жена захолустного барона, видевшего в своей жизни только охоту, стычки с пиктами и невинные интрижки с молоденькими служанками в своем замшелом замке на окраине Гандерланда?..

Кстати, я забыл упомянуть еще одну важную деталь: на праздник середины лета 1294 года играли не одну, а целых две свадьбы — некий тайный советник и придворный летописец имел честь взять в жены баронессу Цинцию Целлиг из Бельверуса...

* * *

Вот он, скромный королевский кортеж. Двадцать два всадника, без всяких пошлых дорожных атрибутов наподобие фургонов с платьями, драгоценностями и камеристками Ее величества. Конан и Зенобия предпочитают путешествовать налегке и почти инкогнито — если бы не «малый коронный штандарт», развевающийся над головой отряда, можно подумать, что едут обычные дворяне в сопровождении почти двух десятков офицеров гвардии из отряда «Черный дракон». Королева едет в мужском седле, а вовсе не в дамском, и нарушает все правила этикета мужским охотниччьим костюмом, даме и монархине не приличествующим.

Смею заметить, что само понятие «этикет» за последние восемь лет преизрядно трансформировалось — спасибо Конану, лихо отменившему большинство нелепейших придворных постановлений, связывавших человека по рукам и ногам.

Если при последних королях из рода Эпимитреев монарх полагался «священной особой» в религиозном понимании данного слова (как-никак, потомки самого Эпимитриуса!), то варвар справедливо заявил, что уж он-то к династии знаменитого святого никаким местом не принадлежит, а посему прежние духовные обязанности короля, как верховного жреца митрианства, он передает настоятелю главного храма Тарантии и собирается быть королем сугубо светским. Делами религии пускай занимаются те, кому это интересно и близко к сердцу.

...Я начинал службу в замке короны при Нумедидесе и отлично помню, как «священный» государь Всея на Свете допускал дворян к «перстнецелованию» (отменено Конаном), а таковое перстнецелование полагалось мистическим приобщением к тайнам откровения Эпимитриуса. Помню отвратительно-напыщенные храмовые службы, где

положено было приносить жертвы особе ихнего величества, словно божеству. Многое помню. Например и то, как «отец Аквилонии» изволил драть свое священное горлышко, не погнушавшись самолично облять уважаемого всем дворянством герцога Троцеро Пуантенского, чем-то не угодившего божественной особе Нумедидеса. Не удивляюсь, что именно Троцеро и его бойкий племянник вкупе с бароном Гленнором организовали тот знаменитый заговор, приведший на трон Конана и выдвинувший молодого Просперо аж в вице-короли — никакой дворянин не потерпит публичного унижения, будь ты хоть сотню раз богом или его человекоподобным воплощением.

Теперь все иначе. Конан и королевские приближенные здраво смекнули, что ради блага государства (и собственного удобства) следует отказаться от ряда замшелых традиций с тысячелетней историей и провести определенные реформы, способные приблизить персону короля к Трем Высоким Сословиям — дворянам, купцам и горожанам. А начать реформы следует как раз с изменений чудовищного дворцового этикета. Новая мода в замке короля скоро станет известной в самых отдаленных поместьях, а что достойно монарха, то достойно каждого.

Посему в наши дни никого не шокирует появление Конана на улицах Тарантии в скромной форме легата Черных Драконов и в сопровождении двух-трех телохранителей (самая малая свита Нумедидеса или Вилера составляла не меньше полутора сотен придворных холуев). Никто не ворчит на Зенобию, частенько появляющуюся на людях в мужской одежде или платьях с глубоким вырезом. Горожан ничуть не огорчила отмена нескольких особо пышных «коронных торжеств», деньги на которые, разумеется, прежде выкачивались из жителей Тарантии: простота стала основой жизни столицы. Дворянство со вздохом облегчения приняло известие об отмене наиболее оскорбительных уложений «о почитании особы государя». А сам Конан, безжалостно расправившись с самыми уродливыми традициями и создав новые, почувствовал себя гораздо свободнее.

Никто не спорит, на королевских приемах, государственных праздниках или иных торжествах, король являет себя народу во всем блеске и пышности, в горностаевой мантии, Пятизубом венце короля Алькоя, окруженный сияющими алмазами и золотом приближенными и разодетой в парадные облачения гвардией; орут трубы, реют знамена и распеваются гимны — Аквилония должна показывать всему миру и своим подданным, что величие страны с воцарением варварской династии ничуть не исчерпалось, а вовсе наоборот — возросло. Но в делах личных, в общении с наиболее близкими друзьями, Конан остается только Конаном. Варвар предпочитает не корчить из себя уже упомянутого «государя Всех на Свете» — эту обидную для Нумедидеса формулу некогда придумал острый на язык Просперо и она прочно вошла в обиход.

Однако, вернемся к нашему путешествию. Конан, Зенобия, командир отряда охраны граф Вилькон, ваш покорнейший слуга и еще восемнадцать мрачноватых молодых людей носящих черную с серебром форму личной гвардии монарха — свита его величества направляется по дороге Королей к городу Шамару, столице одноименного Великого герцогства. Ехать осталось недолго — лиг десять или двенадцать, а посему лошади идут спокойной рысью, обходя медленно движущиеся по широкому мощеному тракту повозки торговцев. Погода стоит ясная, солнечная, даже не скажешь что началась осень — на деревьях ни единого желтого листочка и только обширные хлебные поля золотятся созревшей пшеницей...

— Надо что-то сделать с этим штандартом, — ворчливо сказал киммериец,

поворачиваясь ко мне и Зенобии. Мы с королевой ехали чуть позади самого Конана. — Иначе я скоро оглохну от воплей любезных подданных!

За нашими спинами еще громыхало невнятно-восторженное «Да здравствует король!» — старшина купеческого обоза, узрев группу всадников под небольшим алым знаменем с геральдическим аквилонским львом и вензелем «КК — Конан Канах» немедля доказал свою преданность обожаемому монарху подняв крик, который подхватили остальные торговцы.

— Езди не под государственным, а под личным дворянским гербом, — пожала плечами Зенобия. — Тогда станут меньше узнавать. Кстати, у тебя личный-то герб имеется? За два года супружества я его так и не видела.

— Герб? — фыркнул я в ответ. — По геральдическим уложениям, символ королевства одновременно является семейным гербом монарха, но государь имеет право носить и эмблемы предков, если они не являлись королями. Конан, тебе остается выдумать собственный герб, подать прошение в геральдическую коллегию для утверждения оного, ибо над действиями коллегии не властны даже государи... Годика эдак через два они рассмотрят твою члобитную, к которой положено приложить список именитых предков и все сведения о их фамильных символах, а затем вынесут решение на долгом и скучнейшем заседании. Устаивает?

— Ужас, — вздохнул Конан. — Какие именитые предки, Хальк? Откуда? Вся отцовская линия — потомственные кузнецы клана Канах, по матери же — охотники из Гленнлахов... Словом, с точки зрения родовитых дворян, происхождение самое сиволапое. И как ты себе видишь мой герб?

— Золотой рыбий скелетик в зеленом поле, усеянном кучками навоза, — не преминула съязвить Зенобия. Конан исподтишка показал верной супруге кулак. Впрочем, Дженна (так все друзья называли королеву в узком кругу) ничуть не растерялась и продолжила непринужденно:

— В Пограничье, кстати, все богатые купцы наподобие моего отца имеют право на герб. Семейная эмблема рода Сольскель — раскрытый мешок, наполненный монетами на фоне черных гор, символизирующих Грaskaаль, под звездным небом с изображением созвездия Серпа. Нравится?

— Нравится, — согласился Конан. — А почему ты его никогда не используешь?

— Не поймет высшее дворянство. У них на гербах драконы, единороги или леопарды, а у королевы — кошель с золотом? Неблагородно. Придется довольствоваться аквилонским львом. И тебе советую, иначе тебя заставят полную седмицу отсидеть в геральдической коллегии, наблюдая за спятившими старикашками, которым дали повод лишний раз почесать языками и решить проблему вселенской важности — герб для самого короля!

Вскоре нас оглушили очередным «Да здравствует король» (встретили нескольких молодых дворян, направлявшихся по своим делам на Закат) и варвар распорядился свернуть штандарт. Это было просто невыносимо!

— Какое счастье, что ты не распорядился чеканить на монетах собственный профиль, — сказал я Конану. — Иначе узнавали бы на каждом углу! Зато сейчас мы выглядим как обычный гвардейский отряд направляющийся в Шамар по надобностям службы.

— Кстати, ни герцог Шамарский, ни городские власти о нашем прибытии не извещены, — напомнил киммериец. — Оно и к лучшему. Остановимся на каком-нибудь постоялом дворе поприличнее, а завтра отправимся прямиком в Таброний, а оттуда в гости к нашему другу... Очень надеюсь, что в Шамаре нас не опознают, иначе не избежать визита к герцогу

и встреч с депутациями благодарных подданных, жаждущих поднести своему государю подарки и подать прошения!

Если кто не помнит, великое герцогство Шамарское является одним из пяти крупнейших ленных владений Аквилонии и расположено в восходной части королевства между рекой Тайбор и немедийскими горами. С Полудня и Полуденного Заката оно граничит соответственно с Офиром и Пуантеном. Раньше значительная часть этих земель являлась спорной — великий король Сигиберт Завоеватель отбил у Немедии изрядные территории за Тайбором, и вялый конфликт с Троном Дракона из-за спорных ленов продолжался лет двести, вплоть до воцарения Нимеда II, который в благодарность за помощь в возвращении трона передал прилегающие к реке земли во владения Аквилонии «на вечные времена».

Кроме того, стоит упомянуть, что Шамарское герцогство не поддержало переворот против Нумедидеса в 1288 году и на то были свои причины: тогдашний герцог Дарген и многие его родственники и приближенные являлись фаворитами последнего Эпимитрея, пользуясь почти неограниченным влиянием при дворе. Вполне естественно, что воцарение Конана было в Шамаре совершенно не одобрили и если бы не молниеносные действия пуантенского войска под руководством старого Троцера, шамарское дворянство подняло бы мятеж, который привел бы к гражданской войне.

Тем не менее вполне возможный бунт не состоялся, прежний великий герцог со своими присными отправился на эшафот по вполне обоснованным обвинениям в казнокрадстве и прочим злоупотреблениям, а огромный лен достался отдаленному родственнику Даргена, графу Раймунду, каковой и возложил на свое члено герцогскую корону. Разумеется, быстро разбравшийся в расстановке сил Раймунд незамедлительно принес присягу на верность новому королю (который, в свою очередь, подтвердил древние привилегии шамарской династии) и с тем в Аквилонии снова установилось «душевное согласие», как любит выражаться циничный барон Гленнор.

Шамар — большой город. Третий по величине после Тарантии и Танасула. Поскольку он почти два столетия находился под непосредственной угрозой вторжения со стороны любезных немедийских соседушек, здешние укрепления почти равны тарантийским, а кое в чем их и превосходят. Дело в том, что Шамар — это не одна крепость, а целых две. Сиречь, внутри внешнего кольца городских стен находится еще один, куда более мощный пояс укреплений, за которым прячутся древний центр города и величественный герцогский замок — огромное восьмибашенное сооружение из красного гранита. По утверждению сведущих в военном деле людей, взять Шамар штурмом практически невозможно, и я склонен этому верить — если смотреть на город с гребня холмистой гряды, встающей к Закату от реки, то сразу замечаешь всю грандиозность крепостных построек, укрывающих за собой кажущиеся крошечными двух-трехэтажные домики горожан. Настоящий город-страж, город-воитель, столетиями стоявший на пути завоевателей с Восхода...

Дорога Королей вывела нас с холмов на берег полноводного Тайбора — на реке было оживленно, виднелись торговые суда под знаменами Аргоса и Зингары, сплавляли строевой лес, являвшийся главным предметом торговли герцогства, ибо из здешних сосен и лиственниц на побережье Океана строили самые лучшие и быстроходные суда. Мощный плитами светлого камня тракт упирался пряником в распахнутые городские ворота, над которыми вырастала квадратная башня барбикена. Наверху поблескивают под лучами солнца шлемы городской гвардии и копейные наконечники.

Конан вопросительно взглянул на меня. Все ясно, барону Юсадлю как всегда придется

разыгрывать перед стражами ворот маленький спектакль. Раз уж королю приспичило оставаться не узнанным, придется пускать в ход фальшивые подорожные. Впрочем — почему фальшивые? Самые настоящие, заверенные в тарантийской дворцовой канцелярии и дорожной управе, со всеми подписями и печатями. Даже имена наших гвардейцев там записаны совершенно правильно. Исключение составляют только король, королева и ваш покорнейший слуга — в бумагах мы числимся под другими именами: месьор Коннахар из Темры с супругой и барон Линген (пришлось взять имя нашего соседа по гандерландским владениям. Впрочем, от старины Омы не убудет, этот толстяк всего один раз в жизни ездил в Тарантию и у меня нет шансов оказаться уличенным во лжи).

Как и ожидалось, нас пропустили в город беспрепятственно — форма Черных Драконов вызывала уважение, подорожные были в полном порядке, а по каким таким надобностям господа гвардейцы изволили явиться в Шамар, пожилого десятника стражи совершенно не интересовало — раз приехали, значит надо по службе. Обязательный сбор уплатили только лица гражданские — я, Конан и Зенобия, с военных деньги за въезд в город брать запрещено.

— Давненько я в Шамаре не бывал, — сказал киммериец, когда мы уже ехали по длинной улице ведущей к внутренней крепости. — Лет пять, наверное... Но по старым временам отлично помню, что неподалеку от замка есть отличнейший постоянный двор «для благородных». Называется «Феникс». Туда поедем или поищем что-нибудь попроще?

— Не собираюсь отказываться от привычки к дворцовыми удобствам, — решительно заявил я, а Зенобия только плечами пожала. Королеве, как кажется, было все равно, как и графу Вилькону вместе с его вояками. — Показывай дорогу!

К сожалению, Шамар построен довольно бестолково. В отличие от Тарантии улицы как в нижнем, так и в верхнем городе узки, разобраться в их лабиринтах с непривычки довольно сложно — город всегда был зажат в тисках крепостных стен, посему драгоценную землю экономили и дома росли в высоту, частенько смыкаясь верхними этажами, которые образовывали некое подобие тоннелей: вроде бы едешь по улице, а над головой сплошные деревянные надстройки, почти соприкасающиеся меж собой.

Конан, однако, обладал великолепной зрительной памятью и вывел всю нашу компанию к «Фениксу» меньше, чем за половину колокола. За вторым кругом стен, в самом центре города было чуть попросторнее — здесь селились или дворяне, или весьма обеспеченные люди. Большой постоянный двор смотрел фасадом на широкую площадь с непременным памятником Сигиберту Завоевателю, попиравшему царственной стопой немедийские и офицерские знамена. Голова и плечи бронзовой статуи оказались белыми — голуби постарались. Напротив «Феникса» — здание городского магистрата, украшенное гербами цехов и гильдий, а если от площади пройти налево, то выйдешь прямиком к воротам герцогского замка. Лавки и таверны, стоящие на близлежащих улицах — самые дорогие, как и положено в аристократическом квартале. Но зато вокруг чистенько, в крошечных садиках пестреют цветочные клумбы, прогуливающаяся городская стража не пьяна, нищих и бродяг не видно. Словом, блудится порядок.

Едва мы завернули во двор «Феникса» (для наглядности над воротами был выведен щит с изображением птицы в языках пламени), как налетела прислуга. Лошадей немедля забрали и повели в обширные конюшни, а господ приезжих препроводили в главную залу, где нас встретил хозяин, назвавшийся месьором Бартом.

— Двадцать два человека? — содержатель постоялого двора, как и подобает всякому уважающему себя хозяину подобного заведения низенький и пухлый, морщил лоб, соображая,

как бы получше разместить такое количество гостей. — Надеюсь, господа гвардейцы не будут против, если я распоряжусь подготовить комнаты на четверых?

Граф Вилькон против не был. Селите хоть в казарму, только дайте отдохнуть с дороги и пообедать!

— Месьор Коннахар... — взгляд хозяина, острый и внимательный, остановился на Конане и в глазах промелькнула странная вспышка. Не иначе, узнал. Конечно, профиль монарха на монетах не чеканят, но гравированные портреты за восемь лет царствования появились даже в самых отдаленных уголках Аквилонии! — И благороднейшая госпожа Дженна?

— Не «благороднейшая», а просто благородная, — понимающе улыбнулась Зенобия, отлично знавшая, что титулование в превосходных степенях можно использовать только по отношению к особам королевской крови или представителям династий великих герцогов. — Вот что, милейший господин Барт... Мне и супругу требуется скромная, но достойная нас комната. И мы не хотим, чтобы нас беспокоили. Все ясно?

— Более чем, — деревянным голосом отозвался хозяин, пожирая глазами царственную чету. — Я немедленно распоряжусь... э... госпожа.

Точно, узнал. И теперь не понимает, как вести себя с королем. Пришлось принять меры — я аккуратненько взял Барта за рукав, отвел в сторону, сунул за общаг монету в целых Два Льва и тихо сказал:

— Не надо показывать виду. Пред тобой всего лишь темрийский дворянин и его жена. А глупые догадки можно и нужно оставить при себе.

— Хорошо, — заикнулся хозяин, и по его взгляду я понял, что Барт пытается уяснить, кто же я такой — граф, герцог или переодетый начальник тайной службы. — Разрешите исполнять, ваша милость?

— Разрешаю, — величественно ответил я, подавив смешок.

Преимущества королевского титула дали себя знать немедленно. Конану и Зенобии выделили лучшие комнаты на втором этаже, мне достался чуть более скромный апартамент по соседству, а гвардейцев Вилькона (вот диво!) расселили по отдельным комнатам.

Когда мы переоделись и спустились вниз, к обеду, в пиршественной зале таверны наблюдалась оживленная мышиная возня — служки с выпущенными от усердия глазами шныряли между столов, повара на кухне гремели крышками котлов и сковородами так, что мне показалось, будто неподалеку проводятся маневры рыцарской конницы при полном доспехе. Месьор Барт с несчастным видом протирал какие-то заплесневелые бутыли — видимо, извлеч из тайников винного погреба самый лучший нектар.

— Та-ак... — ошаращенно протянул киммериец и повернулся ко мне. — Это что такое?

— Обед, — бесстрастно ответил я, с некоторой растерянностью оглядывая покрытый белоснежной скатертью стол, на котором разместилось столько яств, что их хватило бы на прокорм не меньше, чем гвардейского платунга. И тем не менее все это роскошество предназначалось нам троим — Черных Драконов хозяин разместил за соседними столами. — Кстати, фазан в остров соусе кажется мне вполне съедобным. Не говоря уж о кабане с чесноком и яблоками. Приступим, месьор Коннахар?

Конан покачал головой, бросил быстрый взгляд в сторону замершего в тревожном ожидании месьора Барта, но все-таки опустился в кресло.

— Вот это я понимаю — королевская трапеза, — шепнула мне на ухо Зенобия. — Нас даже в Тарантии так не кормят... Попеняю дворцовым кухарям, напомни потом.

Нужно ли говорить, что мы съели не более одной пятнадцатой части предложенных месьором Бартом блюд. Вино действительно оказалось великолепным — «Золотая Лоза» двадцатилетней выдержки, «Розовый Гайард», которым угощались еще на коронации Троцера Пуантенского незнамо сколько лет тому, да еще и лучшие шемские сорта... Подумав, сколько стоит подобный обед, я похолодел — денег мы взяли с собой не так уж и много. Однако, месьор Барт заявил, что стоимость обеда включена в оплату за ночлег и с уважаемых господ следует всего пятнадцать кесариев. Милое провинциальное подхалимство спасло наш кошелек — хозяин просто-напросто хотел сделать приятное своему королю.

— А скажи-ка, дружище, — подобревший от выпитого вина Конан подозвал месьора Барта, мигом замершего возле правой ручки кресла с самым подобострастным видом. — Что интересного можно сегодня посмотреть в Шамаре? Мы, знаешь ли, завтра уедем, а до заката еще далеко. Хочется прогуляться.

— Так это... — сконфузился месьор Барт, видимо не знавший в своей жизни ничего интереснее кухни и пустых разговоров с гостями постоянного двора. — Ваша милость... Например, балаган комедиантов на улице медников. Говорят, показывают высоконравственные пьесы...

Конан закатил глаза. Высоконравственные пьесы — это было чересчур.

— Или вот! — оживился толстяк. — На площади перед замком сегодня будет вершиться правосудие! Казнь государственных преступников. Полгорода сбежится поглазеть.

— Ладно, иди, — поморщился король и повернулся к нам. — Пойдемте просто прогуляемся? Хочу взглянуть, как изменился город за последние годы.

— Только без меня, — отмахнулась Зенобия. — Я предпочту, чтобы месьор Барт приготовил мне купальню и отлично отдохну без ваших, намозоливших глаза, физиономий. Хальк, запомни, если его величество возжелают посетить какой-нибудь здешний бордель — вам обоим несдобровать. Топайте!

— Я всегда подозревал, что брак связан с лишениями, но мне и в кошмарном сне не могло присниться, что он сопряжен со столь страшными жертвами, — вздыхая сказал Конан, когда мы выходили из «Феникса». Графу Вилькону попутно был отдан приказ отдыхать — нечего таскаться за королем без особой надобности. — А помнишь старые добрые времена? В Пограничье, например?

Я-то помнил. Едва их величество покидали замок короны и сбрасывали с себя постылые облачения вседержавного монарха, Конан немедленно вспоминал славные деньки буйной молодости и начинал вести себя как распоследний наемник. Кажется, только Зенобии удалось отучить киммерийца от кутежей и прогулок по веселым домам — за последнее время Конан заметно остыл. Все-таки женитьба обязывает к пристойности.

На площади мы сразу наткнулись на пышную процессию, которую исторгли распахнувшиеся ворота здания магistrата. Судя по эмблемам и знаменам — гильдейские старшины и управители города. За важными господами толпой двигались как простецы, так и благородные, все почему-то в праздничных одеждах.

— Ах, ну да, разумеется! — киммериец шлепнул себя ладонью по лбу. — Правосудие, чтоб его сплющило! Не понимаю, отчего моим добрым подданным это зрелище никогда не приедается — что за удовольствие смотреть, как другим рубят головы?

— Пожар и публичная казнь всегда являлись самыми популярными развлечениями народа, — ответил я. — Пойдем все-таки глянем, кому сегодня снесут башку именем тебя. Ведь король — высший судья Аквилонии. Так, нет?

— Охота тебе... — проворчал киммериец, но все-таки мы влились в общий людской поток, который потащил нас в сторону замка его светлости Раймунда Шамарского.

Резиденция великого герцога выглядела ничуть не менее представительно, чем знаменитый на весь Закат замок короны в Тарантии. Четыре башни по углам, высоченный круглый донжон, три небольших внутренних башни, зубчатые стены, украшенные знаменами и вымпелами. Очень представительно! Сразу заметно, что здесь обитает могучий и богатый владыка. Замок не угрожает, не властвует, он охраняет, защищает — до мозга костей крепость, твердыня, цитадель.

А вот сооружение, воздвигнутое плотниками возле полуночной стены замка не столь привлекательно. Эшафот. Причем высокий, чтоб всем интересующимся было видно, что именно будет происходить. Напротив эшафота трибуна для гостей и Высокого Суда — судя по многоцветным одеяниям и герцогскому штандарту, их светлость со свитой уже прибыли и с нетерпением ожидают начала церемонии. Ясное дело, сам эшафот отгорожен от зрителей тройной цепью гвардии, на всякий случай неподалеку стоят несколько конных десятков. В общем-то все как обычно, хотя у нас в Тарантии подобные действия обставляются куда пышнее, при дворе даже существует должность «мастера печальных церемоний», в обязанности которого входит организация казней по приговору короны.

Кстати, Конан прежде терпеть не мог лично исполнять обязанности Высшего Судьи Аквилонии, но на путь истинный киммерийца наставила опять же Зенобия — после того, как сославшись на занятость, он отказался рассмотреть важное дело, она как бы невзначай бросила: «Тогда не будь королем». С тех пор варвар относится к своему монаршему долгу более серьезно...

Нам повезло — толпа сама собой вынесла меня и киммерийца на самое удобное место — рядом с дворянскими трибунами. А поскольку мы оба носили оружие и гербовые цепи, стража немедленно пропустила нас на трибуну и мы очутились в третьем ряду. Отсюда было прекрасно видно. Герцог и свитские восседали под балдахином немногим левее — Конан старался не поворачиваться в ту сторону, поскольку был хорошо знаком с Раймундом Шамарским и варвара обязательно опознали бы. К счастью, нас прикрывали спинами пришедшие поглязеть на убийство ближнего своего местные дворяне.

Торжественно загудели трубы распугав птиц, грохнула барабанная дробь, распорядитель церемонии начал оглашать первый приговор. Судя по тому, что плаху закрывала белое траурное полотно, а палач в такой же белой маске держал в руках двуручный меч, а не топор, сейчас казнили благородных.

Увы, но человеческая природа решительно не желала меняться к лучшему. Этот грустный вывод я сделал после первой же экзекуции — ну скажите, кто просил начальника одного из шамарских департаментов, пожилого и представительного отца семейства, продавать секретные бумаги казначейства в Офир? Был схвачен с поличным. Приговорен. Как дворянин (и даже граф!) казнен с почестями — после мгновенного, мастерского удара мечом, голова со стуком покатилась по доскам эшафота, а толпа восторженно взвыла и захлопала в ладоши.

— Вот вам и высоконравственная пьеса... — откомментировал Конан. — Под банальным названием «Что такое государственная измена и чем она кончается».

Пропитанную кровью ткань на плахе заменили и печальный спектакль продолжился. Вслед за первым казненным голов лишились: отправитель любимого дядюшки (наследства ему было не дождаться!), оскорбитель величества (этот красавчик громогласно поносил

царствующего государя и призывал к мятежу. Конан, услышав приговор только хмыкнул.), и мелкопоместный барон, по глупости ограбивший вместе со своей дружиной купеческий караван на Дороге Королей. Иной за подобный проступок отделался бы вечным заключением в своем замке, но Дорогу оберегала пресловутая «воля короля», который гарантировал всем проезжающим безопасность и свою защиту. Приравнено к оскорблению величества — голову долой!

— Все правильно, — пожал плечами Конан. — На мой взгляд, все приговоры обоснованы, никакого самодурства или ложных обвинений. Если бы эти болваны подали мне прошение о помиловании, результат был бы тот же — смерть. Ой, Хальк, не надо морщиться! Я знаю, что ты хочешь сказать. Сам, мол, в старые времена разбойничал да чужими секретами торговал? Было дело, не спорю. Но теперь я король, а не бездомный наемник. И должен мыслить как король. Кроме того: наказывают не того, кто украл, а того, кто попался. Я же старался не попадаться...

Палач в это время передал клинок помощнику и взялся за топор с необычно длинным топорищем. Плаху не стали застилать чистой тканью — настала очередь простецов.

— Дальше будет скучно, — уверенно сказал киммериец. — Пошли отсюда.

Мы начали осторожно пробираться к лесенке, ведущей на трибуны, осторожно распихивая локтями сгрудившихся благородных зрителей и извиняясь перед дамами. Внезапно Конан замер.

— Что такое? — тихо сказал он сам себе и резко развернулся в сторону эшафота.

— ...Сим виниться и обвиняется в черном колдовстве и причинении... — раздельно и громко вещал глашатай, но Конан его не слушал. Взгляд был прикован к человеку, которого вывели на эшафот.

— Эй, пошли, — я подтолкнул варвара локтем, но тот лишь отпихнулся. — Да в чем дело-то?

— Не слышал, какое имя назвал распорядитель? — очень быстро спросил меня Конан.

— Какой-то Гва... Гвайнард, что ли? Вроде так, сударь, — подсказал стоявший рядом толстый господин с баронской цепью на шее. — Злая магия, торговля гнусными зельями и все такое прочее. Слушать надо внимательнее, ваша милость.

И тут произошло такое, что у меня глаза на лоб полезли. Похоже, эту сцену в Шамаре будут помнить долгие десятилетия, благо прежде ничего подобного в истории здешних печальных церемоний не случалось. Скандал! Да какой!

Обвиняемого уже вели к плахе. Конан коротко выругался под нос, выхватил из-за обшлага моего рукава торчавший оттуда белый кружевной платок и взревел так, что у меня уши заложило:

— Именем короля! Помилование! Остановить казнь! Милость короля!

При желании, киммериец умел вопить так, что собаки падали замертво, маленькие дети глохли на всю жизнь, а дамы падали в обморок на срок не меньше суток. Приблизительно так получилось и на этот раз — дикий вопль Конана вызвал изрядное замешательство: по стройным рядам гвардии пробежало невнятное шевеление, окружавшие нас дворяне инстинктивно отступили на шаг назад, подозревая, что здесь кроется некая жуткая крамола, палач на эшафоте опустил топор, а герцог Раймунд медленно и грозно поднялся со своего кресла под балдахином.

Воспользовавшись краткой паузой, киммериец начал прорываться через толпу раззолоченных шамарцев к герцогскому помосту, с легкостью вышвырнув с мостков двух

гвардейцев, попытавшихся перегородить ему путь и оказался прямиком перед опешившим Раймундом.

— Именем короля, — теперь уже спокойно и с достоинством сказал Конан, глядя прямо в глаза великого герцога. Белый платок, символ помилования, полетел к стопам его светлости. — Я милую этого человека!

— Э-э... — слабо вякнул побледневший от неожиданности Раймунд. Добавил полуслепотом: — Ваше величество? Но как?..

— Так, — коротко ответил Конан. — Если не веришь, что это именно я — взгляни.

Киммериец быстро извлек из поясной сумочки Малую государственную печать, которую всегда держал при себе. Подделать печать невозможно — в ее рукоять вделан крупный рубин, сам собой испускающий искры, если его касается длань законно коронованного государя. Древняя магия святого Эпимитриуса... И сейчас ладонь Конана окрасилась сотнями алых блесток.

Раймунд Шамарский довольно быстро совладал с собой — недаром являлся отдаленным потомком нескольких старинных королей Аквилонии. Он коротко кивнул, выпрямил спину, обвел замерших подданных грозным взглядом и возгласил:

— Волею короля преступник помилован! Да здравствует король Конан Аквилонский!

Еще одно мгновение над площадью висела тяжелая, вязкая тишина.

Гроза все-таки разразилась! Такого всплеска восторга я никогда в жизни не видел! Создавалось впечатление, что столицу великого герцогства посетило некое почитаемое божество.

— Да здравствует король! — тысячеголосо взвыла толпа. — Да здра...

— Вот видишь, — подмигнул мне Конан. — Быть монархом не так уж и плохо.

— Ничего не понимаю, — сдался я, пытаясь перекричать безумствующий от восхищения народ. — Да в чем дело-то? Все это — из-за того преступника?

— Именно, — коротко ответил варвар. — Потом объясню!

Глава вторая

«О ПРАВОСУДИИ И ПРИЗРАКАХ»

4-5 дни первой осенней луны 1296 г.

г. Шамар.

— Вот так и уверуешь в судьбу, — качал головой устроившийся в противоположном кресле невысокий, но крепко сбитый и широкоплечий месьор, по самые глаза заросший медной бородой. — Уж думал все, конец, а тут будто из-под земли появляется король Аквилонии Конан Канах, так сказать собственною персоною...

— Судьба всегда была на нашей стороне, — отозвался киммериец. — Скажи спасибо барону Юсадалю, это он меня уломал пойти поглазеть на здешнее правосудие.

— Благодарю, сударь, — совершенно серьезно сказал наш гость, обратившись ко мне. — Вы появились исключительно вовремя.

Вся компания — король, королева, господин тайный советник и некий Гвайнард из Гандерланда — заседали в лучших покоях «Феникса». Чтобы никто не беспокоил, у дверей был выставлен караул в составе двоих «Драконов». За окном гудела площадь — народ собрался возле постоянного двора, желая хоть одним глазком взглянуть на обожаемого государя. У мне создавалось четкое ощущение, что сейчас рядом с «Фениксом» не протолкнуться от тихарей и конфидентов тайной службы — слишком уж внезапным оказалось явление Конана.

Сразу после шумного инцидента возле герцогского замка его светлость отменил дальнейшую церемонию (то-то были счастливы приговоренные, которым неожиданно подарили еще несколько дней жизни!) и пригласил Конана к себе. Пришлось уважить светлейшего — отказ он принял бы как оскорбление. Киммериец не забыл сразу распорядиться, чтобы помилованного под двойной охраной доставили на постоянный двор и следили за ним в оба глаза. Капитан стражи заикнулся, что кандалы с преступника снимать нельзя — мол, слишком опасен, не дурак податься, да еще вдобавок и колдун! Варвар сплюнул, приказал злодея расковать и обращаться с ним вежливо. Причины столь нежной заботы о злокозненном чародее доселе оставались мне неизвестными и вызвали у стражи удивление, однако против воли монарха не попрешь — чревато.

Далее едва не случилось то, чего Конан больше всего боялся — Раймунд немедленно возжелал устроить нечто наподобие большого королевского приема со всеми церемониями и куртуазиями, а этот кошмар вполне мог растянуться на полный день — слишком уж много дворян, купеческий старшин и прочих важных персон жаждали излить пред монархом свою неизбывную преданность. Конан, однако, немедленно пресек коварные поползновения великого герцога, втолковал Раймунду, что визит насквозь неофициальный и учинять пышный прием совершенно не следует. Куда проще поговорить лично. В покоях герцога. За кубком хорошего вина. Ваша светлость что-нибудь имеет против данного предложения?

Их светлость «против» ничего не имела — попробуй, возрази Конану! И тем не менее мы почти два колокола были заняты беседами, смертно надоевшими еще в Тарантии: герцог крепко подозревал, что его величество явился в город с некоей тайной целью, вероятно получив донос о злоупотреблениях или нарушениях законов. Вот и прибыл проверить лично. Таким образом мы с унылым видом долго выслушивали отчеты по казначейству, военной,

порубежной и таможенным управам, которые Раймунд счел нужным представить немедленно. Только решительность Конана избавила нас от нудного и бессмысленного просмотра бумаг — киммериец настоятельно посоветовал отправить их в столицу, канцлеру Публио (старик обожал копаться в документах и воистину являлся бюрократическим гением).

Спасение явилось в виде супруги Раймунда — привлекательной, но слишком напыщенной дамы, которая, едва услышав, что королева Зенобия тоже находится в Шамаре возражала нанести ее величеству визит вежливости. Конан немедля изъявил желание проводить герцогиню до «Феникса», а сам шепнул мне нечто наподобие: «Вот теперь пускай Дженна за нас отдувается...» Приглашение заночевать в замке Раймунда мы сразу отвергли — перед глазами встало ужасающая картина непременного церемониального ужина. Благодарим, ваша светлость, но завтра рано выезжать и мы не хотим вас обременять...

Раймунда мы оставили несколько обеспокоенным, подождали, пока герцогине приготовят портшез и благополучно направились домой, да только не пешком, а на предоставленных его светлостью лошадях — через собравшуюся возле замка толпу иначе было не пробиться.

— Вилькон! — возвзвал к командиру гвардейской охраны Конан, едва мы переступили порог «Феникса». — Поставить у входа караул, пропускать только здешних постояльцев и прислугу! Хальк, это же просто кошмар какой-то! Сколько прошений мне пытались всучить по дороге от замка?

— Я насчитал шесть...

— А я — восемь!

— Ваше величество, — подошел хмурый граф Вилькон. — Тут вроде бы по вашему распоряжению городская стража доставила какого-то типа... Сказали — государственный преступник. Что делать?

— Ничего не делать, — отмахнулся Конан. — Где он?

— Там, у окна.

Расфуфыренная герцогиня Шамарская была препровождена на второй этаж, к Зенобии (очень надеюсь, что Дженна успела искупаться и приодеться поприличнее!), а мы направились к лучшему столу заведения месьора Барта. Пакостный колдунишка увлеченно жрал — оказывается, по его требованию хозяину пришлось разориться на еще один шикарный обед. Угрюмые стражи стояли рядом и поглядывали на злодея с плохо скрываемой завистью.

— Это ты или не ты? — Конан непринужденно уселся напротив, заодно шуганув блюстителей. Те поплелись к выходу. — Нет, взгляд меня не обманывает! Надо же, почти не изменился за одиннадцать лет!

Бывший приговоренный уставился на короля внимательными карими глазами.

— Да и от тебя не много убыло, — спокойно сказал он. — Как прикажешь обращаться? В соответствии с титулом или по-старому?

— По-старому, — улыбнулся Конан. — Вот, знакомься. Это Хальк, барон Юсдаль, советник короны, а это — Гвайнард из Гандерланда. Когда-то мы славно почудили в Британии на поприще Ночной Стражи!

— Из Гандерланда? — живо заинтересовался я, поскольку происхожу родом из той же провинции. — Мы, случайно, не знали друг друга прежде?

— Боюсь, что нет, — отрицательно покачал головой месьор Гвайнард. — Но о Юсдалях

я, разумеется, слышал. Сам происхожу из младшей ветви баронов Кетта.

— Почти соседи! — восхитился я. — До замка Кетт от нас ехать не больше двадцати лиг на Полуночный Закат! Ты, случайно, не сын его милости барона Лойна-младшего?

— Именно, — просиял новый знакомец. — Третий, ненаследный!

— А ну прекратите! — киммериец хлопнул ладонью по столу, отлично зная, что если гандеры начнут разговор о родственных связях и общих друзьях да соседях, остановить их будет решительно невозможно. — Гвай, лучше расскажи, каким образом тебя угораздило попасться в капкан аквилонского правосудия? Надо полагать, из гильдии охотников ты ушел?

— Почему ушел? Ничего подобного, вовсю продолжаем трудиться. Вообще-то, долгая история.

— Как там наши приятели поживают? Асгерд, Эйнар? Упырь из Рудны? Все живы?

— А что с ними становится? Асгерд шесть лет тому вышла замуж и уехала в Пограничье, теперь живет в Вольфгарде, а мы с Эйнаром и Рэльгонном по прежнему трудимся не щадя сил... В ватагу еще троих сорвиголов набрали, ты их вряд ли знаешь.

— Постойте! — взмолился я. — Конан, насколько я понимаю, это один из твоих прежних друзей? Откуда вы друг друга знаете?

— Я же рассказывал! — воскликнул киммериец. — Перед самым началом войны с пиктами, в 1285 году, я целое лето и половину осени ходил в отряде Ночной Стражи в Бритунии. Охотники на монстров, понимаешь?

Я откинулся на спинку кресла. Теперь все встало на свои места. Разумеется, раньше Конан что-то говорил о своих бритунийских приключениях, но я не придал его воспоминаниям большого значения — варвар на своем веку перепробовал много опасных ремесел, и если запоминать все байки Конана, памяти не хватит.

Ночная Стража? Крайне любопытно!

* * *

Признаться, в своих многогранных трудах по составлению полной и достоверной летописи Аквилонского королевства я как-то упустил из виду одну из наиболее интересных гильдий стран Заката. «Гильдией» Ночные Стражи именуют сами себя, не смотря на то, что ни в едином королевстве эта странное сообщество не платит податей, наподобие гильдий каких-нибудь шорников, гуртовщиков или купцов. Кроме того, власти государств, расположенных к Закату от моря Вилайет никак не контролируют деятельность Ночной Стражи (и совершенно не стремятся к тому).

В отличие от всех прочих торговых и ремесленных сообществ у охотников нет какого-либо руководства, за исключением Совета Хранителей, имеющего резиденцию в столице Немедии Бельверусе. Совет занимается исключительно помощью разбросанным по всему матерiku отрядам охотников и отвечает за сбор сведений, которые могут быть полезны Ночной Страже, а заодно и за магическую поддержку — известно, что конклавы магов Алого Пламени Равновесия и Золотого Лотоса частенько помогают охотникам.

Говоря коротко, Ночная Стража занимается истреблением как чудовищ, сохранившихся с древнейших времен, так и уничтожением прорывающейся в наш мир из Черной Бездны

нечистой силы. Ремесло не только труднейшее и требующее доскональных знаний о мире монстров, но и смертельно опасное. Я ничуть не удивлен тому, что Конан некогда попробовал себя и на этом поприще — киммериец любит приключения и опасность, они всегда являлись неотъемлемой частью его жизни.

Как я позднее узнал от месьора Гвайнарда, в каждом из хайборийских королевств действует от двух до семи отрядов Ночной Стражи, все зависит от размеров государства. Ватаги охотников бывают и очень небольшими (полдесятка человек), и довольно внушительными — до полусотни охотников. Некоторые охотятся только за живыми существами, наподобие болотных ящеров, мантикор, гигантских сколопендр и прочих малоприятных зверюг, другие уничтожают исключительно нежить, нечисть и небыть, третьи совмещают оба занятия. Чаще всего охотников специально нанимают: появился у провинциального графа вурдалак в родовом некрополе — зови Стражей, плати определенную сумму и через день можешь украшать головой твари главную залу своего замка. Бывает, что известные волшебники просят охотников поймать для них какое-нибудь редкое и опасное животное.

Впрочем, чаще всего приходится сталкиваться с более мелкими, но не менее неприятными заданиями. Вампир поселился невдалеке от деревни. В лесу завелся этеркап, который ловит отправившихся на промысел бортников или дровосеков. В болотах неподалеку от дворянского замка обосновался оборотень. В крупном городе начали исчезать маленькие дети; причина — прячущийся в катакомбах носферат. И так далее почти до бесконечности.

Я и ранее предполагал, что жизнь на Закате далеко не безопасна даже в отсутствие войн или эпидемий, но в действительности все оказалось куда сложнее — рядом с человеком обитает весьма значительное количество как живых, так и не-живых тварей, имеющих прискорбную страсть разнообразить свое меню нашими сородичами или использовать человеческую плоть в магических целях. Боюсь, что в отсутствие Ночной Стражи жизнь людей стала бы совершенно невыносима, однако древняя Гильдия долгие столетия стоит на страже нашей безопасности. Жаль только, что охотники не всегда успевают вовремя.

Начало истории охотников на монстров было положено чуть менее полутора тысяч лет назад, во времена падения Кхарии — в те времена кхарийцы, пытаясь защититься от хайборийского нашествия, при помощи колдовства создали невероятное количество чудовищ, которыми умели повелевать. После крушения Ахерона и почти поголовного уничтожения обитателей империи завоевателями (немногие успели укрыться в землях, сейчас именуемых Стигией) размножившиеся и неуправляемые твари стали истинным бедствием для новых хозяев земель Заката. Тогда-то вожди хайборийцев и решили создать особые отряды по уничтожению монстров — ремесло считалось почетным, в Ночную Стражу шли сыновья князей и военачальников. Со временем, когда большая часть континента была очищена от невероятно расплодившейся нечисти, первые короли Аквилонии Алькой и Олайет утвердили Устав гильдии, почти не изменившийся доныне, а святой Эпимитриус принял охотников под свое покровительство.

За двенадцать столетий Ночная Стража многому научилась — опыт трудов был огромен и уникален. Клянусь, однажды я составлю общий свод по демонологии, пользуясь знаниями охотников, рядом с которыми все ученыe трактаты наших мудрецов покажутся записками недоучившегося школьера. Сами представьте, как можно удержать в голове сведения о нескольких сотнях чудовищ, их привычках, особенностях и пристрастиях? Большинство

опытных Стражей знают об Универсуме монстров все или почти все.

Столь неожиданно и счастливо встреченный нами Гвайнард из Гандерланда вступил в гильдию аж в 1276 году, следовательно занимался этим тяжким делом полные двадцать лет. О том, что Гвайнард действительно является знатоком своего ремесла говорит тот факт, что он посейчас жив и не покалечен — охотники гибнут куда чаще, чем можно себе представить. В Бритунии он набрал свой собственный отряд, в который некогда входил Конан, и благополучно истреблял монстров на землях короля Альбиорикса Бритунийского вплоть до последнего времени. Однако, для нас оставалось секретом, какими дорогами его занесло в отдаленную Аквилонию, и почему доблестный Ночной Страж вдруг очутился на эшафоте, с которого его буквально за шиворот вытащил старый знакомец, ныне являющийся аквилонским монархом?

Придется выяснить подробности.

* * *

— Митра Всеблагой, какая же она дура! — именно этими словами встретила нас Зенобия и относилась данная уничтожительная сентенция, без сомнений, к ее светлости герцогине Шамарской, только что отбывшей в замок супруга. — Конан, признавайся, кто натравил на меня эту разряженную выдру? Твоя работа?

— Почему «выдру»? — подавил смешок киммериец. — По моему, герцогиня очень мила. В прежние времена я бы за неё запросто ухлестнул...

— Попробуй только! Вам не пришлось выслушивать целых четыре квадранса здешние придворные сплетни и отвечать на вопросы о тарантийских модах и бесконечных свадьбах-женитьбах вреди высшего дворянства нашего богоспасаемого королевства. Она полагала, что ведет куртуазную светскую беседу, а мне очень хотелось запустить в герцогиню чем-нибудь тяжелым! Зануда!

— Надеюсь, ты ее ничем не обидела? — обеспокоился король. — Еще мужу нажалуется, а он меня на поединок вызовет!

— Обидишь такую, как же... Ихняя светлость отбыли в самом благостном расположении духа — счастлива, что ее приняла сама королева! Тыфу!

— И на том спасибо, — вздохнул варвар. — Дженна, знакомься. Мой старый друг...

Конан вытолкнул вперед немного сконфуженного Гвайнарда, однако, когда мы расселись принялись за вино, смущение исчезло как дым — чай, Зенобия не всю жизнь при королевском дворе прожила.

— Вообще-то история крайне загадочная, — спокойно повествовал Гвайнард о своем необычном приключении, едва не закончившимся весьма плачевно. — Лично я ровным счетом ничего в случившемся не понял. И если б не ваше вмешательство — гулять бы мне по Серым равнинам и вести философические беседы с Нергалом Справедливейшим.

— Наплюй, — скривился Конан. — Как ты любил говорить в прежние времена — разберемся. А богине судьбы не забудь на досуге трябы принести, не иначе, стояла она сегодня за твоей спиной с обнаженным клинком.

— Не с клинком, а с аквилонским скипетром, — рассмеялась Зенобия, которой мы

вкратце рассказали о недавнем происшествии. — И все-таки, месьор Гвайнард...

— Для друзей — просто Гвай.

— Очень рада. А меня можно называть Дженной. Так вот, Гвай, что же случилось? Во времена оны, будучи обычной купеческой дочуркой из Пограничья, мне приходилось сталкиваться с охотниками на монстров и я не видела среди них недостойных людей. Чем ты взбесил аквилонское правосудие?

— Знать бы, — Гвайнард почесал в загривке. — Странная история, ваше вели... Дженна. В общих чертах выглядело это таким образом...

Рассказ месьора Гвайнарда и впрямь оказался донельзя странен, если не сказать — диковат.

— Я поехал в Аквилонию по приказу Хранителей и Совета, — неторопливо повествовал досточтимый Ночной Страж. — Дело в том, что маркграф Ройл...

— Кто-о? — немедленно перебил я, услыхав знакомое и весьма интересовавшее меня имя. — Ройл? Который владеет Табронийской провинцией?

— Совершенно верно, барон. Он самый. Маркграф Ройл давненько помогает Совету Хранителей. Не знаю точно, откуда он добывает редкостные артефакты или обладает знаниями о древней магии Ахерона, но свою необычайную осведомленность маркграф использует во благо. На сей раз он где-то раскопал артефакт совершенно невиданный — видимо, кхарийцы использовали подобные штуковины для управления созданными ими монстрами. Совет решил отослать за найденным амулетом меня, как одного из самых опытных Ночных Стражей. Не подумайте, я не хвастаюсь! Это слова Хранителей, а не мои.

— Кто говорит о хвастовстве? — бросил Конан, рассеянно теребя рукав колета. — Ты двадцать лет в гильдии, полтора десятилетия командуешь своим отрядом... Кстати, Эйнар сотоварищи без тебя справляются?

— Сам помнишь, каков Эйнар, — снисходительно улыбнулся Гвай. — Бессмертный, а ветра в голове — будто у мальчишки.

— Что значит — «бессмертный»? — заинтересовался я.

— То и значит. Эйнар — броллайхэн, воплощенный Дух Природы, обладающий телесным бессмертием. Причем, Дух довольно бесполковый, хотя его умения не раз спасали жизнь мне и Конану в старые времена.

— Не будем отвлекаться, — киммериец бросил на меня грозный взгляд. — Что было дальше?

— Отрядом я оставил командовать Сигурда, человек он понимающий и грамотный. А сам поехал в Бельверус, встретился с Хранителями, которые снабдили меня выправленными по всей форме подорожными и отправили в Аквилонию с четким приказом — без «подарка» от маркграфа Ройла не возвращаться. Постороннее внимание к себе я начал ощущать после пересечения рубежей Трона Льва. Пока ужинал в таверне, кто-то обшарил мои вещи в комнатах постоялого двора, да так неприметно, что если б не наука Латераны, никогда не заметил бы...

— Латераны? — я снова не удержался от вопроса. Интересно, каким боком охотник на монстров из дремучего бритунийского захолустья касается нашей тайной службы?

— Он служил в «Черных беркутах» по молодости, — пояснил Конан, назвав знаменитый боевой отряд аквилонского секретного ведомства, исполнявший самые деликатные и далеко не всегда благочинные приказы короля. — Дальше?

— За мной следили. Неприметно, но все-таки следили — всей кожей чувствовал чей-то

взгляд. А вчера днем, когда приехал в Шамар, меня взяла городская стража прямиком на постоялом дворе в нижнем городе. Обыскали, нашли зелья Ночной Стражи и амулеты, которые всегда вожу с собой... Привезли в замок, какой-то урод из чиновных провел следствие за два квадранса, установил, что я — колдун, погубивший нынешний урожай и рыбу в реке, а заодно вызвавший преждевременные и неблагополучные роды у нескольких благородных девиц. Сущий бред, одним словом. Свидетелей нашли — такие гнусные рожи, засмотришься! Никакая арфаксата не сравнится. На мои бумаги и не посмотрели — сказали, фальшивые. Приговор — немедленная казнь за колдовство. В качестве доказательства — мой талисман Ночной Стражи, который не любит, когда его лапают чужаки — искорками плюется. У тебя, Конан, такой был...

— Почему «был»? — усмехнулся король, сунул руку за ворот рубашки вытянул за цепочку серебряный медальон в виде волчьей головы. — Доселе храню. Вещь-то бесценная, и королю пригодиться может. Что случилось потом?

— Сплошной фарс, затеянный по чьему-то приказу, это я распознал четко, — мрачно ответил Гвай. — Никакого суда, никаких дознавателей от тайной службы — если я правильно помню, все дела о колдовстве в Аквилонии ведет Латерана вкупе с митрианскими монахами?

— Именно. Мой указ пятилетней давности о произведении следствия по делам, связанным с любыми проявлениями темной магии. Думал, исполняют, сволочи...

— Ага, жди, исполняют! В полночь огласили приговор. Я попробовал сопротивляться — скрутили в шестером и заковали в железо. Ну, а что произошло сегодня — сам видел.

— Та-ак... — киммериец прищурился настолько нехорошо, что у меня холодок по хребту пробежал. Обычно Конан выглядит подобным образом, только когда желает кого-нибудь убить, причем своими руками и незамедлительно. — Вилькон!

— Слушаю, ваше величество? — дверь в комнаты немедленно отворилась и на пороге, будто ниоткуда, возник молодой граф. Как всегда свеж и подтянут — образец королевского гвардейца!

— Вот возьми, — Конан быстро набросал на пергаменте несколько строк, приложил Малую государственную печать и отдал депешу Вилькону. — Начальников управы тайной службы и городской стражи Шамара — немедленно ко мне. Бегом!

Вилькон исчез столь же стремительно.

— Да зачем?.. — заикнулся было Гвайнард, но получил категоричную отповедь короля:

— Гвай, понимаешь, это моя страна. Моя! Не терплю, когда в моем доме беспорядок! Уж поверь — я разберусь, что здесь произошло! Слово Конана Канах из Киммерии!

Я поверил. Поверил в то, что завтра с утра слетит еще несколько голов. Варвар всегда был тяжел на руку. Однако, он всегда предпочитал именно разобраться в ситуации, а не рубить направо и налево. Редкое качество средь коронованных особ.

— Давайте поговорим о чем-нибудь интересном, — очень своевременно прервала тяжелую паузу Зенобия. — Конан, рассказывай, как вы чудили с Гвайнардом в Бритунии? Обожаю слушать рассказы о героях, настоящих подвигах и чудовищах!

— Да какие из нас герои? — грустно отозвался Гвай. — Так, ремесленники...

Отлично зная настырность и въедливость Конана, я полагал, что все загадки будут немедленно разрешены, а виновные в столь возмутительном произволе наказаны. Ничего, однако, не вышло, не помог даже знаменитый монарший гнев.

Впрочем, давайте по порядку.

Главы шамарских управ Латераны и городской стражи явились на удивление быстро — такое впечатление, будто они ожидали вызова на королевскую выволочку и прибыли полностью подготовленными: каждый притащил с собой несколько тубусов с наиважнейшими документами, которые чиновники сочли необходимым представить его величеству. Однако, киммериец на никчемные бумажки не посмотрел, а сразу потребовал отчета по делу о Гвайнарде из Гандерланда, колдуне и злодее, приговоренном к смерти «именем короля». Конан терпеть не мог когда его именем злоупотребляли и пользовались в столь неблаговидных целях.

Выяснилось прелюбопытное: начальник здешнего секретного ведомства об аресте означенного Гвайнарда ничего не знал, а приговор подписал вместе с прочими бумагами, которые ему были представлены нынешним утром. Немногим больше мог сказать и тысячник городских гвардейцев — да, месьора Гвайнарда арестовали по доносу. Где донос? В дознавательном деле, наверное, в замке...

Немедленно доставить!

Очередной гонец отправился в замок. Вернулся. Разумеется, без какого-либо дела — оно пропало. Королевский дознаватель, который допрашивал заключенного минувшей ночью, что характерно, тоже пропал — ни на службе, ни дома его не обнаружили. Последний раз чиновника видели рано утром, с тех пор замечен не был, хотя из города не выезжал — в записях стражи городских ворот не числится.

Остаток дня увлекшийся Конан посвятил расследованию. Сравнительно тихий и почти провинциальный Шамар был поднят на дыбы. Такого усердия местная стража, наверное, не проявляла со времен Мятежа Четырех. Искали двоих — уже упомянутого дознавателя и одного из липовых «свидетелей», которого хорошо запомнил Гвайнард, пожилого типа с заячьей губой и синим лишаем на щеке.

Результаты появились незадолго перед закатом. Чиновник был обнаружен в подвале заброшенного дома мертвым — похоже, его забили насмерть. Лишайного нашли живым, но мертвецки пьяным в одной из самых низкопробных таверн на окраине и привезли к «Фениксу», во дворе которого десятники стражи принялись вытрезвлять подозреваемого ледяной водой из колодца и прочими народными методами.

Конан тем временем знакомился с пространным отчетом, посвященным смерти чиновника дознавательной управы и только глаза закатывал.

— Хальк, я с ума сойду, — покачал головой киммериец глядя на лист пергамента. — Сам посуди, как можно читать вот эдакие перлы, не говоря уж том, чтобы писать их: «... достоверно выяснено, что смерть младшего коронного советника Рихтера наступила в результате умышленного поражения означенного советника позволяющим причинение телесныхувечий фрагментом древесного ствола в верхнюю часть туловища, в просторечии называемую головой». Если этому засранцу двинули поленом по черепу, пусть так и говорят, а не разводят косноязычие... Следов, ясно дело, никаких. Его убрали как ненужного свидетеля.

Королю явили лишайного — благодаря умелым действиям многоопытной стражи

бывший «свидетель» теперь был в состоянии связать несколько слов не запинаясь. И тоже неудача: ему, обычному пьянчужке, господин важный чиновник сунул целый золотой и приказал подтвердить, что во-он тот бородатый месьор, сидящий в креслах, колдун и чернокнижник. Какое лжесвидетельство? Господин чиновник лучше знал, что надо говорить, а мы люди маленькие... То есть как три года каторги за лжесвидетельство? Не виноват!

— Конан, да отпусти ты его, — подал голос Гвайнард. — Человеку просто на чарку вина не хватало... И так теперь ясно, что концы спрятаны в воду. Единственно, мы выяснили, что у моих недоброжелателей был свой человек в управе стражи или они просто дали ему хорошую взятку.

Лишайного пинком выкинули на улицу и пригрозили, что если попадется еще раз — медных рудников не миновать.

Засим Конан устроил разнос начальникам управ и сгоряча чуть было не отправил их в позорную отставку, но внезапно подобрел и отпустил перепуганных сановников с миром, пообещав, однако, что теперь за шамарской гвардией и тайной службой будут всерьез приглядывать люди барона Гленнора, которых пришлют из столицы для надзора за местным правосудием. И не забудьте вернуть месьору Гвайнарду изъятые у него вещи!

В замок отбыл новый гонец — за конфискованными у Гвая дорожным мешком и оружием.

— И чего ты добился? — невинно поинтересовалась внимательно наблюдавшая за происходящим Зенобия. — Только переполошил весь город.

— Ничего, легкая взбучка им будет полезна, — бессердечно заявил Конан. — По крайней мере еще полгода или год не будут брать взяток и начнут разбирать дела с прилежанием. Потом, конечно, все вернется на круги своя. Гвай?

— Чего?

— Вот я как думаю... Раз уж ты собирался навестить маркграфа Ройла, поедешь вместе с нами. Во-первых, так будет безопаснее. Во-вторых, по дороге в Таброний мы тоже хотели заглянуть в гости к его милости. Новые подорожные на обратный путь мы для тебя выправим... Есть у меня весьма серьезное подозрение, что месьоры, учинившие тебе подлянку в обвинением в колдовстве на этом не остановятся. Кажется, ты кого-то всерьез заинтересовал.

— Скорее всего, интерес вызываю не я лично, а поручение, данное мне Хранителями, — подумав, ответил Гвайнард. — Может быть Ройл действительно раскопал столь хитрую штуковину, что за ней начали охотится очень серьезные люди? Известные маги, главы тайных служб?

— Только этого нам не хватало, — проворчал король. — Помнишь, что творилось в Немедии, когда принц Таракк отыскал где-то камень, принадлежавший во времена Роты к Цепи Равновесия, Венцу и Радуге? Древние артефакты могут оказаться донельзя опасны, особенно если их создавали не-люди...

— Предлагаю слегка поужинать и лечь спать, — высказалась здравую мысль Дженна. — Завтра у нас долгий конный переход и я жажду отоспаться. Конан, распорядись, чтобы наши «Драконы» глаз не смыкали — вдруг заметят что-нибудь подозрительное?

В отличие от монаршей четы я засиделся допоздна — заносил в путевые заметки события прошедшего дня. Я всегда таскаю с собой одну-две пухлые тетради сшитых из самых лучших листов телячьего пергамента и склянку с особыми чернилами, производимыми в Зингаре из краски морской каракатицы — при попадании на лист капель воды эти чернила не размазываются. С подобной тетрадью можно запросто переплывать реку или оставлять ее под дождем.

На башне герцогского замка отбили полночь и я решил, что пора на боковую. В моей комнате была установлена совершенно чудовищная кровать с бархатным балдахином и шторками, а я подобные роскошества терпеть не могу: неудобно, да и холодно — такие здоровенные ложа требуется сначала согреть камнями, лежавшими возле пламени камина.

На нашем этаже «Феникса» царила полнейшая тишина — после раскрытия инкогнито короля месьор Барт попросил остальных постояльцев переселиться в комнаты на первом и третьем этажах, полностью предоставив в наше распоряжение второй. Граф Вилькон поставил караулы на лестнице и возле королевской опочивальни, полагая, что этого будет вполне достаточно — снаружи дом охраняли Шамарская гвардия и тихари из тайной службы.

Свечи я не задул. Если ночью потребуется встать по своим делам, в темноте и незнакомом помещении обязательно наткнешься на мебель. Вытащив теплые булыжники, обернутые беленым холстом из-под одеяла я совсем был вознамерился нырнуть в постель, как вдруг расслышал доносившийся незнамо откуда тонкий писк, будто неподалеку мяукал котенок. Сей безобидный звук меня абсолютно не насторожил, поскольку хозяин «Феникса» содержал несколько раскормленных пушистых кошек, в чьи обязанности, наверное, входили ловля мышей в подвале и услаждение взоров постояльцев. Но спустя несколько мгновений начало происходить нечто странное.

Словами такое ощущение выразить довольно сложно. Представьте, вы смотрите на тонкое пламя свечей, расставленных в гнездах массивного бронзового подсвечника, и вам начинает казаться, будто пламя меркнет, будто окутываясь туманом. В комнате сгустилась неестественная мгла, будто помещение и впрямь наполнилось дымом.

Пожар? Ничего подобного — дымом не пахнет, только от камина тянет легким запахом прогоревших березовых поленьев. Или у меня что-то со зрением?

Протер глаза — никаких изменений. И тут же где-то под грудиной заворочался неприятнейший скользкий комок страха, возникший ниоткуда. Со стороны двери в коридор вновь пришел мяукающий звук, только сейчас он был куда громче и противнее — никакая кошка так орать не может, гнусно, с привизгом...

Внезапно очень захотелось спать — я почувствовал, что если закрою глаза, то попросту потеряю сознание и упаду на пол. Не знаю почему, но я машинально ухватился ладонью за висевший на шее серебряный оберег в виде «Ока Эпимитриуса» с выгравированным благочестивым изречением святого. Кстати, освящен амулет был в главном храме Тарантии, верховным жрецом Неугасимого Пламени.

Помогло! Действительно помогло — мрак слегка рассеялся, да и неожиданная сонливость начала пропадать!

— Что, зеленые демоны вас задери, тут происходит? — громко сказал я, желая подбодрить самого себя. — А ну-ка посмотрим...

Меч и кинжал находились на специальной деревянной подставке для оружия у входа в

комнату. Схватив левой рукой увесистый подсвечник с десятком толстых свечей, правой я вытащил клинок из ножен и толкнул ногой дверь...

В коридоре царит полутьма, хотя многочисленные лампы с зеркальцами, расставленные на подставцы обязаны давать достаточно света. Едва шагнув через порог я споткнулся обо что-то большое и мягкое. Ничего себе! Это ж один из наших лейтенантов, Гедрих из Тарбада! Крови на паркетном полу нет, мертвым он не выглядит, скорее спит или потерял сознание.

Слева — вход в покой Конана и Зенобии. Справа — в комнату графа Вилькона, а сразу за ним поселили Гвайнарда. Именно там я и узрел невнятное копошение, будто в коридор второго этажа «Феникса» пробрались...

Не-ет! Я не верю своим глазам!

— Караул!! — я завопил так, словно меня резали на куски. Конан однажды говорил, что если попавший в серьезный переплет человек хочет получить помощь или просто привлечь внимание других людей, ни в коем случае не следует орать нечто наподобие «Режут!» или «Убивают!». Нужно или просто голосить, или выкрикивать слова, на которые любой обратит внимание, наподобие «Пожар!» или «Крыша обвалилась!». Ну я и взвыл с новой силой:

— Пожа-ар!!

И существа, пытавшиеся прорваться в комнату Гвайнарда, тотчас обратили на меня свое благосклонное внимание. Никогда ничего подобного в жизни не видел. Твари совершенно по-обезьяньи припадали на все четыре конечности, облачены были в ужасающие коричневые лохмотья, головы покрывали мотки темной ткани, оставлявшие лишь разрез для глаз, которые оказались маленькими и светящимися болотным зеленоватым огнем. По комплекции таинственныеочные визитеры не уступали взрослому и сильному человеку, только из-за манеры опираться на четыре конечности казались ниже и приземистее.

Я поставил подсвечник на пол и начал осторожно, шажками, отступать.

Два странных существа продолжили взламывать крепкую дверь (наше счастье, что месьор Барт строился основательно и не пожалел денег на обустройство постоянного двора и лучшие дубовые доски!), еще два пристально заинтересовались моей персоной — сиречь, начали медленно и угрожающе наступать, причем одна тварь перебралась на стену, двигалась по которой не хуже любого таракана.

— Помогите, пожар! — снова возвзвал я.

Почему на мои отчаянные призывы о помощи никто не откликается? Я в панике обернулся и различил еще три лежащих на полу силуэта — это были «Драконы» оберегавшие лестницу. Что с остальными?

Хоть я и библиотекарь, каковых принято презрительно именовать «книжными червями», но все-таки дворянское воспитание даром не проходит — обращаться с оружием умею недурно. (Не считите за хвастовство — любой желающий может проверить). Посему, когда тварь, двигавшаяся по отвесной стене, будто лошадь по мощеному тракту, внезапно прыгнула, я сумел отразить нападение. По счастью, оказалось достаточно одного точного удара мечом: брызнула кровь, которая в невнятном пламени свечей и ламп показалась мне фиолетовой, существо издало резкий и скрипучий мяв, и отпрянуло.

— Хальк! Назад! Быстрее, олух!

Меня дернули за плечо и отбросили в сторону лестницы. Упал, конечно. Фу, хвала богам, Конан проснулся! Выбежал из спальни в одних нижних штанах. Однако, почему король не вооружен? Только в левой ладони варвар сжимает некое подобие бульжника — что именно это было я сумел рассмотреть с трудом.

Нет, не булыжник — всего лишь кошелек! Большой кожаный кошель с королевским вензелем. Киммериец запустил руку в мешочек, выудил оттуда монету и запустил ее в ближайшего монстра. Зеленая вспышка, запах грозы, тварь бесследно исчезает. За несколько мгновений то же самое произошло и с тремя остальными зверюгами — они просто растворились в воздухе, после удачного попадания в голову тяжеленьким кругляшом чеканки тарантайского монетного двора.

— Серебро, — Конан протянул мне свободную руку, помогая подняться с пола. — Обычные полусетерции, еще при Нумедидесе печатал... Живой?

— Вроде живой, — выдохнул я. — Что это было?

— Нечисть, — кратко ответил варвар. — Самая натуральная нечистая сила, которая смертно боится серебра. Хорошо хоть демоны плюгавенькие попались...

В этот момент потерявшая сознание стража начала шевелиться. Со стороны лестницы, ведущей на первый этаж «Феникса» послышались встревоженные возгласы — проснулся месьор Барт с челядью и домочадцами.

Оказывается, Конан проснулся очень вовремя — засыпал мои крики, а усыпляющая магия на короля почему-то не подействовала. Киммериец выглянул в коридор, увидел обезьяноподобных тварей, моментально уяснил в чем дело и схватил кошелек с серебряными монетами, валявшийся на столе.

— Спасибо амулету Ночной Стражи, — пояснил варвар, похлопав себя ладонью по груди. — когда неподалеку от его владельца находятся порождения Черной Бездны, он становится холодным и начинает вздрогивать, а заодно — берегает от воздействия чужой магии. Оберег сих пор ледяной, значит в доме осталась нечистая сила... Та-ак, а это что еще за явление?

Наши гвардейцы оставили всякие попытки прийти в сознание и снова затихли. Похоже, магия продолжала действовать.

Явление приближалось из темноты коридора и имело обличье очень высокого человека, закутанного в плащ с широким капюшоном. Росточком неизвестный визитер на целую голову превосходил длинного Конана, то есть почти касался макушкой потолка. Разглядеть скрытое под капюшоном лицо было невозможно — под коричневой тканью клубилась непроглядная тьма. Да и передвигался чужак необычно, очень плавно. Создавалось впечатление, что он летел, а не шел своими ногами.

Тень остановилась в пяти шагах от нас, слегка качнулась вправо-влево, а затем торжественно изрекла неестественно низким голосом:

— Я должен забрать ваши души в Бездну...

— Это бывает, — согласился Конан, высыпал в ладонь пригоршню монет и швырнул их в призрака.

Никакого эффекта! Серебро бессильно рассыпалось по полу, не причинив тени никакого вреда — мне показалось, что монеты даже не коснулись нечисти, будто встретив на пути некую невидимую преграду.

— Ай, как скверно, — пробормотал киммериец и осторожно шагнул назад, увлекая меня за собой. — Хальк, если понадобится — беги со всех ног! Этот красавчик будет куда как посильнее обезьян...

Тень сунула руку в складки плаща и извлекла длинный и тонкий клинок. Только меч оказался не металлическим а... Каким-то бесплотным, что ли? Лезвие выглядело чуть светящейся полоской белесого тумана.

— Хальк, — шепнул Конан, — Бегом на кухню! Переполоши всех! Нужна вода. Много — несколько ведер! Попробуем повоевать другими методами...

Я прыжками рванул к лестнице — привык за много лет выполнять приказы варвара немедленно и точно, поскольку в ситуациях подобных сегодняшней киммериец почти никогда не отдавал бесполезных распоряжений. Нужна вода — значит будет вода!

Краем глаза я успел заметить, что Конан сорвал с подставки лампу, наполненную маслом, смешанным с «зингарским огнем», прозрачным и весьма горючим веществом получаемом из черной земляной смолы, иногда прорывающейся на поверхность из глубин. Подданные королевы Чабелы каким-то образом научились перегонять эту смолу и использовать получившееся зелье для многих целей, от военных, до самых прозаических — им можно пропитывать факела или отмывать въевшуюся грязь.

Я кубарем скатился по лестнице в главную залу — хвала Иштар Всемилостивой, хозяин и двое вышибал раз собирались идти наверх и выяснить, что происходит и кто орет...

— Воду! Ведрами! — рявкнул я и добавил самое убедительное: — Пожар!

— П-пожар? — заикнулся ошарашенный месьор Барт, но внимание хозяина тотчас привлекло то, что происходило на верхней площадке парадной лестницы «Феникса».

Конан выманивал призрака из коридора на ступени. Оно и понятно — всход был отделан мрамором, а стены коридора оббиты деревянными панелями, если будет использована смесь из лампы, спустя квадранс от роскошного постоялого двора останутся одни головешки. Так полыхнет, что зарево в Тарантии видно будет!

— Ну, давай, забирай душу! — подзадоривал киммериец гостя из Черной Бездны, одновременно пытаясь достать его острием меча. — Иди, иди за мной, чучело!

— Воду! — шикнул я на месьора Барта, сделав зверское лицо. Хозяин неразборчиво пискнул, но вкупе с обоими помощниками тотчас побежал на кухню.

Киммериец уже спустился на девять ступенек вниз, попутно уворачиваясь от ударов туманного клинка — тень перешла от пустых угроз к нападению. А когда перепуганный, но сумевший взять себя в руки месьор Барт сотоварищи приволокли сразу шесть ведер воды, по одному в каждой руке, Конан попросту швырнул лампу под ноги призраку...

По счастью столб пламени не достиг деревянных балок высокого потолка. Горящая жидкость потекла по каменным ступеням вниз. Демон все-таки оказался отчасти материален — он вспыхнул, будто связка просущенного хвороста, зловещий басовитый рык сменился тоненьким визгом... Тогда Конан снова использовал серебряные монеты, остававшиеся в кармане штанов.

На сей раз серебро достигло цели, скорее всего пламя серьезно ослабило колдовскую защиту призрака. Вой немедленно прекратился, объятая оранжевым огнем фигура размылась, а затем превратилась в полосу немедленно исчезнувшего черного дыма.

— Тушите, тушите огонь! — заорал киммериец. — Тварь больше не вернется!

Следующий квадранс мы посвятили борьбе с разгоравшимся пожаром — зингарская смесь вкупе с маслом плохо гасилась водой, пришлось использовать толстые ковры, лежавшие в зале. Нам на помощь прибежали бдевшие снаружи городские гвардейцы и конфиденты Латераны. Общими усилиями удалось сбить пламя и вытащить на улицу тлеющие остатки некогда роскошных иранистанских ковров. Разумеется, все это сопровождалось воплями, руганью и грозными командами короля — переполох получился знатный, наверное весь квартал перебудили.

— Ох, ваше величество, — едва не плача пожалобился несчастный месьор Барт, когда

все кончилось. — Не в обиду будь сказано, но навлекли вы напасть на мой дом...

— Трон Льва возместит тебе все убытки, — ухмыльнулся Конан. — А насчет напастей скажу, что они меня всю жизнь преследуют. Аквилонии достался крайне оригинальный король... Вот что, любезный, не мог бы ты налить всем присутствующим по доброму кубку вина? За мой счет, разумеется!

Глава третья

«НЕПРИЯТНОСТИ ТОЛЬКО НАЧИНАЮТСЯ...»

5 день первой осенней луны 1296 г.

Табронийская провинция — замок Ройл.

— Судя по вашему описанию, привидение с туманным клинком является так называемым «Черным отшельником», демоном-мстителем, которого любой знающий некромант может вызвать из Черной Бездны, — размеренно повествовал месьор Гвайнард, покачиваясь в седле. — А вот с тварями, которых Хальк назвал «обезьянами» будет посложнее, такие монстры мне не известны, хотя до нынешнего утра я был уверен, что знаком с большинством порождений Первозданной Тьмы...

— Кажется, ты кому-то очень серьезно насолил, — сказал в ответ Конан. — давненько я не сталкивался с использованием черной магии в центре крупного города. Совсем обнаглили! Как думаешь, чья работа? Стигийцы?

— Почему обязательно стигийцы? — покачал головой Гвайнард. — У нас на Закате хватает и своих, доморощенных черных магов. Есть у меня одно нехорошее подозрение...

— А именно? — хором спросили Конан и Зенобия.

— Понимаете, вскоре после немедийской войны, в которой вы принимали самое непосредственное участие, Хранители нашей гильдии начали получать очень невнятные и противоречивые сведения о некоей организации темных магов, появившейся в Бельверусе и некоторых других городах Немедии и Кофа. Король Нимед II был тогда слишком озабочен укреплением собственной власти, знаменитый пятый департамент оказался частично разгромлен во время правления принца Таракса и перестал следить за событиями... Вот и ожили тщательно истребляемые властями культы.

— Какие-нибудь подробности известны? — живо заинтересовался киммериец, отлично понимавший, что если подобная зараза объявилась в соседнем королевстве, то она может запросто перекинуться и на Аквилонию.

— Крайне немного, — сказал Гвай. — Это какая-то новая или слишком хорошо забытая старая форма поклонения Тьме. Весьма рафинированная, я бы сказал. И довольно привлекательная для обычных людей. Идея состоит вот в чем: жил лет восемьсот назад в Иранистане некий пророк по имени Мэнх, который создал свое учение. Он утверждал, что существует два мира — мир материальный, греховный, созданный темными злыми богами, и мир духовный, бестелесный. Души людей — чистые и светлые субстанции — заключены в материальные тела, в которых пребывают словно в тюрьме. Следовательно, человеку надо избавиться от всего тварного, отречься от плотского зла, чтобы прийти в бестелесный мир Света. Так вот, это учение некие современные философы творчески переработали: раз плоть — это зло, то плоть и виновна во всех злых делах, которые происходят на земле. Ясно?

— Уж куда яснее, — понимающе хмыкнул король. — Убил, ограбил, снасильничал — виновато греховное тело, а душа остается чистенькой... Ничего себе! Это же самая натуральная проповедь вседозволенности! Твори чего хочешь, все равно после смерти человеческий дух уйдет в мир света!

— Совершенно верно, — кивнул Гвай. — Секта, возникшая в Немедии действует

полностью в соответствии с данным правилом. Разрешено все — черная магия, убийства, любая подлость и низость, использование любых методов для достижения цели. Все это делает не человек, не его благородный дух, а мерзкая телесная оболочка, заставляющая людей делать зло во имя плоти. Нескольких последователей секты Мэнхса выловили в прошлом году митрианские монахи в Нумалии, был суд. Выяснили очень немногое — в сети попалась слишком мелкая рыбешка. Они называют себя «фатаренами» от иранистанского слова «очищенный», исповедуют отречение от низменной материи, что совершенно не мешает им заниматься темным колдовством — мол, все приходящие в наш мир бестелесные твари вроде недавнего Черного Отшельника являются из чистого нематериального мира, следовательно зла в себе не несут.

— И что монахи сделали с сектантами? — поинтересовалась Зенобия.

— А что с такими обычно делают? Вспомнили наставления Эпимитриуса и указ какого-то немедийского короля о борьбе с поклонением злу, приговорили к смерти через очищающее пламя, сунули в корзину из ивовых прутьев, обложили соломой и благополучно сожгли...

— Туда им и дорога, — заключил Конан. — Вернусь в Тарантию, обязательно переговорю с настоятелем храма Неугасимого Пламени Митры и начальником тайной службы, пусть внимательнее следят за нашими добрыми подданными — чует мое сердце, скоро эта пакость объявитя и в пределах Трона Льва.

— Если уже не появилась, — пессимистично сказал я. — Особенно если вспоминать события прошедшей ночи. Если уж опытный Ночной Страж не смог определить, каких именно демонов на нас натравили...

— Это ты про «обезьян»? — переспросил Гвай. — Думаю, если покопаться в старинных книгах по колдовству, мы найдем их описание. Хотя, всякое может быть — зло, настоящее Зло, слишком многолико и многообразно. Если за моей головой охотятся именно фатарены, то я могу предположить, что они открыли некие доселе неизвестные врата в Черную Бездну, из которых может вылезти какая угодно гадость в Хайбории доселе невиданная. Заметьте, магию использовали довольно безграмотно — сначала усыпили всех возможных свидетелей, причем только на втором этаже «Феникса», а потом натравили демонов. На большее умения не хватило. Окажись колдун более сильным, постоянный двор просто загорелся бы с четырех концов синим пламенем. Я не подозреваю стигийцев именно потому, что они предсказуемы — какой-нибудь Тот-Амон использовал бы старые испытанные методы времен Кхарии, вроде Белого Пламени Оридата, а тут появился Черный Отшельник, демон весьма редкостный и к Сету Змееногу не имеющий ровным счетом никакого отношения. И обезьяны эти странные... Боюсь, ждет нас веселенькое путешествие!

— Я этого тоже побаиваюсь, — мрачно отозвался Конан. — Придется теперь отрастить глаза на затылке и таскать с собой кучу серебра.

Междуп прочим, нынешним утром киммериец лично съездил в шамарское казначейство и забрал оттуда («волею короля»...) изрядный мешок с монетами чистейшего беспримесного серебра — каждому нашему гвардейцу была выдана своя доля, а заодно было приказано непременно носить серебряные митрианские амулеты. Засим Конан имел долгую беседу с орлами из тайной службы, проморгавшими черного мага в столице герцогства — громкая выволочка не прошла даром и в Шамаре едва не объявили осадное положение. По крайней мере Латерана взялась проверить всех до единого приезжих и принять самые строгие меры — случившееся в «Фениксе» было расценено как покушение на царственную особу, а

тяжелее преступления в Аквилонии не бывает. Разве что святотатство.

Оставив взбудораженный удивительными событиями Шамар позади, мы перебрались на пароме на противоположный берег Тайбара и поехали на Полуночный Восход, в сторону мрачной темно-синей полосы немедийских гор, отделявших Аквилонию от соседнего великого королевства. Гвайнард, как и решили вчера, присоединился к нашему отряду — Конан приказал графу Вилькону выдать месьору охотнику запасную форму «Черных Драконов» без знаков различия, чтобы Гвай не слишком выделялся среди остальных путников, да и сам переоделся в облакение легата гвардии — черный колет с серебряным шитьем. Теперь мы выглядели как обычный гвардейский гран-платунг. Картину портили только я и Зенобия, к «Драконам» никак не принадлежащие, а посему одетые в статское платье. Королева выбрала темный костюм охотницы-амазонки, а мне пришлось таскать скромное дворянское блио без всяких украшений кроме небольшого герба баронов Лингена — инкогнито приходилось ревностно соблюдать даже после блестящего провала в Шамаре.

Первая половина дня, вплоть до краткого отдыха в придорожной таверне прошла на диво спокойно — лошади шли размеренной привычной рысью, мы разговаривали, выслушивали воспоминания Гвайнарда и Конана об их приключениях в Бритунии, спорили о магии, как темной так и светлой и любовались суровыми пейзажами предгорий. Встречных путников было немного, никто раздражающе не орал «Да здравствует король!», поскольку монарший штандарт благоразумно решили не доставать.

Места тянулись диковатые — вековой лес, редкие деревеньки лесорубов, быстрые речки, стекающие с Немедийского хребта, редкие придорожные столбы. Мы благополучно миновали развилку (поедешь налево — попадешь в городок Таброний, направо — в замок Ройл) и решительно направили лошадей к горам. Лесные животные человека почти не боялись, олени и лоси запросто пересекали дорогу перед отрядом, один раз в чаще промелькнула бурая шкура медведя, тявкали волки. Словом, обычнейшая картина аквилонского захолустья. Любопытно, почему маркграф Ройл почти никогда не покидает эти угрюмые и малонаселенные земли? Столь блестящему дворянину можно было бы жить и в городе...

Самое применимое слово к маркграфу — «очень». Очень богат. Очень родовит. Очень умен. Очень влиятелен. В его жилах течет кровь не только Первых Королей, но и самого Эпимитриуса, в числе прямых предков тоже есть монаршие особы — аквилонский государь Аэций Меченосец и немедийский король Гуннар IV.

Людям несведущим надо объяснить разницу между простым графом и графом марки. Графский титул — четвертый в дворянской иерархии Аквилонии. На верхней ступеньке стоит король, потом великий герцог, за ним герцог обыкновенный, а уж потом граф. Соответственно устроен и принцип вассалитета — тот кто стоит ступенью ниже, подвассален более высокому сюзерену, который в свою очередь подчиняется следующему, и так далее. Маркграфы же подчиняются только королю, как и великий герцог. Без всяких промежуточных ступенек. Маркграфства — это маленькие королевства в королевстве. Их владетели сами управляют землями, издают свои законы, пользуются правом суда и платят в казну минимальный налог. Всего в Аквилонии есть три маркграфства, образованные еще во времена Первых Королей.

Лорд Ройл — затворник и домосед. Он крайне редко выбирается из своего замка в горах (причем замок абсолютно неприступен, что было проверено во время большой войны с Немедией сорок семь лет назад. Немедийцы осаждали крепость почти год, потом плонули и

ушли), еще реже приезжает в столицу и вовсе не общается с ближайшими соседями-дворянами. О Ройле вообще мало известно. Всем, кроме меня и Конана.

Мы познакомились с Ройлом три с половиной года назад, во времена невероятной аферы с Кладом Нифлунгов, который «нашел сам себя», эту историю я описывал в летописи в разделе именуемом «Сокровища дракона Нидхогга» и здесь повторять ее не стану. Ройл тогда оказал Конану существенную поддержку в разрешении загадки древнего клада и спас жизнь короля во время сражения с пиктами на реке Унере. Тогда-то я и свел дружбу с самым нелюдимым дворянином Аквилонии.

Маркграф разделял мои увлечения старинной историей и коллекционированием рукописей, да и сам оказался заядлым собирателем древностей. Но одним из своих заявлений Ройл сразил меня наповал: он якобы отыскал развалины Стобашенного Пифона, столицы Кхарийской империи, которые безуспешно разыскивали уже добрую тысячу лет. Три года назад Ройл пообещал, что когда закончит свои исследования, он обязательно пригласит меня и Конана в свой уединенный замок и покажет обнаруженные там сокровища, но все это время от маркграфа не поступало никаких известий, кроме официальных посланий в столицу по поводу коронных праздников. И вот две седмицы тому, прымком перед отъездом Конана в путешествие по стране в замок короны доставили письмо на мое имя, в котором Ройл, неким волшебным образом прослышивший о намерениях киммерийца, приглашал нас погостить...

— Спешивайся! — от размышлений меня оторвал громкий голос короля. — Отдыхаем и обедаем!

Нашим взорам был явлен большой деревянный дом, стоявший на отшибе от захудалой крошечной деревеньки у самого тракта. Вывеска над входом безграмотно извещала интересующихся, что перед ними «Товерна Пародистый бык. Миласти просим!»

Ну что ж, окажем владельцу сего скромного заведения столь ожидаемую им «миласть».

* * *

В нравственных и назидательных сочинениях о подобных личностях обычно говорят, что «их чело не обременено печатью добродетели». Авторы трактатов о грехах человеческих оказались безупречно правы — богомерзкая рожа громоздящегося перед трактирной стойкой субъекта не отличалась ни добродетелью, ни внешним совершенством. Сплошные пороки и уродство.

Кажется, мы появились в «Пародистом быке» исключительно вовремя, ибо упомянутая личность скимала в руках взвешенный арбалет, недвусмысленно наведенный на пожилого месьора в грязном фартуке — видимо, на владельца таверны, за спиной коего, вдобавок, жались и тонко попискивали две великовозрастные девицы из прислуки.

Далее все происходило с удивительной быстротой. Конан, как человек в подобных дела опытный мигом оценил обстановку, толкнул Зенобию обратно за дверь (к чему рисковать?) и громко осведомился:

— Мы не помешали?

Громила с арбалетом допустил последнюю в своей жизни ошибку: круто развернулся и

поднял оружие. После чего немедленно получил в лоб звездочкой-шурикеном, каковые щедро украшали пояс киммерийца якобы для пущего эстетства.

Получилось весьма красочно, будто в страшных сочинениях Стефана Короля Историй: наглец замертью рухнул на пол, в одной руке — арбалет, в другой — зажаты отобранные у хозяина «Быка» монеты, в башке — дыра, на досках — огромная лужа крови.

— Господа дворяне... — с трудом вымолвил старик-хозяин. — Как мне отблагодарить вас? Это же беглый каторжник Сайрус, жуткий человек...

— Отблагодарить — хорошим обедом, — заявил Конан, подошел к трупу каторжника и непринужденно его обшарил. Кошелек разбойника, равно и зажатые в ладони мелкие серебряные монеты, полетели на стойку. — И уберите падаль!

Хозяин пригнал двоих конюхов, которые уволокли труп неудачливого грабителя на задний двор, шуганул девиц, которые бегом ринулись на кухню — предстояло накормить два десятка голодных и уставших мужчин. Владелец «Быка» рассадил нас за столы, приволок жбан с черным элем и полдесятка кувшинов с местным кислым вином, попутно рассказывая о проделках убиенного Сайруса — сей редкостный злодей уже полгода тиранил округу, но изловлению не поддавался, поскольку дорожная стражка трудится из рук вон плохо, а деревенские просто боялись связываться с разбойником. Такой убьет и не заметит... Постойте, милостивые государи, у меня же для вас письмо!

— Для нас? — с удивлением вздернул брови Конан. — То есть как это?

— Да вот так, — развел руками тавернщик. — Понимаете ли в чем дело...

История, поведанная содержателем «Быка», оказалась совершенно невразумительной. Оказывается, за квадранс до нашего приезда, таверну осчастливили своим появлением упомянутый месьор Сайрус, отдал хозяину пакет и приказал передать его господам военным в гвардейской форме, каковые наверняка объявятся сегодня ближе к вечеру. А поскольку разбойник не рассчитал время прибытия королевского отряда (мы действительно ехали довольно споро...), он попутно решил ограбить таверну — что поделаешь, привычка пуще натуры! Задержка вышла грабителю боком, но свою главную задачу — передать письмо — он выполнил и с тем благополучно отбыл на Серые Равнины.

— Чепуха какая-то, — недоуменно сказала Зенобия. — Конан, почему какие-то разбойники передают тебе письма?

— Пока не знаю, — буркнул киммериец

Конан распечатал пергаментный пакет. Пробежался взглядом по строчкам. Присвистнул. Бросил депешу на стол и я сразу же подхватил помятый лист.

«Настоятельно рекомендуем королю Аквилонии Конану Канах отправиться с визитом в Таброний и навсегда позабыть о замке Ройл. В противном случае Трон Льва унаследует Просперо Пуантенский. Уезжайте немедленно!»

Подпись и печати отсутствуют, ясное дело.

— Они бы еще пририсовали внизу череп и скрещенные косточки, — фыркнул варвар. — Ну чисто дети! Даже угрожать по-человечески не умеют!

— Жаль, что ты убил этого Сайруса, — заметил я. — Может, и получилось бы из него что-нибудь вытясти.

— У жалкого исполнителя, которому поручают доставку никчемного письма? — немедленно усомнился Гвайнард. — Просто нам дали понять, что за отрядом наблюдают и кто-то очень не хочет, чтобы Конан и его спутники посетили месьора маркграфа.

— Его величество славится на Закате своим ослиным упрямством, — сказала Зенобия.

— И отправителю данной депеши должны быть известны не самые приятные особенности характера нынешнего аквилонского короля — по крайней мере в Тарантии о них судачат на каждом углу. Скорее всего, цель данного послания — подстегнуть интерес к замку Ройл.

— Ослиное упрямство? — Конан уставился на Дженну. — Возлюбленная супруга моя, тебе не кажется, что употребление столь необдуманных словес вполне подпадает под статью закона об оскорблении моего величества? А это — двадцать пять лет каторги, пожизненная ссылка или плаха.

— Поговори мне еще... — усмехнулась королева. — Следующей ночью будешь спать на конюшне. А если серьезно — то мне решительно непонятна закрученная вокруг нас интрига. Чего они хотят добиться?

— Во-первых, интрига закручена не вокруг нас, а вокруг него, — Конан ткнул пальцем в Гвайнарда. — Во-вторых, я решительно не понимаю слова «они». Кто — «они»? Фатарены эти поганые? Просто какие-нибудь охотники за артефактами? Мы ничего не знаем!

— Чует мое сердце — скоро все разъяснится, — чуть более мрачно, чем следует ответил Гвайнард. — Вот что, пока не приготовили обед, пойду-ка я осмотрю лошадь этого Сайруса. Я приметил, она стоит у коновязи, на седле есть переметные сумы... Может, чего отыщу.

— Пошли вместе, скучно тут сидеть, — ответил король и мы вчетвером выбрались из полутемной залы «Быка» наружу, под прохладное осеннее солнце.

Лошадка попалась норовистая — незнакомых людей она немедленно попыталась укусить или лягнуть, но Гвайнард сумел успокоить скакуна. Обыск не дал почти ничего — два кошелька, набитые серебряными немедийскими талерами (неплохая сумма! Зачем Сайрусу понадобилось грабить таверну, когда денег было вполне достаточно?), меховая куртка, два кинжала, запасные сапоги, две смены одежды.

— Похоже, наш разбойничек собирался в дальнюю дорогу, — заключил киммериец. — Никакой нормальный грабитель не возит с собой столько барахла!

— А вот, взгляните, — Гвай развернул обнаружившийся в мешке пергаментный свиток. — План дорог Восходной Аквилонии и порубежных областей Немедии. Значки какие-то странные нарисованы...

— Дай сюда... — варвар отобрал карту, осмотрел, но тоже ничего не понял. — Хальк, или я ошибаюсь, или это буквы кхарийского алфавита?

— Именно, — подтвердил я. — Иероглифы Ахерона. Митра Всеблагой!..

У меня буквально потемнело в глазах, едва я уяснил, что именно изображала карта.

— Никакой это не дорожный план! — воскликнул я. — Просто вы взглянули на линию немедийских гор с Киммерийским хребтом и приняли... Не может быть!

— Чего — не может быть? — потеребила меня за рукав Зенобия.

— Понимаете, расположение гор и русла рек за минувшие пятнадцать столетий не изменилось, — начал торопливо объяснять я. — Природа вообще меняется исключительно медленно, если не считать грандиозных катастроф вроде затопления Атлантиды или падения Небесной Горы. В последние годы существования Кхарии материк выглядел практически так же, как и сейчас... Перед нами — карта центральных областей Империи!

— Слишком уж древним план не выглядит, — бесстрастно заметил Гвай.

— Да он нарисован от силы год назад, говорю как библиотекарь! Чернила явно зингарские, пергамент выделан в Немедии — у них особый способ дубления телячьих шкур, я могу распознать!

Пока я причитал над удивительной картой, Зенобию отвлекло некое движение,

обозначившееся в глубине обнесенного низким плетнем двора таверны. Когда королева разглядела, какой именно предмет шевелится, она немедленно прервала все разговоры:

— Конан, кто тут недавно толковал о «нормальных грабителях»? Как думаешь — то, что я вижу — нормально?

Полностью согласен с Зенобией. Положение, когда человек, убитый наповал всего полтора квадранса назад, встает на ноги и собирается войти обратно в таверну нормальным никак не назовешь.

Мы все на несколько мгновений оцепенели, а злосчастный мертвец тем временем довольно бодренько протопал к задней двери «Быка» и благополучно исчез за притвором. Тотчас из дома донеслись истошные вопли, причем орали не только перепуганные служанки, но и мужчины.

Спустя миг послышался изрядный треск и в затянутое слюдой окно таверны камнем вылетел его сиятельство граф Вилькон, выбив собой раму и переплетение тонких реек. Тело графа парило над землей совсем недолго — доблестный капитан гвардии короны рухнул из поднебесных высей в заросли лопухов под окном и более не совершил попыток двинуться.

— Я посмотрю, что с Вильконом, — первой очнулась Дженна. — Да разберитесь же, что там происходит, недоумки!

И мы со всех ног припустили к дому, выхватывая клинки. Шум внутри все нарастал и крики из удивленных начали превращаться в откровенно панические.

Когда мы ворвались в обеденную залу «Пародистого быка», глазам предстало далеко не самое приятное зрелище, однако наше полнейшее недоумение вызвали вовсе не кровавые лужи и брызги, и не количество трупов, уже валявшихся на полу.

Для начала скажу, что странный разбойник Сайрус снова был мертвее мертвого — он валялся почти возле порога и Конан едва не споткнулся о его тело. Засим мы быстро выяснили, что дерутся наши вышколенные гвардейцы, точнее не дерутся, а отбиваются от лихо размахивающего мечом сервента гвардии по имени Арус. А клинком этот самый Арус действовал безупречно — отбил сыплющиеся на него удары, сделал обманное движение, и вот острие его меча пронзает грудь очередного гвардейца...

Дальнейшее вообще превзошло все мои ожидания. После убийства своего сотоварища Арус беззыянным рухнул на занозистые доски пола, только что убитый им «Черный Дракон» наоборот, вскочил на ноги и принял ожесточенно рубить сотоварищей...

— Только не это! — в совершеннейшем отчаянии взвыл Гвайнард, схватил меня и уже собравшегося ринуться в гущу непонятной битвы киммерийца за вороты и потащил назад. — Уходим! Немедленно! Это — ревенант!

— Кто?.. — огрызнулся Конан. — Отцепись! Я не брошу своих!

— Они и так уже мертвы! — орал, брызгая слюной Гвай. — Быстрее, дубина киммерийская! Я знаю, что говорю!

Меня это несказанно удивило, но Конан вдруг послушался — видимо знал, что Ночной Страж не станет поднимать панику из-за ерунды.. Тем более, что бой подходил к своему логическому финалу — каждый следующий убитый гвардеец внезапно вставал на ноги (предыдущий, наоборот, умирал) и продолжал драку с удвоенной силой и таким потрясающим искусством, что я был готов залюбоваться. От отряда наших телохранителей практически ничего не осталось...

Размышлять было некогда. Мы выскочили на улицу. Конан немедля побежал к Зенобии, возвившейся с бессознательным графом, а мы с Гваем побежали отвязывать наших лошадей.

Киммериец притащил Вилькона на плече — Дженна уверенно сказала, что граф живехонек, только оглушен. Едва варвар успел перебросить бессознательное тело поперек седла графской лошади, крики в таверне стихли, дверь скрипнула и на пороге показался один из наших гвардейцев, сжимавший в руке клинок. С лезвия капала кровь, на груди человека (или уже не-человека?) расплывалось темное пятно, колет был рассечен.

— Быстрее! — оглушительно рявкнул Гвайнард и буквально взлетел в седло. Гвардеец быстро зашагал к нам. — Шпор поддайте! Сматываемся!

И мы весьма резво смотались.

* * *

Столь позорного отступления я в жизни не видывал. Наши скакуны вихрем пронеслись через сонную деревню, перепугав пасущихся у самых домов овец и возившихся в пыли детишек, копыта выбивали по сухой глине широкого тракта частую дробь, мелькали росшие по краям дороги деревья. Как Вилькон не свалился со спины коня и не расшибся насмерть — ума не приложу. Не иначе, провидение уберегло.

Спустя полторы-две лиги мы заставили лошадей перейти с бешеного галопа на рысь, затем на шаг. Бока наших четвероногих спасителей покрылись вонючей пеной.

— Остановимся ненадолго, — выдохнул вспотевший и красный как рак Гвайнард. — Ревенант за нами не угонится, он же мертвый...

— А вот теперь, — яростно рыкнул киммериец, — ты мне объяснишь, что произошло и почему я потерял ни за что, ни про что, отлично обученный и до последнего преданный королю гвардейский платунг!

— Плохи дела, — покачал головой Гвай, спрыгивая с седла. — Ревенант — один из самых жутких монстров нашего мира. Да, собственно, никакой это не монстр по большому счету... Разновидность проклятия, причем на редкость паршивая!

Пока мы снимали с седла доселе не пришедшего в себя Вилькона и устраивали его на вынутой из походной сумы попоне — пускай отлеживается! — Гвай объяснял, с какой именно разновидностью нечисти мы столкнулись.

— Кхарийцы являлись редкостными выдумщиками по части разнообразных замысловатых проклятий, — говорил бравый Ночной Страж, попутно откупоривая флягу с вином — подкрепить силы. — Прежде я видел настоящего ревенанта всего один раз в жизни, и то едва успел ноги унести. Словом, это проклятие накладывается на того, кто потревожил покой кхарийской гробницы, причем не обычной, а такой, где упокоен сильный маг. Человек, вскрывший гробницу ничего не почувствует, вынесет оттуда золотишко и камушки, но стоит ему умереть — он превратиться в мстителя.

— Мстителя? — переспросила Зенобия. — Но мы-то здесь при чем? Лично я никогда не грабила кхарийские захоронения, даже в мыслях не было. Конан, а ты? В прошлом?

— Не приходилось... — пожевал губами киммериец. — Их слишком мало и они очень хорошо запрятаны. Валузийские, стигийские — бывало.

— Да при чем здесь твои старинные подвиги? — поморщился Гвайнард. — Вы слушайте, не перебивайте. Итак, получивший проклятие человек впоследствии умирает. Не

знаю, что становится с его душой, но мертвое тело обретает некую особенную странную жизнь... Ревенант сначала убивает тех, кто убил его самого, а затем становится стражем той самой гробницы — то есть возвращается на место, где получил проклятие и бессонно бдит, если это выражение применимо к мертвецу.

— Обычный зомби, — отмахнулся Конан. — По крайней мере ничуть не страшнее. Хотя... Я не знал, что зомби такие прыткие, обычно они спокойнее и куда медлительнее. Видели, что творилось на постоялом дворе?

— Вот теперь мы подошли к самому главному, — тяжко вздохнул Гвайнард. — Дело в том, что дух или демон, завладевший телом ревенанта способен обучаться всему тому, что знает убитый им человек и переселяться в новое тело. Словом, если бы ревенант сначала убил тебя, то мигом переместился бы в тело Конана Канах, получил бы твои боевые, а то и магические умения... Человеческое тело, как ни странно запоминает все, что когда-либо делало, движения, навыки. Потом ревенант убивает меня, тоже переселяется в мое тело и учится новому. Таким образом знания Конана и Гвайнарда объединяются, а драться мы оба умеем неплохо. И так далее. Чем больше убитых — тем больше знаний и умений. Это может продолжаться почти до бесконечности. Теперь понимаешь, почему он с такой легкостью справился с «Драконами»? Когда ревенант убивал последнего, он уже владел всеми приемами боя, которые знали восемнадцать предыдущих, ведь у каждого бойца есть свои приемы, свои секреты. Ясно?

— С ума сойти, — ошеломленно выдавил киммериец. — Значит, теперь эта тварь будет охотится за нами? Ведь разбойника, на котором лежало проклятие, убил именно я? Воображаю, с каким противником придется столкнуться, если этот твой рав... рев... в общем, зомби, перебьет всех гвардейцев Шамара или Тарантии... Это то же самое, как если бы я вышел против целого легиона!

— Не перебьет, — сказал Гвай. — У проклятия есть четкие границы: уничтожить надо только своих обидчиков и тех, кто присутствовал при убийстве, а затем вернуться к гробнице. На прочих людей ревенант не нападает, разве что они сами его атакуют... Кхарийцы были умными людьми, и понимали, что если такой вот демон начнет уничтожать всех подряд, то рано или поздно наш мир будет населен одними ревенантами — они просто вырежут все человечество, с их-то возможностями! Отсюда и ограничение. Но уничтожить такую тварь исключительно сложно — ревенанта надо либо сжечь, а оставшиеся кости перетереть в порошок и развеять по ветру, либо растворить в едкой жидкости...

— Ничуть не жалею о том, что наши предки уничтожили Кхарию, — едко добавила Зенобия, хлопотавшая возле Вилькона. — Ну и народец был!

— Не то слово, — кивнул Гвайнард. — Впрочем, хайборийское нашествие являлось лишь одной из причин падения Империи, причем не самой значительной. Они сами себя погубили...

* * *

Когда меня, ученого летописца и тайного советника короля спрашивают, что я могу рассказать о Великой Империи Ахерона, то чаще всего я затрудняюсь с ответом.

Как это ни удивительно, великое государство существовавшее более двух тысяч лет не оставило после себя почти никаких следов. Это вовсе не означает, что кхарийцы не являлись талантливым и многоученым народом — сохранившиеся до наших дней единичные рукописи, трактаты, артефакты, развалины зданий, непреложно свидетельствуют: Империя действительно достигла больших высот во многих областях человеческих знаний, а особенно в магии. Именно магия и стала главной причиной падения Кхарии.

Собственно в последние десятилетия Ахерона жизнь в государстве проистекала довольно вяло и благополучно. Как выразился бы pragматичный Конан — кхарийцы попросту зажрались. Ради блага сравнительно небольшого народа трудились сотни покоренных племен, армия отвыкла от больших войн и растеряла славу самого непобедимого и дисциплинированного войска обитаемого мира, владыки Кхарии увлеклись колдовством, в котором видели основу своей власти и безопасности. Короче говоря, Империя постепенно подтачивалась изнутри и было достаточно одного сильного удара, чтобы этот колосс рухнул, и более не поднялся.

Ударов было нанесено сразу несколько, причем каждый из них являлся смертельным. Во-первых, многочисленные племена хайборийцев, явившиеся с Полуночи и Восхода начали войну за порубежные провинции Кхарии, а когда вожди варваров уяснили, что слухи о несокрушимой мощи имперской армии несколько преувеличены, началось полномасштабное вторжение несметных дикарских орд на земли Ахерона.

Во-вторых, после нескольких крупных поражений, когда ситуация стала угрожающей, правители Империи приняли решение не стесняться в средствах и использовать в войне магию. Последствия этого шага стали роковыми, и вот почему. Последние императоры сделали ставку не на вооруженный отпор хайборийцам всеми доступными военными силами, а на свои знания в колдовстве. Результатом изощреннейших магических опытов стало появление на землях Закатного материка невероятного количества монстров, созданных кхарийцами — как ни странно, эти твари не только представляли собой значительную опасность, но и подчинялись своим хозяевам-людям. Однако, лихие опыты подданных Ахерона закончились плачевно — природа не вынесла столь невероятного надругательства над собой, мир переполнился магией и она неожиданно вышла из-под контроля кхарийцев.

Всем известно, чем является так называемая «Буря Перемен» — буйство сорвавшегося с цепи колдовства, когда заклинания не направляются волей мага, а действуют сами по себе, переплетаясь в самых невероятных сочетаниях. Подобные магические штормы способны натворить немало бед, однако они всегда кратковременны — обычная Буря Перемен продолжается не более суток, вдобавок это явление считается крайне редким и встретиться с ним можно исключительно в странах, где волшебство доселе является главным занятием большей части подданных — в Гиперборее и Стигии.

Катастрофа, произошедшая в Кхарии, являлась своеобразной Бурей Перемен, только продолжалась она несколько лет и захватила огромные территории. Взбесившееся бесконтрольное колдовство уничтожало целые города, порождало к жизни совсем уж невиданных чудовищ, открывались врата в мир духов, откуда вылезали такие мерзопакостные демоны, что и подумать страшно. Гвайнард сказал совершенно правильно — заигравшиеся с магией кхарийцы сами погубили свое государство и свой народ, ужасный колдовской шторм бушевавший над материком не щадил никого и ничего, хотя, надо признать, на некоторое время остановил хайборийское нашествие.

О том, что происходило в эти смутные времена свидетельств почти не сохранилось, но общая картина приблизительно ясна. Происходили невероятные искажения пространства, тварной материи и времени, волны магии, подобно морскому прибою, уничтожающему песчаные домики на пляже, стирали с лица земли селения и храмы, люди сходили с ума или просто-напросто исчезали из нашей Сфера, перемещенные магией в такие места, о которых лучше не говорить перед наступлением ночи. Бесчинствовали вышедшие из подчинения кхарийцев монстры, которые, вдобавок еще и скрещивались меж собой, давая потомство, являвшее собой абсолютно непредсказуемых и невиданных зверюг...

Словом, темный ужас.

Буря, исчерпав себя, закончилась спустя десять-пятнадцать лет, и к этому времени благоразумно отступившие на Полночь хайборийцы могли взять остатки Кхарии голыми руками, поскольку от Империи осталось несколько жалких обломков, крошечных государств, от части сумевших защититься от магического шторма. Дальнейшее представить не сложно: разрозненные княжества были уничтожены, на троны вновь образовавшихся государств взошли самые выдающиеся вожди хайборийских племен, святой Эпимитриус вместе с первыми королями, Алькоем и Олайетом, начали создавать на груде развалин, оставшейся от Кхарии, Аквилонию и Немедию, а у наших предков появилось новое увлекательное и опасное занятие — устраниТЬ последствия колдовской бури. Именно тогда и появилась гильдия Ночной Стражи, которая взялась за уничтожение бродивших по землям континента монстров, уцелевших после падения Ахерона.

Как уже сказано выше, Кхария не оставила после себя практически никакого наследия — все было уничтожено. Хайборийцам пришлось не восстанавливать ушедшй в небытие мир, а буквально строить его заново. Все наши знания, алфавит, все достижения мысли и разума, все что сделано нашими руками — все это принадлежит нам и только нам, хайборийцам. Да, такие города как Тарантia или Бельверус построены на древних кхарийских фундаментах, да мы помним о том, что тысячу триста лет назад одна цивилизация сменила другую, но мы никогда не использовали наследства предшественников. Его просто не осталось.

...Около полусотни рукописей, разбросанных по самым крупным библиотекам стран Заката, примерно столько же магических артефактов, найденных в чудом сохранившихся гробницах или в развалинах кхарийских храмов, монеты, нехитрая утварь — вот все, чем мы располагаем. И, конечно, в этот же список можно включить сохранившихся в отдаленных чащобах монстров и древнюю магию Ахерона, которая изредка дает о себе знать в виде неприятных казусов наподобие уже знакомого вам ревенанта.

И кто знает, может быть под забытыми руинами кхарийских городов доселе дремлет нечто столь опасное, что все перипетии недавней войны Алого Камня покажутся нынешним владыкам Заката лишь мелкими неприятностями...

* * *

— Это просто невероятно, — сокрушенно качал головой киммериец. — Потерять лучший отряд гвардии, а потом бежать сломя голову от какого-то паршивого демона под

теплое крыльшко графа Ройла! Начинаю думать, что удача сегодня повернулась к нам не лицом, а стороной прямо противоположной.

— Не скули, — нахмурилась Зенобия. — «Драконов», конечно, жалко, но так уж сложилось. Надо благодарить всех богов за то, что мы живы. Лично я не вижу ничего страшного в том, что королевская свита ныне состоит только из монаршей супруги, личного летописца, охотника на монстров и капитана гвардии... Это в твоем стиле, Конан.

Замечу, что Вилькон пришел в себя довольно быстро — череп у его светлости графа оказался на редкость крепким. Вилькону очень повезло: когда ревенант ворвался в таверну и начал убивать всех, кто попадется на глаза, граф попытался атаковать его сзади и хоть ненадолго задержать, но демон сначала выбил оружие из рук месьора капитана, сам при этом потеряв меч, схватил Вилькона за ворот и с немыслимой для обычного человека силой вышвырнул в окно, тем самым сохранив ему жизнь. Голова у графа сейчас, разумеется, побаливала, рану на затылке пришлось перевязать, но в целом наш капитан пострадал не слишком сильно.

Мы, не слишком торопясь, но и не задерживаясь, продолжили путь к горам. Гвай утверждал, что ревенант будут преследовать короля до последнего и обязательно появится в замке Ройл, а посему, явившись к маркграфу, нам следует подготовиться к встрече и когда настанет подходящий момент уничтожить древнего монстра самым простым и доступным способом — заманить в яму, наполненную смолой, и благополучно сжечь. Как именно придется заманивать ревенанта Гвайнард умолчал, равно как и не ответил на вопрос о том, позволит ли светлейший маркграф рыть во двое его резиденции помянутую яму. Сказал только, что разберемся на месте.

Холмы становились все выше, со стороны Восхода на нас смотрели мрачноватые горы, над которыми висели тяжелые свинцовые тучи, нагоняющие тоску. Настроение у всей компании было преотвратное — оно и понятно: веселая поездка в гости к месьору Ройлу обернулась весьма плачевно. Гвай сначала пытался развлекать нас рассказами о своих приключениях в Бритунии, однако разговор совершенно не клеился и последний отрезок пути мы преодолели в полнейшем молчании.

— Кажется, приехали, — высказался киммериец, указывая вперед и влево. — Недурно Ройл устроился, ничего не скажу.

— Да, выглядит весьма впечатляюще, — кивнула Дженна. — Любопытно, как предки маркграфа это построили?

— Надо полагать, руками...

Представьте: огромная, почти черная гранитная скала поднимающаяся к облакам подобно великаньему персту на высоту полутора тысяч локтей, склоны почти отвесные, ни единого деревца — только голый гранит. А в поднебесье парит замок-дворец о семи башнях, причем обиталище Ройла оказалось снизу доверху отделано светлыми мраморными плитами — поразительный контраст, черная гора и белый замок. Так красиво, что дух захватывает.

— Понимаю, почему немедийцы не смогли взять Ройл во время войны за тайборские земли, — протянул король, с интересом рассматривавший это потрясающее сооружение. — Если хватит припасов, в замке можно хоть триста лет отсиживаться. Штурмовать его абсолютно невозможно. Слишком высоко, слишком хорошо простреливаются все подходы... Я, находясь в Ройле, смог бы отбиться от любого числа неприятеля располагая двумя десятками хорошо обученных лучников и парочкой катапульт.

— Все это замечательно, только как мы заберемся наверх? — проворчала Зенобия. —

Лошади не пройдут, это совершенно исключено! А нам прикажете по веревочной лестнице карабкаться?

— Уверен, Ройл что-нибудь придумал, — сказал я. — Взгляните моя королева, у подножия скалы — деревня. Мы можем оставить лошадей на постоялом дворе, если таковой отыщется, а сами поднимемся к воротам на своих двоих.

Чем дальше — тем страннее. Поселок, расположившийся под защитой замка, вовсе не походил на обыкновенную деревню в предгорьях. Дома не бревенчатые, а каменные, хотя строевого леса вокруг предостаточно, обитатели селения выглядят скорее как городские гильдейские мастеровые, а не как крестьяне, ощущается запах угольного дыма, звенят молоты в кузнях, люди выглядят слишком деловито...

Ограды вокруг поселка не было, даже застава на въезде не обнаружилась. Только подъехав ближе к центру деревни, над которым возвышался тонкий шпиль маленького митрианского храма на нас обратили внимание. На дорогу (мощеную, вообразите!) вышел здешний обитатель, уткнул руки в бока и возился на дорогих гостюшках.

— Кто, откуда? — привычно прогудел бородатый месьор одетый в ярко-синее блио гербовой расцветки Ройла.

— Конан Канах, король Аквилонии, — кратко ответил я, как всегда выполняя обязанности герольда. Разводить лишние церемонии совершенно не хотелось. — С визитом к его светлости маркграфу.

— Как же, извещены... — бородач почтительно поклонился, потом обернулся и рявкнул:
— Эй, там! Примите лошадей у государя Конана и свиты!

Конюхи будто из-под земли выпрыгнули. Мы спешились и забрали остатки вещей, которые были спасены во время бегства от ревенанта. Впрочем, нетяжелые дорожные мешки тотчас подхватил бородатый.

— Идемте к подъемному механизму, — сказал он. — Иным способом в замок попасть невозможно, уж прощенья просим за неудобство.

— Подъемный механизм? — наклонила голову Зенобия. — Иштар Милостивая, благодарю тебя! Я-то полагала, что придется ноги на камнях ломать.

— Не извольте беспокоиться... э... благородная дама, все предусмотрено.

— Обращайся к госпоже «ваше королевское величество», — важно сказал я. — Перед тобой королева!

— Королева, значит? — наш проводник взъерошил пятерней черную разбойничью бородицу. — Извиняйте, у нас тут по простому, к столичным куртуазиям не приучены. С позволения достойнейших месьоров — я Эгар, конюший их светлости маркграфа. Идемте, покажу дорогу...

Чудо механики представляло из себя довольно широкую дощатую платформу, огороженную по краям перилами, достигавшими высоты пояса. Толстые канаты, привязанные по углам уходили в непостижимую высоту. Наверное, падать оттуда будет неприятно.

— Эта штука надежна? — обеспокоено спросил я, с недоверием ступая на доски. — Не сломается?

— Двести лет как не ломается, только канаты да блоки раз в год меняем, — насквозь безмятежно ответил месьор Эгар. — Каждый день пользуемся, и ничего, живы. Поехали?

Он звякнул в укрепленный на отдельном столбике колокольчик, канаты натянулись и квадратная платформа медленно поползла вверх.

Добро пожаловать в замок Ройл!

Глава четвертая

«ХОЗЯЕВА И ГОСТИ»

5-6 дни первой осенней луны 1296 г.

Замок Ройл.

— Вы позволите войти, милорд?
— Называйте меня «господин барон».

— Как вам будет угодно, господин барон. Его светлость маркграф Ройл распорядился, чтобы во время вашего пребывания в замке я исполнял обязанности камердинера месьора Халька Юсдаля.

— Вот как? Что ж, замечательно... Как вас зовут?
— Джигг, господин барон. К вашим услугам.

Я уставился на внезапно объявиившегося камердинера, пытаясь установить, что это за фрукт. Месьор Джигг имел три с половиной локтя от пяток до макушки, сиречь был роста среднего, чуть полноватую приятную физиономию, умные темно-карие глаза и короткие волосы расчесанные на прямой пробор. Одевался он скромно — черный суконный колет, украшенный крошечной вышивкой слева на груди: на синем гербовом щите голова мыши. Это была эмблема Ройла.

— Какие-нибудь приказания, господин барон? — ненавязчиво напомнил о себе Джигг.
— Нет, благодарю... Впрочем... Джигг, замок хорошо охраняется?
— Я имею все основания гарантировать вашу безопасность, господин барон.
— Понимаете, в пути с нашим отрядом случилась большая неприятность...
— Это очень огорчительно, господин барон. Я знаю о произошедшем. Позвольте выразить вам свое сочувствие.
— Знаете? Откуда?

— Его величество Конан Канах в весьма ярких и экспрессивных выражениях обрисовал случившееся командиру гарнизона замка. Я при этом присутствовал.

— Ясно... Когда, говорите, вернется маркграф?
— Не ранее, чем к утру, господин барон. Поверьте, приняты все необходимые меры, чтобы в замок не проникли посторонние.
— Неужели вы и впрямь пользуетесь только подъемным механизмом? Никаких лестниц, ходов ведущих вниз?

— Мы привыкли, господин барон. Так было спокон веку.
— Но каким, в таком случае, образом был построен этот дворец? Столь огромные каменные блоки невозможно затащить на отвесную гору при помощи какого-то подъемника!
— В прежние времена, господин барон, существовала дорога, ведущая к подножию скалы. Она была завалена во время осады замка немедийскими войсками.
— Понятно. В таком случае, принесите мне холодного мяса, кувшин вина и ваших замечательных пшеничных лепешек.
— Будет исполнено, господин барон. Вы позволите мне взять ваше платье, чтобы к утру почистить?
— Разумеется...

— Другие распоряжения, господин барон?

— Нет, идите.

— Слушаюсь, господин барон.

Джигг бесшумно исчез за дверью.

Данная беседа происходила в отведенной мне комнате на втором этаже замка Ройл, хотя слова «второй этаж» в данной ситуации звучат чистейшим эвфемизмом. Стоит распахнуть ставни и выглянуть в узкое окно, вам станет понятно почему. Лично я, решив полюбоваться до заката здешними красотами немедленно схватил жестокое головокружение — настолько было высоко. Такое впечатление, что смотришь на мир глазами коршуна из самого поднебесья. В принципе, так оно и есть — от моего уютного обиталища до земли было не меньше, чем две тысячи локтей.

Нас прекрасно приняли, однако вышедший встречать дорогих гостей каштелян замка осведомил Конана, что его светлость маркграф «уехал в горы по неотложным надобностям» и объявится в родовом гнезде скорее всего завтра утром. Засим нас проводили в комнаты, предложили воспользоваться купальней, в которой (о, радость!) даже была вскипяченная вода, после чего управитель замка предложил королю и остаткам его свиты отужинать — дело подходило к вечеру. Потом Конан отпустил капитана Вилькона спать — у графа начала сильно болеть голова — а сам пошел проверять здешнюю стражу, вполне обоснованно опасаясь возможного визита ревенанта.

Не скажу, что резиденция маркграфа Ройла слишком роскошна, по крайней мере тарантийским дворцам канцлера Публио, обожающего вульгарную роскошь, она и в подметки не годится, не говоря уж о замке короны. Однако, здесь мило — каменные стены прикрыты полированными деревянными панелями, картины и скульптуры, потемневшие, но очень красивые серебряные подсвечники, множество охотничьих трофеев, пушистые ковры, коллекции старинного оружия. Словом, неброско и удобно.

Моя комната оказалась отделана в оффирском стиле, с низкой мебелью, пухлыми диванчиками, резным столиком и широкой кроватью, по счастью безо всякого балдахина — терпеть не могу этих собирателей пыли. В довесок ко всему — личный камердинер, что тоже радует. По виду Джигг является замечательно вышколенным слугой с умом и утонченными манерами.

— Отдыхаем? — дверь открыли, разумеется, пинком. Конан решил меня проводить. — Ты неплохо устроился. Впрочем мы с Дженной ничуть не хуже, и Гвайнард с Вильконом тоже... Живет Ройл не на широкую ногу, но цену удобствам знает.

Киммериец расположился в пышном кресле напротив и с сожалением взглянул на девственно чистый столик, которому давно следовало бы украситься кувшином с вином. Положение спас неведомо откуда появившийся Джигг — мой новый камердинер с бесшумностью мыши проник в комнату и почтительно застыл у порога с серебряным подносом в руках.

— О, ваше величество... Вы позволите?

— Валяй, — кивнул Конан. — Вино и ветчина? Отлично! Эй, друг, притащи еще один кувшин. Этого нам будет маловато!

Джигг посмотрел на короля странно, но возражать не стал.

— Как будет угодно вашему величеству.

И снова растворился в пустоте.

— Конан, с прислугой подобного сорта не следует так обращаться, — усмехнувшись

сказал я. — Этот Джигг по величественности и знанию куртуазии даст форы любому обыкновенному королю.

— А я какой?

— А ты — король варварский. Если будешь говорить камердинеру «валай» или «эй, друг», введешь его в состояние близкое к помешательству — по его представлениям король должен быть...

— Ради всех богов, не начинай снова! — решительно перебил киммериец и едва за голову не схватился. — Все церемонии и расшаркивания остались в Тарантии! В конце концов, я тоже хочу недолго побыть человеком, а не... — тут Конан скрочил мерзкую рожу и просююкал, весьма похоже передразнивая зануду-канцлера, помешенного на куртуазии и приличиях, — ...коронованной особой, обязанной своим поведением подавать достойный пример добрым подданным Трона Льва. Тьфу!

— Хорошо, оставим, — я поднял ладони в примирительном жесте. — Ты не плуйся, а лучше налей вина. Джигг, молодчина, как чувствовал — притащил два бокала!

Вино оказалось прекрасным, но вкус мне не был знаком — видимо, использовали какой-то местный сорт винограда. Табронийская провинция виноделием не славится, но здесь прижились несколько офирских сортов, из которых дворяне округи изготавливают весьма достойные напитки, дабы не тратиться на дорогущие пуантенские или шемские вина.

— Что будем делать? — Конан поставил вопрос напрямую. — Нехорошо конечно, решать важные вопросы без Зенобии и Гвайнарда, тем более, что все случившееся их касается напрямую. Но они уже спят... А ты у меня тайный советник. Отрабатывай королевское жалование — советуй.

— Что будем делать с чем? — Не до конца понял я. — Ты про ревенанта, что ли?

— Эту тварь мы и так загоним обратно в Черную Бездну, — легкомысленно отмахнулся Конан. — Что делать с теми, кто строит нам козни? Сначала натравили демонов в Шамаре, потом передали письмо, которое принес человек, носящий древнее кхарийское проклятие и запросто хранящий в мешке копии карт Ахерона, о которых даже ты, большой любитель старины, никогда ничего не слышал. Гвайнарда совершенно недвусмысленно пытались убить из-за некоего артефакта, найденного Ройлом, а сам артефакт становится предметом охоты этих самых фатаренов или как их там... Не слышу советов, барон.

— Полагаю, сначала надо вдумчиво побеседовать с маркграфом, — сказал я. — Затем, соколиной почтой отправить подробнейшее послание в Тарантию, барону Гленнору. Пусть делом секты поклонников Изначальной Тьмы займется тайная служба, привлекут лучших конфидентов... Если, конечно, нас преследуют именно фатарены и мы не ошибаемся.

— Мне одно не нравится, — задумчиво сказал Конан. — Что все ниточки этой истории увязываются на наследие Кхарии. Артефакт Ройла — якобы кхарийский. Ревенант — проклятие кхарийское. Найденная нами карта — тоже кхарийская, точнее копия с оригинала. Чует мое сердце, эта распроклятая древность еще заставит нас поплясать на углях. А насчет письма Гленнору — тут ты прав безупречно. Завтра же отправь депешу, пусть Латерана начнет поиски. Не нравятся мне эти фатарены, слишком уж подозрительно... Еще мысли?

— Надо каким угодно способом избавиться от ревенанта, — подал я идею, ничуть не блеснувшую оригинальностью. — Полагаю, что уже ночью или завтра с утра этот неубиваемый зомби начнет шляться вокруг Ройла и попытается пролезть в замок, поскольку ему нужны души убийцы и свидетелей его смерти. То есть, прежде всего твоя душа. Затем тварь примется за меня, Зенобию, Гвайнарда и Вилькона.

— В крепость ревенант не проберется, — чуть более самоуверенно чем следует отозвался киммериец. — Пока вы заканчивали ужин и болтали с управителем о всякой ерунде, я подробно ознакомился со здешней фортификацией, интересно же! Помнишь, я рассказывал о крепости Волчьего Острова, существовавшей во времена Роты-Всадника? Мы там вместе с Гваем побывали.

— Что-то связанное с порталом времени, появившемся в Бритунии одиннадцать лет назад? Гигантский замок Артано?

— Именно. Так вот, по своей защищенности Ройл чем-то напомнил мне Волчий Остров. Только уменьшенный раз в пятьдесят. Наверх не то, что живой мертвец, муравей не залезет — скалы отвесные, острые, случаются камнепады. Начальник гарнизона сказал, что они тут ловушки какие-то расставили... Добавим сюда отличную охрану — я взглянул на дружину Ройла, настоящие упыри. Такие рожи, что жуть берет. В общем, замок Ройл сравнительно безопасен... Кр-ром Громовержец!!

Постулат о сравнительной безопасности замка Ройл был тут же развеян. Чуть скрипнула дверь, привлекая наше внимание. Конан повернулся на звук первым и тотчас вскочил, прыгнул за кресло, да так и остался стоять с разинутым ртом машинально шаря рукой на поясе — ножны с клинком король оставил в своих покоях. Я наоборот — замер на диванчике, будучи не в силах шевельнуться.

Собачка. Крупная собачка темной масти. Зверь просто толкнул лапой неплотно закрытую камердинером дверь и вошел, желая взглянуть на гостей его светлости маркграфа.

Облик это диво напоминало стигийского сторожевого пса с гладкой шкурой, но таковым совершенно не являлось. Ростом с теленка, тело худощавое и поджарое, совершенно не вяжущееся с огромной вытянутой и тяжелой головой. Глаза багрово горят, и это не отблеск зажженных нами свечей — в зрачках пылает свое, темное, недоброе и мерцающее пламя. Уши короткие и острые, морда в щрамах, зубастая пасть напоминает разрез рта океанской акулы. Вначале я подумал, что шерсть у животного черная и оказался не прав. Шкура давала красноватый отблеск. В общем, урод редкостный.

Однако не скверный облик собаки вызвал у нас с Конаном столь бурную реакцию. Едва войдя в комнату, псина выдохнула из пасти струйку темного пламени, которая коснулась ворса ковра. Пополз мерзкий запах жженой кости. Хорошо хоть сам ковер не загорелся.

— Это демон? — слабо выдавил я, полагая, что неведомые преследователи нашли нас и в замке Ройл, снова натравив потусторонних тварей.

— Нет, господин барон. Это не демон. Если быть точным — не совсем демон, с вашего позволения.

В дверном проеме образовалась фигура месьора Джигга. Камердинер стоял сразу за огнедышащей собакой и я начал бояться за его жизнь — а ну, как псина нападет? Очень уж несимпатичный зверь.

— Это хэллхаунд, домашняя собака его светлости маркграфа, — с поразительной невозмутимостью осведомил нас Джигг. — Очень милое существо. Видимо, он зашел, чтобы познакомиться с вами, господин барон. Равно как и с его величеством.

— Я не желаю знакомиться с этим монстром, — быстро сказал Конан. Зверь тем временем выдохнул еще одну струю пламени и шикарный иранистанский ковер наконец-то начал тлеть. Джигг тотчас шагнул вперед и аккуратно затоптал искры.

— Убери отсюда эту тварь!

— Как будет угодно вашему величеству, — чуть поклонился камердинер. — Видимо,

Пончика привлек запах ветчины с вашего стола... Пончик, пойдем. Господам нежелательно твоё общество.

Собакообразное чудовище по имени Пончик послушно развернулось и потрусило в темноту коридора.

— Ваше величество и господин барон еще что-нибудь желают? — Джигг поставил на столик обещанный кувшин с вином и застыл в величественно-почтительной позе. — Могу предложить изумительные фрукты, только вчера доставили из Ианты...

— Нет! — рявкнул Конан. — Иди... те.

— Позволю себе пожелать вашему величеству и господину барону покойной ночи. В случае необходимости господин барон всегда может вызвать меня при помощи звонка колокольчика.

Джигг указал на шнурок с кисточкой, возле двери, развернулся и отбыл.

Дверь бесшумно затворилась.

— Ну и дом... — выдохнул киммериец, плюхаясь обратно в кресло. — Я всегда знал, что Ройл чуток не в себе, но заводить в доме хэллхаунда? Верх своеобразия!

* * *

Если вы думаете, что в дальнейшем этот вечер продолжался мирно и безмятежно, то весьма глубоко заблуждаетесь. На мою долю выпало еще несколько сюрпризов, вызвавших появление в русой шевелюре барона Юсдаля десяток новых седых волосков.

Мы с Конаном благополучно употребляли замечательное сладкое вино маркграфа, разговаривали, строя самые невероятные предположения о природе постигших нас неприятностей, перемывали косточки черным магам и на чем свет костерили противных кхарийцев, которые даже через тринадцать столетий ухитряются причинять неприятности своим старинным врагам из хайборийского племени. Лишь когда на донжоне два раза бухнул колокол, отмечая, что все нормальные люди в такое время видят десятый сон, мы собрались на покой.

— Ладно, почесали языками и хватит, — добродушно сказал киммериец, поднимаясь со своего кресла и потягиваясь. — Пойду к себе...

— И даже не поговоришь со старым другом?

Новый, совершенно незнакомый мне голос послышался из дальнего угла комнаты. Голос скрипучий и... Как бы это сказать? Не совсем человеческий. Нотки проскальзывали странные.

Боги всеблагие, откуда здесь взялся еще один человек?

Тем временем незнакомец, облаченный в широкую черную хламиду с капюшоном (мне это явление моментально напомнило Черного Отшельника, посетившего нас в «Фениксе») шагнул к нам, попутно стягивая с головы капюшон.

Вот тут я едва не сорвался. Понимаю, что дворянин с моим воспитанием и положением не может (не имеет права!) издавать визги более приличествующие старой деве, узревшей мышку на своем туалетном столике, но... Только собрав всю имевшуюся в наличии волю отприска старинного баронского рода я подавил желание громко возвестить всем обитателям

замка Ройл о своих чувствах.

Оно было ужасно. Отвратительно. Этот кошмарный монстр будто сошел со страниц сочинения Стефана Короля Историй о вампирах Ло-Салима, а данное произведение знаменитого сказочника я полагаю одним из самых жутких и душераздирающих — Стефан превзошел сам себя, описывая гнусных кровососов, негодяйски уничтоживших жителей мирной деревни в Пограничье.

Голова походила на человеческую — нос, уши, подбородок, довольно высокий лоб. Два глаза ярко-желтого цвета не имеют зрачков. Тонкая кожа — белая, с чахоточным серовато-голубым оттенком. Отверстая пасть (у меня язык не поворачивается назвать это ртом!) оснащена таким впечатляющим арсеналом сверкающих конусообразных зубиц, что и в кошмарном сне не привидится. Как кажется, зубы растут в несколько рядов... Или все-таки мне померещилось?

Словом, это невероятное чудище точь-в-точь походило на вампира из страшных легенд мэтра Стефана. Вампира самой жуткой разновидности — каттакана. Того самого каттакана, что обычно спит в гробу, завтракает кровью загодя похищенных новорожденных младенцев и невинных девиц, который способен через укус заражать людей страстью к чужой кровушке, превращаться в огромную летучую мышь и... Об остальном говорить не буду, самому противно становится.

Но вот реакция Конана на появление белокожего страшилища потрясла меня до глубины души. Я так не удивлялся со времен, когда подстрекаемый излишним употреблением горячительного и скучающий король Аквилонии, собрав компанию близких друзей отправился инкогнито погулять по Тарантии и был арестован стражей, за попытку, простите, помочиться пряником на конный памятник самому Конану, воздвигнутому после знаменательных событий Полуночной Грозы.

Киммерийца извиняет только одно — он искренне ненавидел этот несуразный монумент, подаренный его величеству благодарным аквилонским народом и полагал, что большего оскорблений в жизни не получал. Действительно, зверская рожа бронзового монарха наводила на размысления о его умственных способностях, пышногрудая красавица, каковую он прижимал к груди (аллегорический символ Аквилонии) была вульгарна до невозможности, а украшавшие подножие памятника аллегории Славы, Доблести и прочих достоинств короля вызывали рвотные позывы, настолько слашаво и пафосно были изваяны.

Впрочем, я отвлекся.

Так вот: Конан, узрев перед собой желтоглазое и клыкастое непотребство вовсе не схватился за оружие (которого при нем, кстати, не было) и отнюдь не бросился в бой. Король сначала изобразил на лице искреннее изумление, а затем с восторгом бросился в распластерные объятия этого... этой... не знаю, как сказать.

— Рэльгонн, дружище! — восторженно орал Конан, обнимая отвратительного монстра.
— Тебя ли я вижу? Сколько лет не виделись, рожа вампирская! Одиннадцать?

— Нет, десять, — посмеиваясь ответило существо, поименованное Рэльгонном.
Помнишь, во времена войны с пиктами на Черной реке мы вместе немного поразвлечлись?
История с Зогар Сагом?

— Конечно помню! Почему не заглядывал? Ты ведь можешь летать куда захочешь, знаешь где меня найти! Как нам тебя не доставало во времена появления Зеленого огня!

— Я тогда посчитал, что Конан Канах уже совсем взрослый мальчик и сам управится со столь незначительными трудностями.

— Давай, присаживайся! Хальк, где вино? Что, неужели кончилось?

Я, не думая о последствиях, машинально дернул за шнур, который должен был пробудить к жизни колокольчик в комнате камердинера, обязанного являться по первому зову. Надо понимать мое состояние — Конан, всегда искренне ненавидевший разнообразную нечисть, буквально обезумел от радости при появлении страшного вампира. Что, Сет вас всех зажри, тут происходит? Может, киммериец заболел?

Только мы расселись, как в дверь деликатно постучали и на пороге вновь образовался Джигг. Словно и не ложился спать — выглядит безупречно.

— Господин барон?

— Э-э... — выдавил я, но Конан взял ситуацию в свои руки:

— Приятель, тащи еще пару кувшинчиков! Самого лучшего, что есть в погребах Ройла!

К несчастью, упырь не успел спрятаться под капюшоном — просто запутался в его складках. Я ожидал, что сейчас поднимется шум на весь замок, однако Джигг с королевской невозмутимостью взглянул на проклятого упыря, и спросил:

— Я не буду слишком навязчив, если предложу досточтимому месьору вампиру свежей свиной крови? Свиней забивали только сегодня.

— Нет, благодарю... — кажется, редкостное хладнокровие Джигга даже кровососа привело с замешательство. — Мне будет вполне достаточно вина.

— Как будет угодно господам, — камердинер наклонил голову, развернулся и отбыл в недра обиталища нашего странного друга, маркграфа Ройла, за очередными кувшинами со сладким соком виноградной лозы.

(Заметка на полях: только потом, основательно ознакомившись с традициями и особенностями замка Ройл я понял причины фантастической невозмутимости здешней прислуки при самых невероятных ситуациях. Но об этом будет сказано ниже.)

— Хальк, разреши представить тебе моего старинного друга, Рэльгонна, эрла замка Рудна! — не без театральной патетики воскликнул Конан, указывая на мерзейшую харю упыря, восседавшего передо мной. — Месьор Рэль помогает отряду Гвайнарда при особо затруднительных делах. Короче говоря, он тоже в своем роде Ночной Страж.

— Вампир — Ночной Страж? — пискнул я, отлично понимая, что данное сочетание слов, столь же абсурдно, как и «Конан — образец добродетели». Хотя, данное сравнение не слишком удачно — киммериец и впрямь постепенно становится относительно «добродетельным», скажем спасибо Зенобии.

— Рэльгонн, это барон Хальк Юсадль, один из тех балбесов, которым я доверил управление Аквилонией, — безо всякого стеснения продолжал разливаться король. — В чине летописца и тайного советника, даже орден Большого Льва имеет.

— Очень приятно познакомиться, — любезно улыбнулся упырь, и мне стало дурно от его акульего оскала. — Судя по выражению лица, месьор Хальк меня... э... побаивается. Точнее, моя необычная для людей внешность произвела на барона не самое лестное впечатление.

— Нет-нет, что вы, — прохрипел я, вспомнив об элементарной вежливости. Кроме того, если Конан эту тварь не боится и даже состоит с ней в дружеских отношениях, то и мне страшиться нечего. — Я тоже очень рад...

— Позволят ли господа сервировать стол?

Опять Джигг. У камердинера удивительная манера появляться из ниоткуда. В этом отношении он может соперничать с самым опытным вампиrom.

Когда на резном огирском столике утвердились два объемистых кувшина старого

серебра наполненные либнумским нектаром и блюдо со снедью, среди которой преобладала холодная жареная крольчатина и зелень, Джигг вновь ушел, сделав вид, что если аквилонский король изволит принимать у себя кровожадного упыря, то этот факт совершенно не должен волновать прислугу. Королевские соображения куда выше мнения камердинера, а вампир — это сущий пустяк.

— Хальк, перестань трястись, — строго сказал киммериец после отбытия Джигга. — Сейчас я тебе расскажу ту часть истории о Ночной Страже, которую ты еще не слышал...

* * *

Как ни странно, утром я проснулся сравнительно рано и с чистой головой. Судя по желто-оранжевому зареву пробивавшемуся в комнату через окно, рассвело сравнительно недавно. Значит, надо вылезать из теплой постели, одеваться и...

Постойте, а во что мне одеться? Джигг вчера забрал мое платье, а запасное придется вынимать из дорожного мешка, который, кажется, я оставил в комнате Гвайнарда.

— Ваш завтрак, господин барон.

Так. Я совершенно не представляю, каким образом камердинер догадался о том, что я уже не сплю. И почему притащил поднос с горячими овощами, беконом и пшеничными булочками с медом. Такого роскошного обхождения нет даже в Тарантии, в королевском дворце, где я каждое утро одеваюсь самостоятельно, а потом спускаюсь в малую трапезную, где ленивые лакеи только накрывают стол.

— Благодарю вас, Джигг, — сказал я, когда поднос оказался в моих руках, — Кстати, я хотел бы узнать насчет...

— Платье господина барона будет доставлено незамедлительно, — мягко перебил меня камердинер. — Как только вы закончите завтрак.

Я сразу подумал, что Джигга следовало бы переманить ко мне на службу. Такой человек будет незаменим в Тарантии, где прислуга совершенно распустилась. На месте дворцового управителя, я разогнал бы три четверти орды этих обленившихся холуев, только и знающих, что воровать королевское серебро.

— Ночью ничего особенного не происходило? — как бы невзначай поинтересовался я, приступая к еде. — Какие-нибудь странные события?

— Нет, господин барон.

— А граф Ройл приехал?

— На рассвете, господин барон. Его светлость будет ожидать его величество и свиту в своих апартаментах. Это в закатном крыле замка.

— Отлично! — просиял я. — Как туда пройти? Мне не терпится увидеть Ройла!

— Я провожу вас, господин барон. Еще что-нибудь?

— Нет, спасибо...

Итак, его светлость вернулся, а значит хоть небольшая часть загадок сегодня будет решена. Кроме того, следует надеяться и на месьора Рэльгонна, которому нынешней ночью Конан присоветовал побольше разузнать о секте фатаренов.

Вчера я был несправедлив к Рэльгонну. После подробных объяснений Конана и самого

упыря их Ронина выяснилось, что девяносто девять из ста рассказов о каттаканах истине не соответствуют.

История появления месьора Рэльгонна на Закатном материке оказалась весьма любопытной. Несколько тысяч лет назад на полуночные земли континента рухнула гигантская Небесная Гора (кстати, уничтоженная несколько лет назад Конаном и нашей развеселой компанией. Интересующихся этим событием отсылаю к моей «Синей или незаконной хронике Аквилонского королевства»). Случившийся в момент катастрофы огромный выброс тепла и магической силы привел к появлению Врат Миров — порталов ведущих в чужие миры, которые, как утверждал сам Рэльгонн, могут находиться на чудовищном расстоянии от Хайбории, возле отдаленных звезд. Один из порталов открылся в Универсум, который населяли каттаканы, и Рэльгонн вместе с несколькими родственниками решил исследовать мир, который находился по ту сторону Врат.

Оказавшиеся в Хайбории каттаканы полюбовались нашими удивительными достопримечательностями, подивились на населявших Закатный материк невиданных существ, наподобие людей, гномов или альбов и засобирались было обратно, да вот незадача — портал внезапно захлопнулся и Рэльгонн вместе с дядей и братом оказались навсегда отрезанными от своего дома. Вновь привести в действие Врата Миров каттаканам не удалось, пускай их цивилизация стократно превосходила все разумные расы Хайбории в большинстве областей знаний.

Уяснив, что покинуть чужой для них мир каттаканы не могут, Рэльгонн вместе с сородичами приспособился к жизни во владениях непонятных тварей, именовавших себя «людьми», а поскольку гости из чужой Вселенной были весьма и весьма долгоживущими (обычный каттакан живет несколько тысячелетий), упыри ужасно скучали. Кроме того, они были настолько чужды людям, что немногочисленное семейство Рэльгонна моментально заслужило жуткую репутацию вурдалаков и вампиров... В значительной степени это было справедливо — каттаканы действительно пили кровь человека и животных, что было необходимо им для выживания.

Словом, небольшое семейство чужаков заняло в горах полуразрушенный альбийский замок, как следует напугало обитающих в округе людей, чтобы они не совали нос в дела вампиров и уж тем более не вздумали на них охотиться, и с тех пор жили в нашем мире, изредка приходя на помощь людям вроде Гвайнарда и компании — упырей заедала скука.

Киммериец познакомился с Рэльгонном как раз во времена своего пребывания в Бритунии — каттакан помогал ватаге Ночной Стражи в многотрудном ремесле охоты на настоящих монстров и, похоже, получает от этого удовольствие — каттакан, с его врожденными магическими умениями, холодным логическим разумом и способностью «прыгать через Ничто» был незаменимым помощником охотников. Одна беда: Рэльгонн мог действовать исключительно ночью, поскольку лучи хайборийского солнца обжигали его белоснежную кожу. Кроме того каттаканы не переносили яркий дневной свет — в их мире светило было маленьким и холодным.

О «Прыжках через Ничто» следует сказать отдельно. Оказывается, каттаканы владели потрясающим искусством моментального перемещения в пространстве практически на любое расстояние в пределах мира Хайбории. Рэльгонну ничего не стоило за какой-нибудь жалкий квадранс побывать в Тарантии, Кордаве и Султанапуре, попутно заглянув в сокровищницу Великой Пирамиды Птейона или в публичный дом на окраине Шадизара, если бы возникла на то потребность. Каттаканов не страшили никакие преграды, стены,

замки и засовы. Кроме того, упыри действительно умели превращаться в некое подобие здоровенной летучей мыши, что давало им возможность летать.

Вечером, поближе раззнакомившись с Рэльгонном и уяснив, что он вовсе не собирается высасывать из меня кровь или выкидывать прочие леденящие душу, но вполне приличествующие вампирам фокусы, я сделал вывод, что это странное и крайне непривлекательное обликом существо являет собой образец вежливости и учености, а так же обладает весьма своеобразным чувством юмора. Это было мне симпатично и в будущем я рассчитываю вытянуть из каттакана побольше сведений о его мире, чтобы занести их в скрижали... Насколько я понял, Универсум породивший каттаканов даже отдаленно не похож на Хайберию, равно как его обитатели не похожи на людей.

Однако, вернемся к нашим баранам, точнее фатаренам.

Конан вкратце изложил упырю события минувших дней и поведал о возникших у нас нехороших подозрениях. Рэльгонн сказал, будто «что-то слышал» о таинственной секте последователей пророка Мэнхса, и что «попробует за два-три дня разузнать о фатаренах подробнее». Как именно упырь собирается это сделать для меня осталось неизвестным, но Конан заверил, что каттакан в прежние времена еще и не с такими плёвыми заданиямиправлялся, причем совершенно блестяще.

Каттакан сразу заявил, что время терять совершенно не следует, а посему он вынужден раскланяться и приступить к делу. С тем месьюор Рэльгонн картино запахнулся в плащ и попросту растворился в воздухе, переместившись незаметно куда. Однако я подозреваю, что упырь отправился в Немедию, где предположительно находилось главное гнездо секты — разведывать и разнюхивать.

— Завидую ему, — сказал тогда Конан, с непонятным вооружением на лице. — И уважаю. Обладая таким способностями, любой каттакан смог бы запросто захватить власть над нашим миром, но эти существа совершенно нечестолюбивы. Вдобавок, Рэльгонна почти невозможно убить — лично видел в Британии, как ему отрубили голову...

— Чего? — поперхнулся я. — По-моему, голова у него на месте.

— Новую отрастил. Понимаешь, Рэльгонн как-то проговорился, что у него по всему телу разбросано... как бы это поточнее сказать? Разбросано множество «запасных мозгов» величиной с орех. Если голову отрубают, один из этих мозгов начинает работать вместо потерянного. А уж отрастить себе новую руку, ногу или башку — для каттакана дело одной-двух седмиц. Здорово, правда?

Конан отправился спать, да и я почти моментально провалился в глубокий сон. Вопреки ожиданиям, кошмары не мучили и упыри с окровавленными клыками в сновидениях не являлись.

* * *

— ...Ваш костюм, господин барон.

— Отлично Джигг, — кивнул я, передавая камердинеру опустевшее блюдо. — Так, а почему герб спороли?

Действительно, на груди чистенького колета теперь не наблюдалось вышитого герба

барона Омсы, который создавал мое дутое «инкогнито».

— Я сожалею, господин барон, но если верить «Большому гербовнику Аквилонского королевства», прежняя эмблема принадлежала роду Лингенов, а не Юсадей. Позволю себе заметить, что ношение чужого герба законодательными уложениями нашего королевства не поощряется.

Я не нашелся с ответом. Вот въедливый какой! Впрочем, это своеобразное проявление заботы — Джигг не хочет, чтобы у меня были неприятности.

— Хорошо, идите. Я буду одеваться.

— Как прикажете, господин барон.

* * *

Я предполагал, что вся наша компания уже собралась в кабинете Ройла, однако провожавший меня камердинер сообщил, что его величество и ее величество ныне изволят вкушать завтрак, месьор Гвайнард из Гандерланда доселе не проснулся, а у графа Вилькона сидит здешний лекарь, поскольку месьор граф чувствуют себя дурно.

— Да, неплохо он вчера башкой треснулся, — сообщил я и тут же перехватил укоризненный взгляд Джигга, который не терпел вульгаризмов, которых я нахватался от короля.

— Можно сказать и так, господин барон...

Пока мы пробирались замковыми лабиринтами в закатное крыло, где обитал Ройл, я не переставал удивляться, насколько велика резиденция маркграфа. В половину тарантийского замка короны, это точно. Прислуги мало, стража находится только снаружи, посему дворец производит впечатление весьма безлюдного, но обитаемого — нигде ни пылинки, лампы и свечи, освещдающие сводчатые коридоры постоянно меняют, в помещениях тепло и нет сквозняков. Достойное жилище достойного лорда.

Джигг остановил меня около величественных двустворчатых дверей, украшенных пышной резьбой по дереву, извлек откуда-то небольшой церемониальный жезл и трижды ударил по закрепленному на двери бронзовому кругу. Засим распахнул обе сворки и пафосно возгласил:

— Его милость Хальк, младший барон Юсадель, тайный советник короны и кавалер ордена Большого Льва к его светлости графу марки Малверу Ройлу, владетелю Ройла, Антага, и Крисба!

Я немедленно почувствовал себя какой-нибудь коронованной особой, наносящей государственный визит другой такой же особе. Не хватало только фанфар и гвардейского караула с мечами наголо в положении «подвысь».

Джигг посторонился, впуская меня в кабинет.

Разумеется, первым делом я обратил внимание на дрыхнувшего возле самого стола его светлости хэлхаунда по имени Пончик. Жуткая зверюга даже не шевельнулась при появлении гостя, а продолжала, как выразился бы киммериец, сопеть в две дырки, причем над означенными дырками иногда появлялись тоненькие струйки дыма, пахнущие кузницей.

— Заходите, Хальк! — раздался знакомый низкий баритон. — И не обращайте внимания

на Джигга. Его пристрастия к старинным традициям, безусловно, похвальны, но иногда Джигг хватает через край и это не всем нравится.

Ройл еще не стар — кажется, маркграфу только в прошлом году исполнилось сорок лет. Строен, подтянут, худощав. Лицо загорелое, как это часто бывает у провинциальных дворян, проводящих много времени на свежем воздухе. Одет скромно, но красиво — синий бархат с золотом, гербовые цвета. Дело в том, что династия Ройлов настолько древняя, что не гербом щите маркграфа вообще нет никаких изображений — только ярко-синее поле в золотом окоеме. Известно ведь, что чем стариннее род, тем проще его символы, а предками Ройла были Первые Короли...

Однако, маркграф не унывает из-за столь плачевного положения дел с геральдикой, и в угоду своей выдающейся эксцентричности лично придумал себе неофициальную эмблему — ушастую голову хитрой мыши. Само собой, что это привело в ужас всех благородных дворян с грифонами, фениксами и львами на гербах, а особенно геральдическую коллегию в Тарантии — последняя использование мышиной головы на государственных церемониях запретила безусловно и категорически. Где это видано, чтобы потомок Алькоя и Олайета (каковыми, кстати, являются все три дворянина, носящие титул маркграфа Аквилионии — Ройл, Карндон и Тарбей) носил вместо благородного животного изображение непотребной хвостатой твари? Но Ройлу на столичных консерваторов было решительно плевать и серебряная мышка так и осталась его личным символом.

Кабинет ничего себе. Большой, но не огромный, мебель скромная, из черного дуба. Непременный камин с потрескивающими березовыми поленьями, темно-красный ковер, шкафы с книгами, здоровенный стол, заваленный горой пергаментов. Слегка напоминает рабочий кабинет короля в тарантийском замке — никаких излишеств.

— Вот мы и встретились в моем родовом гнезде, — Ройл поднялся мне навстречу. — Как вам замок, барон Юсдаль?

— Очень солидно, — честно признался я. — Никогда в жизни подобных построек не видел.

— Да, досточтимые предки постарались. Уверен, второго такого оборонительного сооружения нет на всем Закате, да и за Вилайетом тоже. Как доехали?

— Ужасно, — сказал я усаживаясь и приготовился было рассказать о наших печальных приключениях, но Ройл меня опередил:

— Мне докладывали. Я приказал своим орлам следить за окружной в четыре глаза, как только появится ревенант, с которым вы имели несчастье столкнуться, мы примем меры по его изловлению — хочу присоединить сие чудо к своей коллекции.

— Изловлению? Коллекции? — я раскрыл рот и машинально покосился на сонливого хэллхаунда.

Ройл рассмеялся.

— Хальк, не бойтесь, Пончик вас не укусит. Эти собаки-демоны отлично приручаются, если, конечно, взять их на воспитание немедленно после рождения. А у меня есть возможность... э... проникать в те области Универсума, где они обитают.

— В Черную бездну? — заикнулся я. Сложилось впечатление, что Ройл меня разыгрывает.

— Можно сказать и так... Впрочем, я потом расскажу. Сначала о делах. Итак, вы все-таки встретили месьора Гвайнарда и насколько я знаю спасли ему жизнь. Это очень радует, поскольку мне необходимо срочно снестись с Хранителями гильдии Ночной Стражи. Я

подозревал, что за представителем гильдии, направленным ко мне Хранителями начнется охота, однако не думал, что Черное Солнце будет действовать столь нагло и одновременно бездарно. Впрочем, их ошибки нам только на руку.

— Какое еще Черное Солнце? — взмолился я. — Ройл, я решительно ничего не понимаю! Я всегда подозревал, что вы связаны с некоторыми силами, которые неподконтрольны государству или тайным службам, не чураетесь магии, но предположить, что светлейший аквилонский маркграф окажется втянутым...

— Втянутым — во что? — сурово перебил меня Ройл. — В активную борьбу с древним злом, доселе существующим в нашем мире и причиняющим ему столько бедствий? Впрочем не обижайтесь, откуда вам знать о Черном Солнце...

Тут снова раздались три удара и я понял, что Джигг привел Конана.

— Его королевское величество, государь Аквилонии Конан из Канахов и его благороднейшая супруга!.. — громогласно оповестил нас камердинер. Я едва уши ладонями не зажал. Ройл, пока слуга торжественно представлял новоприбывших сидел с несчастным выражением на лице — видно, Джигг был его фамильным проклятием.

— Государь, моя королева... — сам маркграф на церемонии не отвлекался, просто слегка поклонился Конану и коснулся губами руки Зенобии. С явившимся сюда же Гвайнардом поздоровался за руку, словно они были давно знакомы.

Джигг по счастью исчез — у Ройла в кабинете хранился солидный запас вин, да и бокалы нашлись. Так что присутствие камердинера не требовалось.

— Счастлив, что могу видеть у себя в гостях старых друзей, — сказал маркграф, когда мы расположились в расставленных перед столом полукругом креслах. — Особенно рад появлению вашего величества.

— Ройл, будьте проще, — поморщился Конан. — Мы не на большом приеме, да и заниматься куртуазией времени нет. Надо полагать, вы обо всем знаете? Хальк уже растрепал?

— Не успел, — чуть улыбнулся Ройл, наблюдая как Зенобия с опаской, а Гвай с неподдельным интересом рассматривают мирно спящего Пончика. — Госпожа, не обращайте внимания на собаку, когда я рядом, она безопаснее новорожденного котенка.

— Называйте меня Дженной, — отозвалась Зенобия. — Поскольку вы входите в число друзей моего мужа, это будет вполне уместно.

— Благодарю, леди Дженнна... Полагаю, сейчас нам стоит поговорить о так называемом Черном Солнце, благодаря усилиям которого вас постигли недавние неприятности.

— Это что еще за безобразие? — в своей обычной непринужденной манере вопросил Конан. — Фатарены, что ли?

— Секта фатаренов, «очищенных», является лишь ветвью этой организации, весьма быстро набравшей силу за последние годы, — с расстановкой сказал маркграф. — Они действительно основываются на учении Мэниха, только интерпретировали его несколько своеобразно.

Далее его светлость поведал нам преинтереснейшую, печальную и весьма поучительную историю.

Учение пророка Мэниха о тварном и греховном мире и чистой обители душ не было особенно широко распространено на Закате, с его устоявшимися религиозными культурами, наподобие митрианства или иштарийства. Кому интересны рассуждения древнего мудреца, проповедовавшего в горах Иранистана столетия назад?

Однако, после войны Алого Пламени в Немедии появились несколько проповедников, довольно быстро завоевавших популярность как среди простецов, так и у дворянства. Во-первых, они указывали на весьма недобродетельный образ жизни, который вели многие митрианские монахи — обители скапали земли (в отличие от Аквилонии, немедийский закон позволяет монахам-митрианцам владеть землей), богатели, благодаря приношениям и подаркам, а высшие жрецы, которых развратило золото, превратились в эдаких мелких князьков, совершенно позабывших о стяжании благ духовных, в угоду благам материальным. Немудрено, что и крестьяне, и люди благородные, вняли словам о том, что золото, как главная составляющая сформированного Злом плотского мира нечисто, а посему платить подати монастырям и делать пожертвования совершенно не обязательно и даже грешно.

Во-вторых, после отвращения части паствы от митрианства, secta начала проповедовать тайный смысл учения, о котором мы с Конаном и Гваэром разговаривали по дороге в Ройл — если твоя душа изначально чиста, то все преступления следует списывать на вожделения грешного тела, которое однажды само обратиться в прах. Этот постулат тоже понравился новообращенным. Если душа ни в чем не виновата — твори, что хочешь. О невиданном всплеске насилия и преступности в полуночных немедийских городах были наслышаны даже у нас в Тарантии. Власти едва смогли пресечь беспорядки, а sectu фатаренов было решено запретить.

— Запретить-то запретили, — неторопливо продолжал повествовать Ройл, — но толку оказалось чуть... Эта зараза успела внедриться в сознание многих, теперь secta стала тайной, но все столь же многочисленной. Разрешено все! Человеческие жертвоприношения? Пожалуйста! Тем более, что такое приношение является добрым делом — душа убиенного освобождается от грешной плоти и уходит в счастливый мир духов. Воровство, убийства, черная магия? Не возбраняется. Почему? Да потому, что этого требует плоть, а не дух, который всегда остается чистым.

— Да, Гвайнард рассказывал об этом, — подтвердил киммериец. — Но при чем тут какое-то странное Черное Солнце?

— Так называется верховный конclave sectы. Это и есть настоящие враги, которых следует беспощадно уничтожить, тела сжечь, а пепел развеять по ветру, — очень серьезно сказал Ройл. — Эти люди извлекают из нового культа максимальную выгоду. Уверен, ониисколько не верят в то, во что проповедуют. А может и верят, ничего сказать не могу... Именно к ним стекаются пожертвования фатаренов — избавляясь от грешных золота и серебра есть добродетель, этим ты хоть частично очищаешься. Захват земель, покупка дворянских ленов? Тоже добродетель — бывшие владельцы теперь не обременены нечистыми материальными благами. И так далее. Понимаете, каков глубинный смысл?

— Митра Лучезарный... — медленно сказал ошеломленный Конан, а Гвайнард присвистнул. — Оказывается, дело обстоит куда хуже, чем я полагал. Значит, Черное Солнце просто захватывает чужие земли и богатства под видом проповеди учения Мэнхах?

— Именно! И довольно скоро они станут настолько могущественны, что смогут непосредственно влиять на жизнь и политику некоторых государств. В том числе и Аквилонии, хотя у нас эта пакость пока не слишком распространена. Первые храмы «Очищенного духа» появились пока только в великом герцогстве Шамарском, а герцог Раймунд сдуру разрешил их открытие — у нас ведь закон позволяет веровать в каких угодно богов, кроме Сета и еще парочки почти забытых порождений Бездны... С виду все прекрасно, учение глаголит о чистой и светлой душе, а вот изнанка у него самая неприглядная.

— Ройл, но при чем здесь вы? С чего вдруг фатарены начали охотиться на месьора Гвайнарда? — подала голос Зенобия. — Если их цель состоит исключительно в получении влияния на государство? Попросту говоря — Черное Солнце привлекает власть?

— Власть? — фыркнул киммериец. — Только не надо рассказывать мне страшные истории о сообществе черных магов, которые хотят завоевать мир, и желательно весь. Глупости! Я еще никогда не видел ни одного волшебника, злого или доброго, который вышел бы и сказал: я хочу власти над миром! Одному человеку такое не под силу, что бы не сочиняли авторы дурацких легенд и историй вроде этого писаки Гая Петрониуса.

— Зато обширной, отлично организованной и фанатичной секте — вполне под силу, — парировал Ройл. — Руководители Черного Солнца отлично знают, чего хотят — контроль над торговлей, собственное обогащение, возможность влиять на ход исторических событий. Иногда у меня создается впечатление, что идея создать Черное Солнце и использовать прочно забытые в наши времена мысли Мэнхаха появилась среди купцов и влиятельных торговцев, а не среди черных магов. Маги и колдуны, скорее всего, являются просто мальчиками на побегушках у влиятельных и очень богатых персон из верховного конclave Черного Солнца. Прошу учесть, что судя по отчетам казначейства Трона Дракона за прошлый год, доходы виднейших купцов Немедийского королевства возросли почти в два раза, что не может не настороживать. Такие резкие скачки всегда подозрительны и наводят на размышления!

— Но кхарийская магия-то здесь с какого боку пригрелась? — непонимающе сказал Гвай. — Если новое учение столь успешно среди народа, то зачем нужно колдовство? К чему этим предполагаемым торгашам-заговорщикам древние артефакты?

— Дополнительные гарантии своей безопасности и безнаказанности, — ровно сказал маркграф. — Во многом черная магия превосходит светлую, она многообразнее и сильнее. И адептов секты проще держать в повиновении, и противников приугнуть можно. Почему Кхария? Да потому, что подданные Ахерона владели совершенно другим волшебством, нежели нынешние волшебники, сейчас ему почти невозможно найти соответствующего противодействия, эта наука давно забыта. Представьте: некий воображаемый граф отказывается отдать Черному Солнцу свое поместье ради очищения от плотской скверны. Тут откуда ни возьмись появляется стадо мерзких демонов, граф со чада и домочадцы съедается пряником в спальне, замок разрушается, а проповедник фатаренов указывает на дымящиеся развалины и потрясая перстом говорит: вот что случается с теми, кто поклоняется гречной материи. Выводы ясны, или мне объяснить?

— Кажется мы опять крепко вlipли, — недовольно протянул Конан. — Можно сказать, завязли обоими ногами. Но все-таки, отчего фатарены обратили такое пристальное внимание на замок Ройл и гильдию Ночной Стражи?

— Вот из-за этого!

Ройл выложил на стол довольно увесистый фолиант в старинной сероватой обложке.

— Книга Душ. Самая большая ошибка кхарийских магов, — пояснил маркграф. — О создании подобных трактатов потом сожалеют. Могу сказать со всей уверенностью — в падении столицы Кхарии, Стобашенного Пифона, виновна именно эта книга.

— Откуда она у вас? — не удержался я. Во мне снова проснулся библиотекарь. — неужели это подлинник?

— Откуда? — зловеще оскалился Ройл. — Сейчас расскажу. И я не вижу никакого чуда в том, что книга столь хорошо сохранилась. Такие серьезные гrimuары не исчезают в

небытие... К моему величайшему сожалению.

Глава пятая

«ЗВЕРИНЕЦ ГРАФА РОЙЛА»

6 день первой осенней луны 1296 г.

Замок Ройл.

— Если вы полагаете, что Пифон являлся огромным населенным городом, наподобие Тарантии или Бельверуса, то глубоко заблуждаетесь, — говорил маркграф, постукивая пальцами по обложке древней книги, из-за которой и разгорелся весь нынешний сыр-бор. — Столица империи была даже не городом, а громадным дворцовым комплексом, состоящим примерно из полусотни очень больших зданий, над которыми главенствовал дворец самого императора... Кстати, вы никогда не слышали историю гибели последнего владыки Кхарии, Ахтонотепа Восьмого?

— Нет, — я ответил за всех остальных. — Летописных записей о падении Пифона не сохранилось.

— Еще как сохранилось! — рассмеялся Ройл, вводя меня в искушение немедленно оторвать ему голову за сокрытие столь ценных исторических сведений. — Я обнаружил рукопись в одной из монастырских библиотек Шамара, что меня вовсе не удивляет — если вдумчиво покопаться по книгохранилищам митрианских обителей, можно еще и не такое отыскать. Разумеется, это была позднейшая копия, вероятно сохранившаяся в единственном экземпляре.

— Книга у вас? — быстро спросил я. Руки так и зачесались — придется присылать к Ройлу переписчиков из столицы с делать список, такая жемчужина непременно должна оказаться в моей библиотеке!

— Я внес в монастырь щедрое пожертвование, и жрецы отдали мне текст, — подтвердил Ройл. — Они сами не понимали, насколько ценна эта летопись, кхарийский язык теперь знают лишь немногие любители древностей, да несколько магов. Так вот: летопись позволила мне с большой долей достоверности выяснить, что именно происходило в Пифоне во время штурма дворца-крепости хайборийским вождем Алькоем, который спустя несколько лет стал первым королем Аквилонии...

* * *

...Жил тысячу триста лет назад император Ахтонотеп Восьмой, и был он редкостным неудачником. Нет, вовсе не потому, что не умел править, пил горькую или вместо «важных государственных дел» отдавал предпочтение развлечениям с актрисками и прочими гетерами. Просто он родился в крайне плохое время, был слишком молод, советники Ахтонотепа не понимали, что времена величия империи Ахерона миновали окончательно и бесповоротно, а самой Кхарии оставалось существовать считанные дни.

Материк все еще содрогался в судорогах, порожденных чудовищным магическим штурмом, бушевавшим на протяжении полутора десятков лет, давали о себе знать последние

отголоски колдовской бури, сметавшей на своем пути целые области государства, а зловредные хайборийцы продолжали наступать на владения Ахтонотепа Последнего, безжалостно уничтожая последние остатки империи.

Надо заметить, что благодаря умелым магам Пифон выстоял во времена долгой Бури Перемен и разрушению не подвергся — колдуны смогли защитить город-дворец от магии, однако были бессильны остановить приближающиеся орды варваров, как ни старались... И вот настал страшный день: к стенам Пифона, защищал каковой сравнительно немногочисленный отряд гвардии императора, подошло неисчислимое войско Алькоя. Справедливости ради стоит заметить, что совсем уж «неисчислимым» оно не являлось — уцелевший в этой кутерьме летописец полагает, что хайборийцев было около двенадцати тысяч, что примерно соответствует трем нынешним аквилонским легионам.

Пифон, однако, был неплохо укреплен и мог выдержать сравнительно долгую осаду, но что значит полторы тысячи гвардейцев против восьмикратно превосходящего по силам противника? Не успеешь отбить один штурм, как сразу начинается другой. Придворные маги Ахтонотепа тоже участвовали в отражении атак Алькоя, использовали самое изощренное боевое волшебство, но хайборийцев все равно было слишком много, да и подкрепления к ним подходили с пугающей регулярностью.

Приблизительно на шестой-седьмой день активной осады, стало ясно — Пифон не устоит, а это значит, что Кхария окончательно прекратит свое существование. Сдаваться или договариваться с врагом смысла не имело, поскольку хайборийцы пленных не щадили, да и хотелось им поглядеть, что за секреты таятся в огромных сокровищницах императорского дворца — эти варвары совсем как дети, все забывают при одной мысли о красивых и блестящих побрякушках...

Начался решительный штурм. Ахтонотеп и его приближенные уяснили — это конец. И тогда было принято решение использовать самые крайние меры, сиречь открыть прямой проход между миром людей, и Черной Бездной, обителью Первозданного Зла. Каков смысл? Да очень просто! Оттуда немедленно полезут орды демонов, которым все равно кого убивать — кхарийцев или хайборийцев. Маг, имя которого история не сохранила, пообещал Ахтонотепу, что сможет укрыть императорский дворец магической завесой, которая защитит его от иномировых чудовищ, а когда все закончится, портал в Бездну будет захлопнут.

Как всегда получается в подобных случаях, этот красивый и почти беспроигрышный план пошел кувырком с самого начала. Двор императора и остатки гвардии укрылись во дворце (большая часть Пифона к этому времени уже была захвачена варварами), колдун забрался в свою башню, открыл Книгу Душ и начал священнодействовать, если, конечно, данное слово применимо к проводимому им черному обряду.

Проход в Бездну открылся, да только не совсем туда, куда требовалось — известно, что Нижняя Сфера неоднородна, там существует несколько разных областей, в которых живут совершенно различные разновидности демонов. Причем, эти существа, подобно людям, враждуют между собой и борются за влияние в Бездне ничуть не хуже, чем мелкие дворянчики, ведущие свои «частные» войны за владение каким-нибудь лесом или плодородным полем, которое непременно следует оттяпать у соседа.

Маг рассчитывал связать порталом столицу и ту область Нижнего Мира, что именуется «Огненной бездной», населенной тварями под названием «баатэзу» — единственными демонами, с которыми человек был способен договориться и которые могли подчиняться приказам знающего волшебника. Но произошла ошибка — или заклинание было записано

неверно, или просто маг слишком торопился...

Произошла катастрофа. Огненное кольцо портала, возникшее в самом центре Пифона, выплеснуло из себя жутчайших тварей, ранее в обитаемом людьми мире невиданных, причем преобладали среди них таннари, демоны хаоса. Это были абсолютно безжалостные и жуткие чудища, ненавидевшие все и вся, включая своих собратьев по Бездне, на которых таннари сразу же и набросились. Кроме того, таннари было решительно плевать на всякие там магические защиты, созданные жалкими людышками, будь они волшебниками хоть в тысячном колене.

Летопись умалчивает, что именно творилось в Пифоне в тот знаменательный день, но известно, что чудом выживший в этой безумной заварухе Алькой увел из-под стен полностью разрушенного Пифона всего лишь четыреста человек. Этот несомненный факт дает представление о происходившем в столице империи кошмаре.

Если бы портал не закрылся, неизвестно, что произошло бы с Универсумом людей в дальнейшем, но за избавление человечества от возможной гибели стоит благодарить того, кто убил неудачливого мага прямиком над Книгой Душ — пролившаяся на страницу с заклинанием кровь волшебника запечатала портал. Может быть, в башню колдуна прорвались варвары, может демоны, но так или иначе напасть сгинула. Не сумевшие вернуться в свой мир чудища разбрелись кто куда и по мере сил продолжали пакостить людям, дымящиеся руины Пифона стали проклятым и запретным местом, о котором вскоре забыли, а последний император Ахтонотеп погиб вместе со всеми остальными.

На этом история Кхарийской империи прервалась навсегда.

* * *

— Звучит подобно сказке, — заключил Конан, выслушав краткий рассказ Ройла. — Между прочим, почему книга уцелела? Да еще настолько хорошо сохранилась? И где вы, граф, сумели ее достать?

— Отвечаю по порядку. Книга Душ защищает сама себя, она наполнена такой сильной магией, что сжечь или уничтожить фолиант можно только на Первозднем подгорном огне. А нашел я ее на руинах того самого Пифона. Не удивляйтесь, Пифон находится всего в четырех лигах от замка Ройл. Я уже несколько лет копаюсь там, привлек к изысканиям нескольких ученых мужей и знакомого мага гильдии Равновесия... Возле раскопа целый городок вырос.

— Вас, Ройл, убить мало, — безапелляционно заявил киммериец. — Знаете почему? Потому, что именно вы вернули в наш мир этого пергаментного монстра!

Конан кивком указал на лежавшую перед маркграфом книгу.

— А разве было бы лучше, если б Книгу Душ нашел кто-нибудь другой? — невинно поинтересовался Ройл. — Многие, очень многие искали руины Пифона, причем далеко не всегда с намерением облагодетельствовать человечество... И потом, никто не запрещает скучающему дворянину искать сокровища на своих собственных землях.

— Представляю, какая свистопляска поднялась бы, выкопай книгу какой-нибудь волшебник конклавов Белой Руки или Черного Круга Стигии, — задумчиво произнес

Гвайнард. — Судя по вашему рассказу, эта штука таит в себе неимоверную опасность!

— Именно поэтому, я предпочитаю передать гrimuар Хранителям Ночной Стражи, — ответил Ройл. — Ваша гильдия найдет способ спрятать книгу так, что ее не найдут и через десять тысяч лет. Или сможет использовать содержащиеся в ней заклинания в благих целях.

— Черную магию Ахерона — в благих целях? — скептически хмыкнул киммериец. — Это каким образом, любопытно?

— Книга способна загнать обратно в Бездну демонов, до сих пор оставшихся в нашем мире. А их еще немало, поверьте, ваше величество. С некоторыми из них я даже знаком...

— То есть? — вытаращился Конан. — Как знаком?

— Лично. Дело в том, что кровь погибшего колдуна запечатала портал не совсем плотно, осталась некая щель, через которую в Хайборио изредка просачиваются не самые приятные гости. Кстати, именно от одного из таких гостей я и заполучил щенка хэллаунда. Эти псы обитают как раз в «Огненной Бездне», а я недавно сказал, что населяющие ее демоны-баатэзу способны договориться с человеком, если покажешь им свою силу или сумеешьказать баатэзу услугу — например, вернуть демона обратно домой, поскольку в смертном мире ему не слишком уютно, да еще и всякие Ночные Стражи донимают... Впрочем, хотите сами убедиться?

— В чем?

— В подвалах замка я содержу весьма забавный зверинец. Предлагаю взглянуть.

— Идемте! — вскочил я. — Конан, готов прозакладывать голову, Ройл покажет нам нечто такое, о чем мы даже не подозреваем!

— Знаете Ройл, я бы с удовольствием отправил вас на плаху, — горько вздохнул киммериец. — Чтобы не мучились. Ваши увлечения я даже «эксцентричными» постеснялся бы назвать. Однажды вы просто доиграетесь с огнем!

— Обычая для человека страсть познать непознанное, — фыркнул маркграф. — Не беспокойтесь, ваше величество, я способен уберечь себя и других от опасности. Если рассудить здраво, то при правильном обращении даже с самым диким тигром, можно избежать его когтей и клыков. Итак, вы согласны посмотреть на мою коллекцию уродцев, государь?

— Согласен...

* * *

Я не перестану утверждать, что замок Ройл представляет из себя настоящий архитектурный шедевр. Этот постулат вновь подтвердился, когда мы спустились в один из обширных подвалов обиталища его светлости. Точнее, это был не столько подвал, сколько рукотворная пещера, старательно вырубленная в скале, на которой возвышался замок.

Как ни странно, слова «мрачное подземелье» к этому месту подходили меньше всего — оказывается, в граните были прорублены световые шахты, выходившие на внешнюю поверхность скалы. Сквозь эти узкие щели в пещеру проникал солнечный свет, которого было вполне достаточно для того, чтобы не использовать в подземелье факелы или другое искусственное освещение.

Охранялась пещера неплохо — двойная стража, обитые металлическим пластинами тяжелые двери, причем я заметил на створках знаки, отпугивающие нечистую силу и серебряные полосы. Понятненько... Значит, «зверинец» действительно весьма необычен, а возможно и крайне опасен.

— Прошу! — Ройл простер правую руку в гостеприимном жесте. — Я полагаю, что все вы люди с крепкими нервами и не станете пугаться моих постояльцев. Тем более, что все они весьма надежно изолированы, кто железными решетками, а кто магией.

Пещера оказалась заполнена большими и малыми клетками, в которых содержались... Тут даже мой высокий слог спотыкается! Посему буду краток: маркграф Ройл коллекционировал монстров. Живых монстров.

— Вот, для начала... — Ройл, откровенно рисуясь, провел нас не к клетке, а к прорубленной в камне продолговатой яме, глубиной в полтора человеческих роста. — Весьма интересное существо, изловлено в Немедийских горах. Понятия не имею, как оно называется — о таких штуковинах нет упоминаний ни в одном трактате по демонологии. С виду — совершенно безобидно, а в действительности является опасным хищником.

— И где здесь «существо»? — осведомился Конан, заглядывая вниз. — Ничего не понимаю!

Я был готов поддержать короля. В яме с отвесными краями находился только большой полупрозрачный желтоватый куб с гранями длиной примерно в три локтя, назвать который «живым» я бы не решился.

— Джигг, кролика! — распорядился Ройл и сопровождавший нас дворецкий мигом притащил из располагавшегося в углу пещеры загончика серого и ушастого обитателя лугов. Маркграф принял дрожащего кролика из рук Джигга бросил его в яму и повернувшись к нам сказал: — А теперь смотрите внимательно, сейчас кого-то съедят...

Желтый куб неожиданно сдвинулся с места и медленно, но весьма целеустремленно двинулся к крольчонку, который совершенно не видел опасности, хотя явно подозревал, что люди ведут какую-то нечистую игру. Кубообразная нечисть вначале загнала кролика в угол, тот попытался отпрянуть, но случайно коснулся гладкой грани куба и тотчас был засосан внутрь желтой массы. Сейчас можно было лишь различить темную тень, которая находилась в глубинах куба.

— Ни-че-го себе! — по слогам сказал киммериец. — Сожрал?

— Именно, — подтвердил Ройл. — А когда мы поймали это чудо, у него внутри я рассмотрел чью-то кольчугу и меч. Видимо, на дороге ему попался некий не слишком удачливый странник. Видимо, сей изумительный экземпляр тоже сохранился со временем Кхарии, но я убежден, что это всего лишь неразумное живое существо не способное владеть магией. Кто знает, может быть такие кубики были порождены магическим штормом — зачем магам Ахерона было создавать эдакую нелепицу?

Засим Ройл предъявил нам еще одно диво, которое, в отличие от большинства обитателей зверинца сидело не в яме, и не в стальной, а в деревянной клетке, да только решетка была изготовлена из дарфарского железного дерева.

— Тоже забавный экземпляр, и совершенно безобидный, — маркграф указал на заточенную в узилище здоровенную тварь, более напоминавшую неопрятную помесь таракана и сверчка. Ноги длинные, громадные шарообразные фасеточные глазищи. Размером это несуразное насекомое было с крупную собаку. — И тоже уникальная редкость, о которой практически ничего не известно...

— Разве? — пожал плечами Гвайнард. — Это же самый натуральный Ржавый монстр. Я встречал таких в Бритунии, у нас они еще не перевелись. Для человека не опасен, но вот некоторые изделия человеческих рук жрет без зазрения совести. Месьор Джигг, не могли бы вы принести что-нибудь железное?

— Уже готово, месьор Гвайнард, — учтиво ответил камердинер и преподнес бравому охотнику две самых обычных лошадиных подковы. — Прошу вас.

Подковы полетели через решетку. Тараканосверчок заинтересованно повел головой, уставился на подношение и выпустил из какой-то железы под челюстями тонкую струйку едко пахнущей жидкости. Подковы внезапно зашипели и начали на глазах покрываться ржавчиной. Спустя несколько мгновений на полу клетки возвышались лишь две кучки ржавой железной пыли, которые были немедля съедены странным насекомышем.

— Запусти десяток таких чучел на оружейный склад гвардии, и спустя два дня войско останется без оружия — начисто сожрут, — усмехнулся Гвайнард. — Ваша светлость, чем еще порадуете?

За полтора колокола, проведенных нами в изумительном зверинце Ройла, маркграф показал слегка обалдевшим гостям целое сонмище опасных или не очень тварей, среди которых мне особо запомнилось чудовище, которое Ройл называл просто «Студнем». Это и впрямь была некая расплывшаяся студенистая масса, вся покрытая зубастыми ртами и злобными крошечными глазками. Ничего более противного в жизни не видел!

— А вот — жемчужина коллекции, — мы подошли к загону, который был почему-то накрыт розоватым слабо светящимся куполом, от которого пахло грозой и исходили волны холода. Все ясно, магическая защита, мне такой купол однажды показывал волшебник Тотлант из Пограничья. — Не сомневаюсь, это один из тех демонов Бездны, что были выпущены в наш мир через портал в день падения Пифона. Больше ему взяться неоткуда.

— Согласен, — подтвердил слова Ройла Гвайнард, как большой знаток прикладной демонологии. — Действительно, это яголот, обитатель среднего круга Черной Бездны. Боги всеблагие, как вам удалось его поймать и засадить в зверинец? Любой демон стократ умнее и хитрее человека, это просто невозможно!

— Нужно иметь знающих друзей и правильно организовать охоту, — туманно ответил маркграф. — Тем более, что яголоты хоть и агрессивны, но в сообразительности несколько уступают другим своим собратьям.

Означенный яголот свирепо таращился на людей и я возблагодарил всех богов за то, что нас разделяет невесомая, однако несокрушимая стена магии. Возьмите обыкновенного бурого медведя, увеличьте его до размеров медведя серого, сделайте морду попротивнее и поклыкастее, добавьте светящиеся глаза и кожистые крылья на спине, и тогда вы получите представление о яголоте. В качестве последнего штриха присовокуплю громадные когти на передних лапах, почему-то до крайности напоминающих человеческие руки покрытые густой черно-буровой шерстью.

— Зачем вам это все, любезнейший граф? — Дженна задала вопрос, который терзал всю нашу компанию. — С необычными животными, которых вы содержите, я бы еще смирилась, но держать в доме демона Черной бездны?.. К чему?

— Одни коллекционируют рукописи, — Ройл недвусмысленно указал на меня, — другие — старинные монеты, редкие вина или породистых голубей. Мне понравилось собирать чудовищ. А насчет демонов.... В хозяйстве все может пригодиться. Вот например, если вдруг начнется война и немедийцы опять вздумают осаждать мой замок, я запросто спущу на них

яголота. Чтоб не повадно было.

— Уверен, однажды мы снова приедем сюда в гости, и обнаружим вместо замка груду развалин, на которой будут резвиться ваши подопечные. И белый скелет бывшего владельца, начисто обглоданный каким-нибудь особо злобным монстром, рассердившимся на маркграфа Ройла за то, что он продержал его в тесной клетке лучшие годы жизни, — пророческим тоном сказал киммериец. — Впрочем, у каждого свои причуды.

— Милорд, — короля перебил вкрадчиво-спокойный голос Джигга, — начальник караула просил сообщить, что в поселке возле замка случилась неприятность...

— Что? — Ройл развернулся на каблуке, а я вновь подивился — и каким образом Джигг везде успевает? Вроде бы он постоянно таскался за нами и никуда не уходил.

— Я весьма сожалею, милорд, но это действительно так.

— Не тяните Джигг! Что за неприятность?

— Это в высшей степени неожиданно, ваша светлость. Около полудня в поселок пришел некий молодой человек в испачканном платье, какое по моим сведениям носят королевские гвардейцы отряда «Черный Дракон».

— Ревенант! — воскликнул Ройл. — Точно, ведь демон вселился в одного из погибших гвардейцев короля!

— Мне очень печально это слышать, милорд. Были легко ранены двое стражей, которые пытались остановить вышеупомянутого молодого человека. Как вы и приказывали, капитан стражи распорядился не трогать этого юношу и отвел своих людей, предварительно подняв платформу подъемного механизма к замку. К сожалению, визитера это не остановило и он начал карабкаться по скале наверх с достойной как уважения, так и порицания настойчивостью.

— Тысяча лишних слов, вместо одной простой фразы: ревенант полез в замок, — сплюнул Конан. — Ройл, поднимайте тревогу, это уже не шуточки, мы видели на что способна эта тварь...

— Тревога уже объявлена, ваше величество, — невозмутимо вставил Джигг. — Я счел нужным отдать распоряжение от имени его светлости. Надеюсь, я не позволил себе ничего лишнего?

— А ну, идем наверх, на стены, — в глазах Ройла вспыхнул хищный и азартный огонек.

— Надеюсь, демону пока не удалось пробраться в крепость.

— Нет милорд. Скорее всего, он преодолел лишь треть пути. Скала весьма обрывистая.

— Дженна, марш в наши комнаты и сиди там не высовываясь! — киммериец повернулся к Зенобии и тут же нарвался на решительную отповедь возлюбленной супруги:

— Еще чего придумал! Сидеть и дожидаться, пока ревенант явится за моей головой? Благодарю покорно, но я предпочту встретиться с ним вместе с вами! Ройл, показывайте дорогу!

* * *

Признаться, до 1288 года (сиречь до вступления Конана на престол Аквилонии и нашего с ним знакомства) самыми жуткими приключениями моей жизни являлись испытания в

Обители Мудрости, после которых я получил звание «мэтра семи высоких искусств» и встреча с разъяренной матушкой, баронессой Юсдаль, которой я сообщил, что не собираюсь возвращаться в родовое гнездо по окончании учебы, а собираюсь вести светскую жизнь в столице. Матушка тогда сообщила, что денег на мое содержание она присылать не собирается, а потому означенная «светская жизнь» отменяется, и Хальку Юсдалю придется самому зарабатывать на хлеб и вино. К счастью (или к сожалению?) тогда скончался престарелый смотритель личной королевской библиотеки и по протекции дядюшки-герцога, который мне благоволил, новоявленному мэтру досталось его место.

И началось! Первая же встреча с Конаном едва не стоила мне жизни — я имею в виду ту знаменательную ночь, когда я попался на глаза возглавляемому варваром и Просперо Пуантенским отряду головорезов, шедших убивать Нумедидеса. Однако, как известно, Нумедидес очень вовремя скончался своей смертью, как это принято говорить «от огорчения», Трон Льва занял некий Конан Канах, мы с ним довольно быстро подружились, а дальше...

Все минувшие восемь лет царствования киммерийца мы только и делаем, что на каждом углу натыкаемся на какую-нибудь кошмарную нечисть, которая, утробно сопя, пожирает все живое и неживое. Понятия «Конан» и «спокойная тихая жизнь» — не просто не лежали рядом, но даже и не дышали одним воздухом!

Думаете, скромная должность библиотекаря и летописца избавляет вашего покорного слуга от участия в самых невероятных авантюрах короля, о которых при Нумедидесе или Вилере даже помыслить было невозможно? Ничуть! Вместо того, чтобы благочинно участвовать в предназначенном мне судьбою пиршестве книжных червей, трудиться во славу непреходящих ценностей в тишине величественных книгохранилищ, барон Юсдаль вынужден мотаться туда-сюда по всему материку в качестве многоученого охвостя ихнего величества, у которого в известном месте застряло не просто шило, а огромный кол!

Чего я только не повидал за прошедшие годы. Порожденные знаменитым Зеленым Огнем монстры и Небесная Гора, драконы-личи, демоны, вампиры, оборотни и всякие прочие вурдалаки носятся за мной по пятам так, словно скромный библиотекарь является самой желанной добычей для их клыков и когтей. И все это благодаря Конану, который явно желает, чтобы его царствование вошло в историю, как самое кипучее и беспокойное.

(Скажу по секрету, что две трети неприятностей киммериец находит самостоятельно — какая-нибудь мирная неприятность тихонько лежит в углу, дремлет и никого не трогает, совершило не желая возмущать спокойствие, но тут прибегает неуемный варварский король и зачем-то отвешивает ей роскошного пинка. Немудрено, что столь хамское отношение неприятностям не нравится и они дают королю сдачи, разворачиваясь во всей своей неприглядной красе... Я же всегда исходил из старинного постулата о том, что навоз лучше не трогать, он и вонять не будет. Конан же мыслит в прямо противоположном направлении и разубедить его невозможно.)

Вот и сейчас, вся наша теплая компания в сопровождении сотника личной дружины маркграфа Ройла и десятка арбалетчиков торчит на стене замка, пытаясь высмотреть ползущего где-то внизу по скале демона, имеющего облик одного из бывших гвардейцев короля. Впрочем, я ошибся — компания у нас отнюдь не «теплая», поскольку на такой высоте весьма прохладно (осень на дворе), да и дующий с Немедийских гор ветер режет глаза и вызывает истечение воды из носа.

Ничего не скажу, свою личную гвардию Ройл подбирал с умом. Опытные вояки,

молодых лиц практически нет. Причем большинство из них — наемники, которым маркграф платит воистину по-королевски (прошу простить за столь неудачный каламбур). Несколько светловолосых немедийцев, вислоусые подданные Кофа, смуглые зингарцы. Всезнающий Джигг пояснил, что некоторые из них служили еще в знаменитой Армии Черной Реки, когда Троцеро Пуантенец собрал внушительное наемничье войско для отражения угрозы со стороны пиктов и их вождя Зогар Сага.

— Ну, и где наш дружок? — бормотал киммериец, выглядывая в проем между зубцами стены. — Ройл, наблюдение ведется по всему периметру укреплений?

— Поднял на ноги даже кухарок, — недовольно буркнул наш хозяин. — Давненько в замке не было такого переполоха, наверное с тех пор, как из клетки в зверинце сбежал анрах — помните ящерицу с двумя рожками, которая бьет противника молниями? И все — из-за паршивого кхарийского демона!

— Этот «паршивый демон», ваша светлость, владеет силой и знаниями двух десятков далеко не самых последних бойцов Аквилонии, — напомнил Гвайнард. — А если он начнет убивать и далее, то его сила будет только возрастать.

— Кстати, о кухарках... Получается, если ревенант угробит сотню самых лучших поваров, значит и готовить будет в сто раз лучше? — мрачновато пошутил Конан. — Тогда я бы его нанял, поскольку употреблять в еду те помои, которыми нас потчуют в Тарантии невозможно. Зенобия совершенно не следит за домом...

— Уследишь за таким домом, как же, — язвительно отозвалась Дженна. — Одной прислуги полторы тысячи человек, начиная от младших помощников старшего обмахивателя пыли с королевской бронзы, и заканчивая смотрителем королевского льва в зверинце... Я давно предлагала разогнать эту толпу дармоедов, но мой драгоценный супруг, утверждает, что замок короля должен выглядеть не хуже, чем у других владык Заката.

— Тихо! Кажется, я его вижу! — рявкнул Гвайнард. — Ну и настойчив, паразит!

Рассмотреть что-либо было довольно сложно — камень темный, ревенант облачен в черную гвардейскую форму... Однако, остроглазый охотник оказался прав: примерно в четырехстах локтях ниже уровня крепостных стен по практически отвесной скале ползла черная букашка. Ползла медленно, но уверенно.

— Не скоро еще доберется, — откомментировал Ройл. — Гвайнард, я обращаюсь к Ночному Стражу как к человеку, в подобных делах несравненно более опытному. Каким образом можно уничтожить ревенанта, причем так, чтобы никто из нас не пострадал?

— Огонь, — пожал плечами Гвай. — Я Конану уже рассказывал. Еще можно разрубить на мелкие кусочки, которые потом тоже следует сжечь. Понимаете, такой монстр встречается крайне редко, все легенды нашей гильдии однозначно советуют при встрече с ревенантом немедленно уносить ноги. Он выполнит свою миссию и спокойно вернется в гробницу... Готовьте смолу, маркграф. Много смолы. Думаю, что когда тварь приблизится к стенам замка, мы сможем ее остановить огнем.

— Исполняйте, — рыкнул светлейший на сотника. — Гвайнард, а если его просто нашпиговать стрелами? Или снести голову?

— Туловище сможет действовать и без головы.

— Применить магию?

— Не подействует. Чтобы снять проклятие ревенанта необходим соответствующий обряд, а его тайна потеряна. Хотя...

— Книга Душ! — воскликнул Ройл, поняв, что хотел сказать охотник. — Там наверняка

есть описание! Джигг, немедленно принесите книгу!

— Слушаюсь, милорд.

— Хотя нет, не надо.

— Как вам будет угодно, милорд.

— Почему «не надо»? — не понял Гвайнард. — Хальк умеет читать по-кхарийски, если отыщем нужное заклинание...

— Хальк — библиотекарь, а не маг, — огорченно сказал Ройл. — И я не думаю, что какой-нибудь здравомыслящий волшебник возьмется за подобное дело, кхарийская магия слишком непредсказуема. Придется действовать испытанными методами. Когда демон поднимется как можно ближе, сбросим на него бочки с горящей смолой.

— Всего-то и делов, — невесело усмехнулся Конан. — Ройл, вы же сами говорили: любой демон стократ умнее и хитрее человека. Неужели ревенант не может предвидеть такого поворота событий?

— Сейчас он беззащитен и не сможет укрыться от огня. Чтобы спастись от смолы, ему придется прыгать вниз, костей потом не соберет, эдакая высотища! Впрочем, все это пустые разговоры. Сперва надо опробовать все доступные нам способы защиты.

Мы прождали на ветру не менее двух квадрансов, пока фигура карабкающегося по скале человека не стала ясно различима. Двигался ревенант вполне уверенно, хоть и напоминал ползущую по стене сонную мууху. Он каким-то образом ухитрялся находить мельчайшие выступы, за которые цеплялся пальцами, подтягивался, отыскивал опору для ног... Ройл уверял, что за все время существования его родового замка никому не удавалось подняться от подножия скалы к крепости, это, мол, не в человеческих силах. Однако, сейчас мы столкнулись не с человеком, а с монстром, вселившимся в человеческое тело и этот факт весьма осложнял положение.

Бочки со смолой подготовили, гвардейцы Ройла уже были готовы поджечь смолу и столкнуть их вниз, прямиком на голову ревенанта, когда случилось неожиданное.

— Куда он подевался? — Дженна первая обратила внимание на то, что черная тень, распластавшаяся по поверхности скалы внезапно исчезла. Только что мы видели ревенанта довольно отчетливо, и вдруг он будто испарился. — Сорвался и упал? Нет, ничего подобного, я бы заметила!

— Боги... — Ройл внезапно побледнел. — Как же мы могли упустить такое из виду!

— А именно? — насторожился киммериец.

— Это я, дубина, проморгал, — процедил сквозь зубы Ройл. — Убить меня мало! Световые шахты, ведущие в подвалы замка! Понимаете? Он попросту нашел отверстие шахты и проник внутрь, человек может пролезть по проходу! Демон уже в крепости! Ему больше не надо подниматься по скале, он запросто пройдет по лестницам!

— Положеньице... — хищно ощерился Конан. — Ройл, я принимаю командование на себя. Возражений не будет?

— Нет, ваше величество. В конце концов, речь идет о вашей жизни и жизнях ваших близких. Меня и моих слуг демон не тронет, если мы не станем оказывать сопротивления

— Донjon замка изолирован? Сколько входов?

— Главный, потайная лестница и вход в подвал. Последний накрепко закрыт обитой металлом дверью, даже великан не прорвется!

— Завалить подвальный вход и тайный лаз, немедленно! Чем угодно — мебелью, камнями, хоть бочками с вином! Чтоб мышь не проскользнула! Всю дружину — в донжон, до

единого человека! Прислуга пускай запрется в своих комнатах и ни в коем случае не выходит! Ревенанту не нужны их жизни, но если кто попадется ему на пути — последствия за свой счет. Бочки со смолой — к воротам донжона! Живо! Времени в обрез!

Времени действительно почти не оставалось, но все приказы короля были исполнены немедленно и в точности — люди Ройла не зря получали свое содержание.

Мы едва ли не бегом ринулись к главной башне замка, цитадели, которая была выстроена в соответствии со всеми правилами фортификационной науки — даже если бы враг неким удивительным образом оказался внутри самого замка, проникнуть в донжонказалось бы невозможно. Низкий главный вход с так называемым «коридором смерти», когда противника можно спокойно расстреливать из арбалетов через щели амбразур, узкие окна, в которые с трудом может протиснуться только отошавшая кошка, толщина стен превышает десять локтей, а сами стены облицованы отполированными мраморными плитами, с которых соскользнет даже улитка...

Однако, это сооружение предназначено для ведения серьезной войны, но вовсе не для обороны от одного-единственного демона. Я был уверен, что ревенант отыщет какую-нибудь щель и задаст нам жару.

— Гвай, серебро на ревенанта подействует? — спросил киммериец, когда мы очутились в главной башне. — Все-таки нечистая сила!

— Не уверен, — покачал головой охотник. — О ревенантах известно очень мало, и я...

— Понял, не продолжай, — отмахнулся Конан. — Сотник! В арсенале есть серебряные наконечники для лучных и арбалетных стрел?

— Найдутся, — кивнул статный и суровый немедиец, командовавший гарнизоном замка. — Приготовили лет несколько назад, зачем — сам не знаю, приказ его светлости. Прикажете вооружить лучников?

— Приказываю! Пятерых стрелков — наверх, на самую вершину башни. Пускай приготовят огненные стрелы. Едва демон появится перед воротами — зажечь бочки со смолой.

— Почему вы, государь, думаете, что ревенант придет прямиком к воротам? — нахмурился Ройл. — Вдруг у него более изощренный план?

— Другие входы завалены? Завалены! Стража возле них стоит? Стоит! Как только ревенант объявляется, истыкать стрелами так, чтобы подняться не мог, потом поджечь!

Как говорится — гладко было только на бумаге. Ройл оказался совершенно прав: зломерзкое порождение кхарийской магии и тут умудрилось обвести нас вокруг пальца. Как было выяснено впоследствии, ревенант благополучно поднялся из подземелей крепости наверх (хвала Митре, все населявшие Ройл люди успели попрятаться, следуя распоряжению короля и жертв не было) и вышел во двор перед донжоном. Следуя приказам Конана, засевшая в башне гвардия маркграфа не стреляла — ждали пока тварюга подойдет поближе к бочкам. Но проклятый демон поступил по-своему: запросто развернулся и исчез в проходе, ведущем в восходное крыло замка.

— Ничего не понимаю, — сказал нам король, наблюдавший за происходящим из бойницы второго этажа донжона. — Ройл, он может как-нибудь обойти ворота башни?

— Исключено, — отозвался маркграф. — Хотя, если я правильно понимаю, этот демон весьма сообразителен, ведь он владеет опытом многих людей, чье ремесло — война. Я бы на его месте отыскал веревку, из трех связанных вместе рукоятями кинжалов сделал трезубец и забросил наверх. Трезубец цепляется за один из зубцов башни с непротреливаемой

стороны, а я благополучно поднимаюсь по веревке. Если уж он ухитрился влезть к нам по скале, то столь простой трюк ревенанту в любом случае по силам.

— Дополнительный десяток арбалетчиков — на вершину башни! — немедля приказал киммериец, отлично понимая, что выкладки Ройла вполне логичны. Глянул в бойницу, и тут же выругался: — Сетово отродье! Только этого нам не хватало!

Из коридора, в котором недавно скрылся демон, бегом выскочил граф Вилькон, о котором, к моему прискорбию, мы все позабыли — он доселе маялся головной болью в своей комнате. Судя по всему причиной такой поспешности нашего капитана послужил именно ревенант, ибо Вилькон тоже входил в число тех, кто участвовал в убийстве разбойника Сайруса, непосредственного носителя проклятия.

— Эй, внизу! — взревел Конан, отлично понимавший, какая опасность грозит Вилькону.
— Мгновенно открыть ворота, впустить и снова запереть!

Граф, как ошпаренный, со всех ног несся к вратам башни, сжимая в правой руке свой клинок. Одна из створок приоткрылась, впуская нашего соратника внутрь, и тут...

Я первым заметил нечто неладное, еще в тот момент, когда Вилькон подбегал к донжуону. Кровь. Пятно крови на рубахе!

— Не-ет! — заорал я что было сил. — Не пускайте его!

Поздно. То, что недавно являлось графом Вильконом успело проскочить в «коридор смерти».

Ревенант совершил беспроигрышный ход, скотина эдакая! Уяснив, что так просто попасть в донжон невозможно, демон, ведомый чутьем на кровь своих убийц, запросто поднялся в отведенную приболевшему Вилькону комнату, убил его, вселился в тело графа и предстал перед нами в его обличье. А мы, дураки, поверили... Точнее, дураками оказались не мы с Зенобией, Гвайнардом или Ройлом, а собственно лично Конан Канах, король Аквилонии.

Дальнейшее я вспоминаю как один непрерывный кошмар.

Ревенант ворвался в башню подобно урагану — троих привратников убил сразу, постоянно меняясь телами и вводя в состояние полнейшего замешательства гвардию Ройла, уже не понимавшую в кого именно надо стрелять. Всем нам грозил вполне закономерный карачун — растерялись даже многоопытные и обычно хладнокровные Конан и Ройл, от которых опешившая дружина ждала четких и ясных указаний — кого убивать. Наше счастье, что Гвайнард неожиданно взял на себя обязанности командира — кому как не одному из лучших Ночных Стражей Закатного материка противостоять нечисти?!

— Всем назад! — Гвай взревел, будто полковая труба. — Назад, на второй этаж! Не терять друг друга из виду!

Что характерно, его сразу послушались. Во-первых, голос такой, во-вторых гвардия Ройла поняла, что столкнулась с чем-то донельзя необычным и опасным — только что убитый человек вдруг встает на ноги и начинает рубить своих бывших товарищев, да с таким искусством, что можно расплакаться от восхищения...

Уцелевшие защитники «коридора смерти» в котором уже погибло не меньше полутора десятков дружинных Ройла начали отступать к винтовой лестнице, вяло огрызаясь на атаки ревенанта, успевшего попутно уложить еще четырех. Мы едва успели захлопнуть тяжеленную, выплавленную из чугуна, дверцу прямо перед носом монстра, ныне носящего тело десятника-кофийца. Раздалось несколько ударов металла о металл, затем все внезапно стихло.

Надо полагать, ревенант задумал очередную гадость, к которой мы окажемся как всегда неподготовленными.

— Потери? — быстро спросил Ройл у сотника.

— Двадцать два человека...

— Ясно. Держите оборону у бойниц. Стрелять в любого, кого увидите!

— Будет исполнено.

Глаза у сотника были совершенно шальные. Видимо понял, в какую переделку попали он сам и его отряд. Впрочем, командира графской гвардии предупреждали, что легко не будет и демон в человеческом обличье может натворить немалых бед. Одно хорошо — вояки его светлости не показывали ни малейшего признака паники. Случись сейчас хоть небольшое возмущение среди гвардейцев Ройла, оно обернулось бы неминуемой катастрофой. Очень радует, когда тебя защищают столь опытные люди.

— Что будем делать? — задал сакраментальный вопрос Конан, когда мы более-менее отдохнули. — Мы всего за четверть квадранса потеряли нижний этаж донжона...

— Следовало быть осторожнее, — бесстрастно сказала Зенобия. — В происшедшем есть и твоя вина.

— Наша общая... — поморщился Конан. — Никогда себе не прощу того, что мы забыли о Вильконе. Его жизнь на нашей... моей совести. Однако, рыданиями делу не поможешь. У кого какие предложения? Хальк?

— Ничего сказать не могу...

— Гвайнард?

— Пробиться вниз и выманить демона к смоляным бочкам, — очень вяло сказал Гвай.

— Иначе нам придется тут сидеть до самой Битвы Богов.

— Дженна?

— Что — «Дженна»? Может мне сбросить одежду и выйти к ревенанту, в надежде его очаровать?

— Попробуй только — в ревности я страшен... Ройл?

— Следует подумать над мыслями месьора Гвайнарда. Безвыходных положений не бывает. Даже когда тебе противостоит существо, объединившее в себе боевые качества почти полусотни лучших бойцов Заката.

Пауза.

— Вы позволите высказаться, милорд?

Джигг, не обративший никакого внимания на приказ прислуге спрятаться и постоянно следовавший за нами неотступной тенью, вдруг шагнул вперед. Честно говоря, средь нашей взъерошенной компании только месьор камердинер выглядел безмятежно и до отвращения аккуратно. Словно ему сейчас предстоит пригласить господ к торжественному обеду.

— Что-что? — я явственно увидел, как в глазах Ройла мелькнуло то, что плохие сочинители обычно именуют «проблеском призрачной надежды». — Что, Джигг?

— Ваша светлость позволит мне ненадолго отлучиться?

— Куда? — раскрыл рот маркграф.

— В ваши покой, милорд.

— Джигг, я не собираюсь...

— Судя по рассказам досточтимого месьора Гвайнарда, демон не должен причинить мне вреда. Я не являюсь объектом охоты, не вооружен и не собираюсь нападать на это удивительное существо, которое к моему прискорбию, посетило ваш замок, милорд. Он меня

пропустит. Если я ошибаюсь, уверен, что ваша светлость найдет себе другого камердинера, более достойного и исполнительного.

— Что вы задумали, Джигг? — настороженно спросил Ройл.

— Пока я не могу объяснить, милорд. Дабы не вызывать в ваших сердцах необоснованные упования на благополучный исход. Итак, мне будет позволено вас покинуть?

— Гвайнард? — Ройл повернулся к донельзя хмурому охотнику. — Я имею серьезные основания доверять изобретательности Джигга. Он действительно сможет безопасно пройти мимо ревенанта?

— Не исключено, — проворчал Гвай. — Но никаких гарантий дать невозможно. Хотя, есть условности, предопределенные границы проклятия... Не знаю!

Ройл пожевал губами, посмотрел в потолок, и, наконец, решился:

— Джигг, мне будет крайне огорчительно потерять вас.

— Очень рад это слышать, милорд.

— Вы уверены?..

— Почти, милорд.

— Тогда идите. Если не вернетесь спустя один колокол, мы будем вынуждены действовать самостоятельно.

— Я учту это обстоятельство, милорд.

Люди, занявшие оборону на втором этаже башни могли без особых усилий контролировать положение на первом — в камне было вырезано достаточно смотровых щелей. Ревенанта пока видно не было.

Чугунная дверь приотворилась буквально на мгновение, но неподражаемый Джигг умудрился проскользнуть в щелку и с достойной подражания невозмутимостью зашагал по винтовой лестнице вниз. Наблюдая за ним, я был готов поверить, что этот человек направляется к своему сюзерену, чтобы выслушать обычные распоряжения о завtrakе.

Ревенант внезапно выскочил откуда-то сбоку, увидев движущегося живого человека. Видимо, доселе он скрывался за оружейными стойками. Державший в руке окровавленный меч демон замер в четырех шагах от Джигга, но тот и бровью не повел. Даже не повернувшись в сторону ревенанта камердинер прошел к «коридору смерти» и исчез в полумраке.

— Ройл, — шепнул Конан, будто боясь спугнуть упомянутый луч призрачной надежды.

— Где вы откопали это сокровище? Только не говорите, что в Пифоне!

Маркграф не ответил, а только чуть улыбнулся.

Глава шестая

«НОВЫЙ ПИФОН»

7 день первой осенней луны 1296 г.

Замок Ройл — Немедийские горы.

— Джигг, в замке все спокойно?

— Насколько я знаю — да, господин барон.

— Послушайте... Какое содержание вам платит Ройл?

— Я полагаю, что с моей стороны будет нескромно об этом распространяться, господин барон.

— Вы когда-нибудь бывали в Тарантии?

— Замечательный город, господин барон.

— Не хотите переехать туда насовсем?

— Я пока не рассматривал такую вероятность, господин барон.

— Вы можете быть весьма полезны на королевской службе, Джигг.

— Мне приятно слышать столь лестную оценку из ваших уст, господин барон.

— Вот что... Не буду ходить вокруг да около. Я хочу переманить вас у Ройла. Хотите быть камердинером у тайного советника короны? То есть — у меня?

— Я чрезвычайно польщен данным предложением, господин барон. Однако, есть обстоятельства, которые вынуждают меня задержаться в замке его светлости маркграфа.

— Какие же?

— Полагаю, сперва следует выслушать мнение его светлости, господин барон.

— А-а, вы боитесь, что Ройл вас не отпустит? Вообще-то на его месте я поступил бы точно так же. Я поговорю с вашим хозяином, если вы не против.

— Вы мне глубоко симпатичны, господин барон. И в случае, если его светлость выразит недвусмысленное намерение отпустить меня, я с удовольствием перейду на службу к вам.

— Отлично, Джигг!

— Ваше платье, господин барон. Хочу напомнить, что отъезд намечен на полдень.

— Спасибо, вы можете пока быть свободны. И еще. Вы настоящий герой Джигг!

— Как вам будет угодно, господин барон. Я стараюсь быть полезным.

Камердинер покинул комнату, а я решил еще немного поваляться в постели. События вчерашнего дня вымотали меня настолько, что за ночь я почти не отдохнул. И немудрено — давненько я не попадал в столь серьезную переделку, примерно с тех времен, когда его киммерийско-аквилонское величество напоил меня до полусмерти в дешевеньком вертепе на окраине Тарантии и бросил там на произвол судьбы...

Впрочем, давайте я расскажу, чем кончилась история с ревенантом.

* * *

Джигг невозбранно вышел из донжона и отправился через внутренний двор в жилые

покои замка, а мы продолжили держать осаду. Проклятущий демон теперь не прятался, а с наглым видом расхаживал пряником у нас под ногами, видимо измышляя очередное черное злодейство. Теоретически, пробраться на второй этаж он не мог — башня была отлично защищена, но, как известно, обитатели Бездны весьма изобретательны в области разнообразнейших и весьма изощренных гнусностей.

Так получилось и на этот раз — ревенант полностью оправдал свою репутацию. Сквозь узкие наблюдательные щели мы увидели, что демон направился во двор, некоторое время с шумом там хозяйничал, а затем...

— Только этого не хватало! — тут уже и казавшийся спокойным Ройл побледнел. — Боги могучие, спасите и уберегите! Он задумал выкуриить нас отсюда!

— Вот теперь мы действительно влипли, — процидил сквозь зубы Конан. — Первый раз в жизни жалею, что я убил мерзавца, грабившего моих добрых подданных! Тогда ничего подобного не случилось бы.

Король был прав: мы влипли. Ревенант, уяснив, что залезть к нам на второй этаж невозможно, начал таскать со двора бочонки со смолой, и ставить их пряником возле винтовой лестницы. Бочонки, хоть и являлись довольно тяжеленькими, были невелики, высотой примерно до середины бедра человека. Если демон подожжет смолу — мы попросту задохнемся в едком смоляном дыму или зажаримся.

— Надо прорываться, — решительно сказал король. — Сдохнем здесь как крысы!

Мы все полностью разделяли его точку зрения, отлично понимая при этом, что вступать в драку с монстром почти бессмысленно — его сила многократно возросла. Но уж лучше умереть в бою, чем превратиться в копченый окорок!

— Конан, взгляни! — позвал киммерийца Гвайнард, прильнувший к бойнице. — Кажется, Джигг возвращается!

— А чем он нам поможет? — огрызнулся варвар. Отделает ревенанта щеткой для чистки одежды или половником?

— У него в руках книга, — деревянным голосом отозвался охотник. — Та самая! Что, зажри меня Сет, он задумал?

Как раз в этот момент демон возвращался за очередным бочонком. Джигг остановился посреди двора, раскрыл кхарийский гримуар, переложил его в левую руку. В правой сверкнуло лезвие небольшого ножа.

— Зачем он режет страницы? — ахнул Ройл. — Что за чепуха?

— Не режет, скорее подчищает, — отрицательно замотал головой Гвайнард. — Точнее не могу рассмотреть, слишком далеко.

Б-бу-у... Мне показалось, что замок слегка покачнулся, как если бы началось небольшое землетрясение, сопровождаемое тяжелым и низким раскатом грома, донесшегося издалека. Под стенами донжона внезапно появилось темно-багровое свечение, круг неприятного бурлящего огня расширялся, внутри пурпурного кольца заклубилась тьма. Башня начала мелко вздрогивать.

— Амулет! — воскликнул вдруг Гвайнард, хватаясь за грудь. — Мой амулет Ночной Стражи! Он просто заледенел!

— Мой тоже, — быстро сказал Конан. — Ройл, ваш слуга, оказывается, самый натуральный чернокнижник! Это же темная магия! Причем исключительно мощная! Да он сейчас разнесет замок вдребезги!

Нам ничего не оставалось делать, кроме как бессильно наблюдать за происходящим

внизу, под стенами. Даже ревенант остановился и застыл.

Огненное кольцо расширилось до диаметра в пять-шесть локтей и бурлящая в его центре мгла внезапно исторгла из себя некое существо, описать которое я затрудняюсь. Оно походило на очень высокого человека, причем фигура была настолько мощной, мускулистой и широкоплечей, что даже Конан уважительно хмыкнул. Кожа здоровенной твари была эбеново-черной и блестящей, за спиной виднелись крылья с перепонками — такие у летучих мышей бывают. Рожа новоявленного демона получила бы первый приз на любом состязании уродов — нос плоский, с вывернутыми обезьяньими ноздрями, глубоко запавшие глаза под низким лбом, квадратная нижняя челюсть, из-за тонких губ выглядывают желто-коричневые клыки, уши острые и длинные, круглую голову украшают изогнутые рога... Словом, воплощенный ночной кошмар.

— Невероятно, — зачарованно пробормотал Ройл. — Баатэзу, демон из Огненной Бездны! Помните, я рассказывал? Но как у Джигга получилось?..

Сам камердинер аккуратно отступал ко входу в жилой покой замка, стараясь не привлекать внимания ни ревенанта, ни крылатого исполина. Наконец, ему удалось блестяще закончить этот маневр и скрыться в доме.

Демон под названием баатэзу потоптался по каменным плитам, коими был вымощен двор, причем под его трехпальными лапами клубился дымок — гранит слегка плавился. Вероятно, очередной монстр, свалившийся на наши несчастные головы, приоравливался к новым ощущениям — мир людей был слишком необычен для него. Спустя несколько мгновений он обратил внимание на ревенанта и целеустремленно шагнул к нему.

Понятия не имею, какая муха укусила нашего преследователя, но эта муха наверняка была очень ядовитой, а ее яд вызывал у демонов приступы безумия. Посудите сами: громадный баатэзу мог бы распллющить человека в лепешку одним ударом могучей лапищи или попросту разорвать человеческое тело на множество мелких и крупных клочков. На месте ревенанта я бы бежал от крылатого чудища без оглядки, спрятался в самом дальнем уголке и молил всех повелителей Черной Бездны, чтобы их слуга не отыскал моего укрытия. Однако, у носителя проклятия кхарийцев были свои соображения на этот счет. Он попросту подхватил валявшийся рядом меч и молча бросился в атаку.

Полагаю, баатэзу слегка опешил от подобной наглости и даже отступил на шаг. Какая-то двуногая букашка осмелилась бросить ему вызов! Ревенант тем временем воткнул клинок в ногу крылатого над коленом — человеку было не достать выше, слишком уж здоровым оказался демон.

От разъяренного рева баатэзу мы едва не оглохли. Отлично его понимаю — ты вылезаешь из своей уютной и привычной Бездны в Универсум смертных в расчете на хороший обед или, по крайней мере, на более-менее достойный прием (Ройл упоминал, что эти существа могут если не дружить с людьми, то по крайней мере терпеть их), а тут какой-то озверевший коротышка засаживает тебе в лапу острую железку, что весьма больно и обидно...

Баатэзу разобиделся так, что спустя миг от ревенанта даже мокрого места не осталось — как я и предполагал, демон попросту прихлопнул своего противника широченной ладонью, а затем выдохнул из пасти свистящую струю синеватого огня с оранжевыми язычками. Расплощенное тело ревенанта превратилось в пыль, в пепел, в золу, которую (так обычно выражается в своих сочинениях некий Гай Петрониус из Тарантии) подхватил и унес в голубую даль ниспосланный провидением легкий ветерок. Гранитные плиты под ногами

чудища раскалились докрасна.

Все произошло настолько быстро, что никто из нас даже пикнуть не успел. Хотя, я отлично понимал, что избавившись от одного демона, мы получили взамен другого — куда более сильного и опасного. Ревенант рядом с нашим крылатым гостем выглядел просто белым голубком.

Но баатэзу не стал крушить замок или вытворять другие, не менее ужасные, штучки приличествующие порождениям обители Первозданного Зла. Землю вновь встряхнуло, и багровое пламенное кольцо начало быстро сужаться, поднимая сильнейший ветер и затягивая в себя белые полосы воздуха. Вихрь оказался настолько неукротим, что втянул в закрывающуюся прореху как самого крылатого демона, так и стоявшую неподалеку телегу и оставшиеся перед входом в башню бочки со смолой.

Неожиданно все кончилось. Только на камне остались черные следы монстра, столь внезапно появившегося и исчезнувшего.

— И как прикажете такое понимать? — Конан недоуменно воззрился на нас.

Я, Ройл, Гвайнард и Зенобия не сговариваясь одновременно пожали плечами.

Вскоре в металлическую дверь аккуратно постучали и послышался ровный голос Джигга.

— Ваша светлость, я имею достаточные основания полагать, что опасность миновала.

* * *

Пока ошеломленная от столь бурных событий прислуга приводила в порядок главную башню, мы собирались в кабинете Ройла, чтобы пропустить по кубку хорошего вина и немного успокоиться. Заодно всем очень хотелось выслушать подробные объяснения камердинера, который и устроил явление баатэзу, благополучно избавившего нас от зловредного преследователя.

— Джигг, я решительно не представляю себе, каким образом вам удалось воспользоваться заклинаниями из Книги Душ! — разорялся взбудораженный Ройл, ходивший по кабинету из угла в угол, будто тигр по клетке. — Невероятно, непостижимо! На кхарийском вы не говорите и не читаете, магии никогда не учились, способностями к волшебству не обладаете.

— Это так, милорд.

— Но почему? Почему, я вас спрашиваю? Как вы ухитрились открыть проход в Черную Бездну?

— При помощи упомянутой книги, милорд.

— Джигг, рассказывайте!

— Ваша светлость упоминали, что данный фолиант использовался неким волшебником во времена, когда была разрушена столица империи Ахерона, известная под наименованием Пифон.

— И дальше что?

— Так же вами было сказано, что портал ведущий в Черную Бездну был закрыт при помощи крови означенного волшебника, пролившейся на страницы. Так называемая

«кровавая печать», милорд. Печать, способная остановить действие заклинания.

— Я это знаю, Джигг.

— Вот как, милорд?

— Дальше! Не тяните!

— Я использовал простейшее логическое построение, ваша светлость. Если кровь... — тут Джигг шагнул к столу и раскрыл книгу на странице, испорченной темным кровавым пятном, — если кровь останавливает заклятие, то можно рассудить, что ее удаление возобновит его действие. Я всего лишь счистил своим ножом пятно с нескольких строк в книге.

Мы все застыли раскрыв рты. Камердинер бесстрастно продолжал:

— Когда заклинание вновь начало отчасти действовать и раскрыло прореху в Бездну, из нее появилось то неприятное существо, которое и уничтожило недоброжелателя его королевского величества. Затем мне оставалось лишь поранить палец и выдавить несколько капель своей крови на пергамент, дабы портал мог вновь закрыться. К моей искренней радости все произошло так, как я и предполагал.

Сказать, что все потеряли дар речи — значит ничего не сказать. Вот вам и непреложные законы магии! Джигг совершенно гениально обошел их, найдя незаметное на первый взгляд противоречие! До столь простого, а равно и оригинального решения не додумался бы ни один маг, голову на отсечение даю!

— Не знаю что и сказать... — потрясенно выдавил Ройл. — Вы превзошли самого себя, Джигг.

— Благодарю вас, милорд. Прикажете распорядиться насчет обеда?..

* * *

На сей раз королевский кортеж выглядел куда более внушительно — нас оберегала полусотня отборных головорезов из личной гвардии маркграфа. С такой охраной нам не страшны ни демоны, ни фатарены, ни сам Сет, буде у него внезапно появится желание посетить владения Ройла.

На следующий день после неприятного, но счастливо окончившегося инцидента с неубиваемым ревенантом Конан принял решение съездить к развалинам Пифона, если, конечно, Ройл ничего не напутал и отыскал именно Пифон, а не один из богатых городов-дворцов кхарийских владык. В связи с последними событиями маркграф счел, что нам будет необходимо достойное и хорошо вооруженное сопровождение — Ройл вполне обоснованно подозревал, что Черное Солнце от Конана и Гвайнарда так просто не откажется.

Между прочим, не далее как вчера утром я выполнил распоряжение короля и отправил с почтовым соколом подробную депешу в Тарантию, барону Гленнору. Достопочтенный глава «департамента по поддержанию и охранению душевного согласия среди стран Заката» (с такой вульгарной пышностью у нас именовали тайную службу) ответил незамедлительно и нынче в полдень явился сокол с кратким, но четким ответом:

«Сообщение месьора Халька получено. Принимаю меры к дознанию по делу Черного Солнца. Держите в курсе событий. Гленнор».

За что король, да и все прочие приближенные Конана, ценят нашего таинственного барона — так это за невероятную работоспособность и выдающиеся деловые качества. Стоит напомнить, что именно он, объединившись с пуантенскими герцогами и некоторыми командирами гвардии, придумал блестательный план устранения Нумедидеса и его ближайшего окружения. О том, что государство и король в самых тяжелых обстоятельствах всегда находили поддержку тайной службы можно и не говорить — Гленнор вместе со своими помощниками ухитрялся отыскивать выход из самых затруднительных положений и аквилонская Латерана ныне считается одним из двух лучших секретных ведомств Заката, вкупе со знаменитым Пятым департаментом Немедии, слава которого несколько потускнела после катастрофы двухлетней давности, вызванной появлением Алого Камня.

Полагаю, Гленнор и его цепные псы довольно быстро выяснят, насколько глубоко Черное Солнце пустило корни в Аквилонии, да и в случае чего помогут справится с этой умственной отравой немедийским соседям — в случае общей опасности тайные службы обычно приходят друг другу на выручку. Тем более, что теперь у нас с Троном Дракона — дружба не разлей вода! Молодой Нимед II отлично знает, кому именно обязан как престолом, так и жизнью, а человек он честный, если не сказать — рыцарственный, каковое качество в нынешние времена довольно необычно для короля огромной и могучей державы, почти в полтора раза превосходящей по территории Аквилонское королевство (это если учитывать Заморийский и Коринфский протектораты, находящиеся под скипетром Бельверуса на правах полунезависимых провинций).

...Пока что в округе все было спокойно и благостно — солнце светит, птички поют, ветер хоть и прохладный, но приятный и свежий. Наша внушительная кавалькада не особо спеша рысит на Полуночный Восход по широкой наезженной дороге, выются синее с золотом знамя Ройла и опостылевший (мне лично) малый коронный штандарт, а мы ведем непринужденную беседу.

— Знаете почему ревенант бросился на нашего крылатого спасителя? — говорил Гвайнард. — В который раз людям на выручку приходит то обстоятельство, что обитатели Бездны люто между собой враждуют. Понятия не имею, из какого именно круга Бездны происходят ревенанты, но явно не из того, где живут баатэзу. Наш обидчикглядел в крылатом демоне или конкурента, или прямого врага...

— Да, месьор Гвайнард совершенно прав, — подтвердил слова охотника Ройл. — А теперь представьте себе удивление населяющих Бездну демонов, когда им на головы свалились такие шикарные артефакты, как смоляные бочки и груженая мешками с зерном телега, которых засосало в захлопывающийся портал!

— Точно! — расхохотался киммериец. — Ройл, ради всех богов, объясните нам, откуда у вас появился Пончик? Где вы раздобыли настоящего хэллхаунда, который живет как раз там, откуда являются баатэзу?

Огнедышащий Пончик спокойно трусил рядом с лошадьми — хозяин решил взять своего прелестного песика на прогулку.

— Долгая история, — отозвался Ройл. — Помните мои слова о том, что после разрушения Пифона часть демонов Бездны не сумела вернуться обратно? Вообще-то, баатэзу существа хоть и опасные, но не вредные. Они, наверное, самые большие флегматики среди демонов, если, конечно, их не задевать, как это опрометчиво сделал ревенант. Крылатым монстрам очень неуютно в смертном мире. Конечно, появись у них возможность спокойно и незатруднительно перемещаться из Бездны к нам и наоборот, баатэзу задали бы жару

человечеству. Но природа Трех Сфер, то есть Высшей, Средней и Нижней, устроена весьма разумно. Все три круга нашего мира надежно разделены крепчайшими стенами, дабы не допустить смешения и хаоса. Только сильная магия способна раскрывать ворота, каковые на краткое время могут связать ту или иную Сферу. Причем, заметьте, демоны бездны никогда не могут попасть в Сферу Верхнюю, обитель богов света, а эти боги в свою очередь не способны проникнуть в Нижний мир. Встретиться они могут только у нас. Смертный мир является связующим звеном меж Сферами. Как ни странно, только люди могут познать существующую Вселенную во всем ее многообразии и увидеть всех существ, ее населяющих.

— К чему такие сложности? — спросила Зенобия. — Для чего тот, кто сотворил наш Универсум разделил его на три части и придумал Зло?

— Ах, ваше величество, над этим вопросом уже многие тысячелетия бются философы всех существующих разумных рас. Предполагается, что так называемое Первозданное Зло не являлось изначальным творением Отца Богов, по воле которого образовался наш мир. Некие сотворенные Им боги восстали против Отца, надеясь захватить Его престол. Он, ясно дело, разозлился и сослал их в Нижний Мир, который нарочно создал для того, чтобы падшие оставались там в вечном заключении.

— Неразумно. Проще было их уничтожить.

— А еще проще — наказать, — усмехнулся Ройл. — Может быть, однажды они раскаются? Хотя в этом я не уверен... И кроме того, существование Отца Богов гипотетично, никто и никогда его в глаза не видел. Некоторые философы, включая, кстати, святого Эпимитриуса, утверждают, что он устранился от опеки над Тремя Сферами и творит другие миры, надеясь достичь большего совершенства. Очень темная история, никаких конкретных сведений не существует. Не ошибусь, если скажу, что это самая большая тайна Универсума, разгадать которую человек сможет лишь когда сам приблизится по разуму и силе к богам.

— Мы отвлеклись, — напомнил киммериец. — Так что же с Пончиком?

— Пончика я взял в качестве выкупа. Да-да, не удивляйтесь. Места у нас дикие, чего только не встретишь, особенно в горах. Вы же знаете, что я владею несколькими золотыми рудниками? Так вот, после того, что произошло в Пифоне часть демонов попряталась в пещерах. Мои рудокопы два года назад ухитрились разбудить одного из баатэзу, спавшего под горами уже тринадцать сотен лет. Без жертв, к сожалению, не обошлось... Я счел себя обязанным разобраться в происшедшем, взял с собой придворного мага, приехал горы. Демона мы нашли довольно быстро, пускай и подвергали свои жизни немалой опасности. Думаете, он на нас набросился? Да ничего подобного! Мы растолковали баатэзу, что сможем отправить его домой. Не бесплатно, разумеется. Он согласился... И честно выполнил обещание: пока портал в Огненную Бездну было открыт, он успел притащить мне новорожденного щенка хэллхаунда.

— Книгу Душ использовали? — подозрительно спросил Конан.

— Конечно. Только употребили другое заклинание. В отличие от того, которым вчера воспользовался Джигг, оно куда менее опасно. Я давно мечтал о такой собаке, тем более, что воспитанный человеком хэллхаунд не представляет ровным счетом никакой угрозы. А его изумительные способности могут привести в восхищение кого угодно.

— Только не меня, — покачал головой киммериец. — Удивляюсь, как псины доселе не спалила ваш замок — огнем так и пыхает. В комнате Халька недавно ковер испортила...

— Мелкие издержки, — откровенно фыркнул Ройл. — За Пончиком следят, пока на его совести только поджог стожка сена возле конюшен. Его вполне извиняют потрясающие

умения — нюх хэллаунда значительно острее чем у обыкновенной собаки, он никогда не устает, может не спать сутками, преследовать жертву на протяжении долгих лиг, да и магией кое-какой владеет. Бесценное приобретение! Я подозреваю, что демоны баатэзу используют этих собак в своем странном мире именно для охоты.

— На кого там охотится? — удивился я. — На других, враждебных демонов?

— И это тоже. Не нужно думать, что так называемая «Огненная Бездна» это всего лишь сплошное пламя и кипящая смола. Нижний мир наверняка столь же сложен и многогранен, как наш. Возможно там есть свои леса, озера, города, дороги или горы... А в лесах могут водиться хищники, рядом с которыми самые злобные мантикоры или тигры Хайбории покажутся забавными и безобидными щенятами. И потом, откуда мы знаем, вдруг в Бездне тоже имеется своя нечистая сила и свои монстры, которых опасаются жители глубин? Значит, должна быть и своя Ночная Стража...

— По-моему, вы довели все до абсурда, — сказал Гвайнард. — Бездна — обитель Зла, Изначальной Тьмы. Вас, Ройл, послушать, так получается, что у них обитает... кхм... как бы сказать поточнее? Еще более злое зло, так?

— Это всего лишь умозрительные предположения, — Ройл внезапно натянул поводья и вытянул руку, указывая вперед. — Кстати, господа, мы приехали. Вот в этой живописной долине когда-то возвышались пурпурные башни Пифона!

Лично я ничего особо живописного здесь не увидел. Широкая, покрытая густым хвойным лесом долина была зажата между двумя отрогами Немедийского хребта. Зрелище мрачноватое, но в этих местах всегда так — слишком необжита данная область Аквилонии. Никогда бы не подумал, что легендарный Пифон может находиться в столь прозаическом месте. Самый обыкновенный пейзаж, ничего экстраординарного или величественного.

Однако, если рассудить здраво, великолепная Тарантия тоже выстроена на самой заурядной равнине в пойме реки Хорот. А царственный и грозный Бельверус стоит прямиком на болоте — и ничего, никто не жалуется. Почему бы кхарийцам было не устроить свою столицу-дворец именно здесь, в предгорьях?

Сейчас наш отряд находился на возвышенности. Было отлично видно, что прямо у нас на пути, примерно в полутора лигах к Восходу, расположился довольно большой поселок — замечались силуэты бревенчатых зданий под черепичными и дранковыми крышами, над которыми поднимались сизые дымки, часть векового леса возле деревни оказалась вырублена, а по краям освобожденного от деревьев пространства поднимались искусственные отвалы, похожие на большие темные дюны. Надо думать, Ройл копался на покрытых землей и лесом развалинах Пифона уже не первый год.

— Первые изыскания я начал проводить здесь еще во времена царствования Нумедидеса, — подтвердил мои предположения маркграф. — Спокон веку эта долина в местных легендах считалась запретной, вот я и предположил, что она скрывает нечто интересное. Древней историей я увлекался с юности, а когда Ройл перешел от скончавшегося отца в мое безраздельное владение, я полностью отдался этой страсти. Нанял десяток-другой рудокопов и начал наугад рыть землю. Вернее, почти наугад — раньше возле поселка возвышался холм очень необычной треугольной формы, он и стал отправной точкой. Заметьте — мне сразу же повезло! На четвертый день после начала раскопок мы наткнулись на старинную каменную кладку, а на шестой — обнаружили сокровищницу, располагавшуюся в подвале рухнувшего здания.

— Значит, сокровищницу? — насмешливо сказал Конан. — Я все больше начинаю вас

бояться, Ройл. Вдруг и на вас лежит проклятие ревенанта?

— Даже если это и так, могу успокоить ваше величество, — с таким же сарказмом ответил маркграф. — Если государь не собирается покушаться на мою жизнь, то повторение вчерашних приключений ему совершенно не грозит... А если говорить серьезно, то я неплохо подготовился к разным неожиданностям. Не считите за неуместную похвальбу, но семейство Ройлов не зря считаю одним из самых богатых в Аквилонии. У меня хватило средств, чтобы нанять грамотного мага-равновесника, в те времена уже глубокого старика, не утратившего, однако, ясности разума. Он очень помог мне, предостерегая от возможных опасностей.

— Так что с сокровищницей? — напомнила заинтересовавшаяся Зенобия.

— Когда мы вскрыли каменные своды хранилища, я, признаюсь, едва в обморок не упал. Все тогдашние рудокопы, принявшие участие в затяянной неким провинциальным маркграфом авантюре, теперь очень обеспеченные люди — я честно отдал им десятую часть сокровищ. Короче говоря, мы выгребли из кладовой золота и драгоценностей на восемь сфинксов.

— Чего? — непрятворно поразился Конан. — Восемь? Восемь огирских сфинксов?

Напомню, что «Сфинксом» называется особо установленная Огирским королевством мера веса драгоценного металла, причем соотношение золота к примесям должно составлять девяносто девять к одному и выше. Сфинкс равен ста тысячам огирских денариев, наиболее дорогих и полновесных золотых монет Заката — умопомрачительная сумма! Колossalное состояние! На эти деньги можно купить целое герцогство, с замком, полями-лесами-речками, двумя десятками деревень и городком. Восемь сфинксов — это восемьсот тысяч денариев Ианты, примерно столько аквилонская государственная казна получает сборов в течении полутора лет.

— Точно-точно! — воскликнула Дженна. — Отлично помню возмущение моего батюшки-купца в 1287 году, когда цена на золото и цветные камни резко поползла вниз, едва не приведя к разорению некоторых ювелирных гильдий! Ваша работа, Ройл?

— Наверное, — пожал плечами маркграф. — Никогда над такими вещами не задумывался, всеми денежными вопросами занимается управляющий, каштелян... Тогда мне было не до расценок на драгоценные металлы. Я понял, что совершил главное открытие своей жизни. Действовать пришлось осторожно, подбирая верных и преданных людей, чтобы Нумедидес и свора королевских шакалов не наложили лапу на принадлежащее мне сокровище древности — сами знаете, они бы не обратили внимания на мои привилегии маркграфа и начали бы копать сами, не зная, с чем можно столкнуться на руинах древней крепости. Этих мерзавцев интересовало бы только золото...

— И что вы сделали? — поинтересовался Гвайнард.

— Сначала я начал искать тех, кому можно довериться. И выбрал два самых достойных сообщества — гильдию Ночной Стражи и зарождавшийся в те годы конclave волшебников Алого Пламени Равновесия. Тем более, что обе организации работают в весьма тесном сотрудничестве, не так ли?

— Согласен, — кивнул Гвай. — А потом?

— Потом мне пришлось окутать свои изыскания тайной. Долина отлично охраняется, доступ к раскопу имеют только самые верные и проверенные люди. До нынешнего дня в Тарантии не знали, чем занимается маркграф Ройл.

— Зря вы развели такую таинственность, — огорченно сказал Конан. — Я смог бы помочь. Знакомств в среде магиков у меня много, да и королевские службы имеют доступ к

рукописям и документам, которые вы никогда не раздобудете. Это может весьма упростить работу.

— Благодарю, мой король.

— С одним условием! Десятую часть найденных сокровищ — в казну!

— Согласен. Меня мало интересует золото, его достаточно, чтобы обеспечить безбедную жизнь правнукам правнука. Если так, то могу я спокойно обсудить с бароном Юсдалем вопросы об интересующих меня рукописях королевской библиотеки?

— И тоже условие, — не удержался я. — Вы позволите мне ознакомиться с вашей коллекцией пергаментов и снять копии!

— Разумеется! С любых фолиантов, не являющихся магическим книгами. Это может оказаться... гм... весьма чревато.

Тем временем мы въехали в гостеприимно распахнутые ворота поселка над которым красовалась озорная вывеска «Новый Пифон». Первое, на что я обратил внимание — это возведенная вокруг деревни крепостишка, не особо мощная, но достаточная для того, чтобы обороняющиеся могли продержаться до прихода подкреплений. Много вооруженных людей. Смотровые башни, поставленные по периметру. Рабочего люда, наоборот, не заметно. Скорее всего, трудятся на огромном раскопе, находящемся всего в полулиге от поселка.

— На развалинах работает не больше пятидесяти человек, под руководством назначенного мною прецептора Нового Пифона, который одновременно является придворным магом, — словно прочитав мои мысли, пояснил Ройл. — Изыскания следует вести крайне осторожно, а то выкопаем что-нибудь такое, о чем будут сожалеть даже наши потомки в тысячном колене... Ага, вот и сам господин прецептор! Нас, оказывается, встречают!

И точно. На крыльце выстроенного из настоящих «корабельных» бревен двухэтажного дома стоял человек в подозрительно знакомой мне красной хламиде волшебников Ордена Равновесия. Всмотревшись в лицо наместника маркграфа я испустил слегка разочарованный вздох — в глубине души я ожидал узнать в нем старину Тотланта, одного из лучших друзей Конана, меня самого и всех, кто составляет ближайшее окружение короля.

Но увы, Тотлант сейчас находился в отдаленном Пограничье, а придворным магом Ройла оказался Валент из Мессантии. Каковой Валент (тоже наш общий знакомец по истории с Кладом Нифлунгов), являлся избранным советом волшебников главой конclave Алого Пламени.

Высокий, сравнительно молодой для магика — всего-то лет сорока или даже меньше! — он представлял собой новое поколение магов Хайборийского мира. Старичье, реликты, наподобие Пелиаса Кофийского, Лоухи или все еще бодрого но весьма пожилого Тот-Амона, уходили в прошлое, равно как и конclave магии Света или Тьмы. Как-то самой собой получилось, что за последние годы самым удачным и востребованным являлось редкое в прежние времена волшебство Равновесия.

Маги «традиционных школ» недовольно бурчали, что молодежь не умеет различать Великие Краски (набившие оскомину «Черное» и «Белое»), пренебрегает древними обычаями и совершенно разучилась почитать старииков. Так оно и есть, к счастью. Нечестолюбивые, умные и проницательные волшебники этой стремительно набирающей силу гильдии точно знали чего хотят: равновесия. Равновесия между великими силами, ибо их столкновение повергнет мир в прах. Они порицали абсолютное зло, но и не одобряли абсолютного добра, поскольку мир многоцветен и не может содержать в себе только две

краски. Они не враждовали с Темным и Светлым конclaveами, однако могли защитить себя от нападок с их стороны, которые случались все чаще и чаще — маги Тьмы и Света быстро поняли, что их гильдиям угрожает опасность со стороны спокойных и великолепно образованных молодых волшебников, не стремящихся переделать мир по своему хотению, а ставшихся этот мир сохранить и сделать его более безопасным для повелителя — человека.

Впрочем, свои философические размышления о Трех Цветах Магии я описал в другом трактате и не считаю нужным приводить здесь развернутые цитаты. Достаточно сказать, что Валент, увидев короля, маркграфа и свиту, спустился по ступенькам крыльца вниз, поклонился с достоинством (ухитившись исподтишка подмигнуть мне, как старому знакомцу) и произнес обычную для мага приветственную фразу:

— Рад приветствовать светских владык в моем скромном доме. Прошу пожаловать, достойные месьоры! Стол накрыт!

Краем глаза я заметил, что Джигг, самый уникальный камердинер нашего мира, спешился первым и решительно зашагал в сторону пристройки, наверняка являвшейся кухней. Решил сам проверить, что будет подано на обед высоким особам...

* * *

Мы познакомились с Валентом три года тому, в самом конце весны 1293 года, когда король Конан позволил гильдии Равновесия собрать конclave в Тарантии. Для многих людей, хорошо знавших киммерийца, этот его поступок мог бы показаться странным — король не то, чтобы не любил магию, скорее не одобрял. Между прочим, у многих варварских народов, в том числе и у киммерийцев, колдовство считается занятием «нечистым» — вспомним, что нордлинги вынуждают своих ведьм и колдунов жить отшельниками, отдельно от остальных людей. Однако Конан, благодаря не раз оказывавшему серьезную помощь Аквилонии и нашим друзьям волшебнику Тотланту из Пограничья, был расположен к равновесникам.

Так совпало, что тарантийский конclave случился как раз в те злосчастные дни, когда мы с Тотлантом «выдумали» так называемый «Клад Ниблунгов». Эта длинная и весьма поучительная история описана мною в отдельном сочинении, пересказывать здесь я ее не стану, но напомню, что за этим кладом началась весьма оживленная охота, как со стороны короля, жаждавшего пополнить отощавшую казну, так и со стороны различных проходимцев, решивших прибрать к рукам сокровища Царя Тразариха. Дело дошло до того, что эти мерзавцы наняли черного мага, который устроил пожар в дворцовом книгохранилище и моих личных покоях. Не окажись рядом Валента и Тотланта, вовремя погасивших колдовской огонь, от моей обожаемой библиотеки остался бы пепел, а мне самому осталось бы пойти в дворцовый парк и удавиться на первом же суку, поскольку книгохранилище составляет весь смысл моей жизни.

После этого неприятного происшествия Конан обоим волшебникам навесил по ордену «Диск Митры» и Валент вошел в число наших друзей. Кстати, именно тогда он и встретился с Ройлом, едва не погибшем во время упомянутого пожара. Но я и не подозревал, что маркграф переманил аргосского мага к себе на службу.

Впрочем, ничего удивительного в этом нет. Любому магику необходим богатый

покровитель, да и гильдия Равновесия была сравнительно бедна, не идя ни в какое сравнение с Черным Кругом Стигии или орденом Золотого Лотоса, которые копили свои сокровища веками. Тотлант служит придворным магом у владыки захудалого Пограничья Эрхарда, так почему бы Валенту не принять покровительство куда более могущественного аквилонского маркграфа? Тем более, что Ройл может предложить волшебнику весьма интересную работу — покопаться в руинах того самого Пифона!

Мы расположились в обширном доме Валента, который одновременно был и его резиденцией, и магической лабораторией. Жил аргосец скромно — никаких величественных апартаментов, никаких големов или иных волшебных существ в обнаженными мечами у входа и прочих пошлых атрибутов обиталища знаменитого колдуна здесь не наблюдалось. Обычный деревенский дом.

— Ничего не скажу, время вы провели довольно весело, — покивал Валент после долгого рассказа Конана и Ройла о недавних приключениях. — Жаль, меня вчера в замке не было, хотелось бы увидеть все случившееся своими глазами.

— Слово «весело» друг мой, здесь едва ли применимо, — нахмурился маркграф. — Я потерял два десятка своих гвардейцев, отряд Конана тоже оказался перебит... И я не считаю, что ревенант попался на пути короля случайно.

— Случайностей в этом мире вообще не бывает, ваша светлость, — развел руками Валент. — Давайте сочтем данностью то, что Черное Солнце начало охоту за Книгой Душ и жаждет заполучить ее, используя любые доступные средства. Возможно, маги Черного Солнца нарочно подстроили встречу короля и месьора Гвайнарда с носителем проклятия ревенанта — знали, что Конан или кто-нибудь из его свиты убьет этого самого разбойника Сайруса, и тогда ревенант устранит всех возможных претендентов на книгу... Хотя, я могу и ошибаться — на месте руководителей секты фатаренов я бы никогда не допустил, чтобы данный план попал в руки чужаков!

Валент похлопал ладонью по расстеленной на столе карте, которую мы отыскали среди вещей убитого грабителя.

— Так в чем смысл? — поинтересовался киммериец, рассматривая план. — Что здесь обозначено? Местонахождение кхарийских кладов?

— У тебя только кладами башка забита, скаред, — проворчала Дженна. — месьор Валент, тут действительно указано нечто важное?

— Да, моя королева... Карта дает представление о расположении древних гробниц, на которых лежат проклятия или которые охраняются демонами. Есть указания на важнейшие храмы Кхарии. Поданные Ахерона были недобрым народом, черная магия являлась для них обычным способом для достижения своих целей, так что на этих руинах может доселе покоиться Нечто... Вот смотрите — эти иероглифы складываются в слово «Пиррофлагалон». Никогда не слыхали, что это такое?

— Нет, — отрекся киммериец. — Но судя по этому чудовищному звуанию, ничего хорошего от этого Пирго... Пира... в общем, от этой штуки ждать не приходится.

— Верно, не приходится, — сказал Валент. — Пиррофлагалон — это город-храм, не менее грандиозное сооружение, чем город-дворец, который мы с месьором Ройлом ныне пытаемся изучать. Судя по расположению гор и речных русел, он находился примерно в сорока лигах к Полуночному восходу от нынешнего Галпарана, почти на границе великих герцогств Таурон и Гандерланд, на берегу Ширки. Не углубляясь в подробности религиозной жизни кхарийцев, скажу, что они почитали целое сонмище темных божеств, среди которых

хорошо знакомый всем нам Сет-Змееног был только одним из равных. Пиррофлагалон являлся средоточием Тьмы, главным центром почитания богов Черной Бездны. Уверен, если кто-нибудь начнет разыскания в тех местах, то проснется древняя нечисть, пока надежно захороненная под толстым слоем земли. И тогда серьезных неприятностей нам не миновать.

— Значит, «Нечто»? — повторил Конан слово, недавно произнесенное Валентом, причем маг сказал его таким зловещим тоном, что у меня мурашки вдоль хребта забегали. — Что именно? Демоны?

— Демоны — это еще полбеды, — поморщился волшебник. — Давайте мыслить шире, ваше величество. Демоны есть лишь частные проявления действия древней магии Ахерона. Никто никогда не задавался вопросом, что произойдет, если несколько таких вот частных проявления объединятся в целое? И потом, откуда мы знаем, каким образом прекратился магический шторм, разрушивший половину материка? У меня есть некоторые основания полагать, что грандиозная Буря Перемен, буйство неконтролируемой черной магии, прекратилась не сама, а была намеренно остановлена. А еще точнее — приостановлена. На время.

— Кем? — подался вперед Ройл.

— Совершить такое человеку не по силам. Темные боги ведь тоже не дураки, у них есть четко установленная цель: порядок. Давайте отбросим вульгарные домыслы о том, что главным желанием Зла является хаос. Первоздной Тьме требуется не хаос, а именно порядок. Только свой собственный. Весьма отличный от нашего представления о порядке. Так вот: когда владыки Бездны поняли, что колдовской шторм приведет как раз к полному уничтожению верной своим богами империи Ахерона, они его могли остановить. Но было уже поздно — шторм не только не помог кхарийцам избавиться от нашествия варваров, но и до предела ослабил постаревшее государство чернокнижников. Последствия известны... А вот куда подевалась высвобожденная во время бури магия — никто не знает. Ничто не исчезает в никуда и не появляется ниоткуда. Понимаете?

— То есть, ты хочешь сказать, что Черное Солнце может как намеренно, так и по незнанию, вновь спустить с цепи Бурю Перемен, уничтожившую Кхарию? — медленно произнес Конан. — О нет, проще сразу заколоть себя кинжалом!

— Целиком и полностью согласен, — отозвался Валент. — Мы сможем бороться с новым магическим штормом только путем героического и массового самоубийства. Пока я высказал только предположения, но они вполне могут оказаться реальностью. Вот почему гильдия Ночной Стражи и конclave Равновесия крайне обеспокоены активностью Черного Солнца и попытками фатаренов поставить себе на службу забытую магию кхарийцев.

— Прямо какой-то мировой заговор... — буркнул Гвайнард.

— Заговор? — вздернул брови волшебник. — Нет, скорее потрясающая по своей масштабности глупость и фантастическое недомыслие адептов Черного Солнца. У руководителей секты совершенно другие планы — политическое влияние и материальное богатство. Магия — всего лишь способ достижения цели, Ройл должен был вам это объяснить. Они напоминают мне детишек, в руки которых попали сосуды с «зингарским огнем» и кремень с кресалом. Достаточно искры — и сами жадные злые дети сгорят во всепоглощающем пламени, и всех остальных вынудят искать спасения от огня.

— Тогда надо понять, что делать в данной ситуации, — решительно заявил Конан. — И как бороться с этой напастью.

— Прежде всего — уничтожить Черное Солнце, — разумно сказала Дженна. — Выжечь

каленым железом, добраться до тех, кто использует учение пророка Мэниха в своих целях и вздернуть на главной площади при большом стечении ликующего народа. Полностью истребить верхушку секты.

— Боюсь, нахрапом их не возьмешь, — скривился король. — Эпимитриус заповедовал нам веротерпимость к тем религиозным культуам, которые не исповедуют Тьму. А к фатаренам не подкопаешься — «очищенный дух», светлая душа и прочий бред уже владеют многими умами. С виду — все благостно, никакого поклонения Злу. Так что торжественная казнь на главной площади отменяется. Придется действовать более тонко.

— Если эта изящная метафора скрывает под собой долгую работу тайной службы по раскрытию изнанки секты и подготовку одномоментного и могучего удара по вождям фатаренов, то я не могу не согласиться с вашим величеством, — с самым серьезным видом проговорил Ройл. — А пока нам следует всеми возможными способами оградить наследие Кхарии от загребущих лап Черного Солнца.

— Одно меня смущает... — пожевав губами, сказал Валент. — Откуда они пронюхали о Книге Душ? Прошу прощения за каламбур, но о ней не знала ни одна живая душа, кроме меня, Ройла и нескольких Хранителей Ночной Стражи. Значит, кто-то либо проговорился, либо среди нас есть изменник.

— Когда я вернусь в Бельверус, чтобы отдать книгу Хранителям, мы попробуем выяснить, кто мог сообщить о ней Черному Солнцу, — нахмурился Гвайнард. — В любом случае, теперь нам придется быть очень осторожными.

— Согласен, — вздохнул маркграф. — Кстати, Валент, в последние дни в Новом Пифоне не происходило ничего необычного? Я понимаю, что дороги в долину Пифона перекрыты моей гвардией, но за всеми тропками не уследишь.

— Не припоминаю, — пожал плечами маг. — Хотя... Точно, была одна странность! Когда гонец последний раз доставлял мне из Ройла письма, среди депеш от прочих волшебников конclave и моих друзей попалось довольно любопытное послание! Да вот оно, сейчас прочту!

Валент порылся в горке свитков, валявшихся на обширном столе, вытянул один из пергаментов и начал читать вслух:

— Так, начало неинтересное, обычное куртуазное вступление. Вот, нашел: «...Выражая искреннее восхищение вашей деятельностью на посту главы ордена магов Равновесия и вашими изысканиями в области древнейшей истории, не могу не отметить, что Валент Мессантский мог бы принести значительно больше пользы и обрести великую славу трудясь не в дремучем захолустье, а в одной из блестательных столиц Заката». Дальше меня долго и нудно уговаривают покинуть Ройл, обещая золотые горы и доступ к любым документам бельверусского книгохранилища.

— Кем подписано? — подался вперед Конан.

— Герцог Амори Ибелен-младший.

— Знаю таких, — кивнул Ройл. — Семейство коринфских герцогов Ибеленов, весьма почтенная и древняя семья. Кажется, отец этого Амори одно время был Великим протектором Заморы. Валент, позволь взглянуть на письмо... Благодарю. Нет, ничего подозрительного, печать подлинная.

— Меня настораживает то, что Амори живет в Коринфии, и в то же время обещает доступ в самую знаменитую библиотеку материка — королевское книжное хранилище Бельверуса, куда пускают только с разрешения монарха или канцлера, — проворчал Валент.

— Все в этой истории как-то увязано на Бельверус. Хотя предложение перейти на службу к герцогу само по себе подозрительным быть не может и совершенно никак не доказывает его связи с Черным Солнцем.

— Я постараюсь проверить через барона Гленнора, что представляет из себя этот Амори, — подал голос киммериец. — Между прочим, месьоры, вам не кажется, что мы засиделись в душном помещении? Валент, мне не терпится взглянуть на развалины Пифона. Покажешь?

— Идемте, — пожал плечами маг. — Хотя ничего интересного вы там не увидите — обычная груда оплавленных камней. Мы очистили от земли не более одной пятидесятий части города-дворца, на большее не хватает сил, да и приходится быть максимально осторожными — мало ли на какую гадость наткнешься?

— И все-таки мне надо посмотреть, — сказал Конан. — Хочу сам убедиться, что Пифон мертв и никогда не воспрянет...

Заключение

«ГРАНИЦА ДОЗВОЛЕННОГО»

15 день первой осенней луны 1296 г.

Тарантия, замок короны

— Господин барон, вас просят явиться в Белую гостиную.

— Спасибо, Джигг. Передайте, что я непременно буду спустя квадранс-полтора.

— Его величество в весьма недвусмысленной форме выразили желание встретиться с вами незамедлительно.

— И что ему неймется, а? В конце концов, у меня тоже есть дела, не менее важные, чем у Конана.

— Насколько я понял, речь идет о Малом государственном совете.

— Хорошо, хорошо, сейчас допишу несколько строк и пойду!

— Не смею больше настаивать, господин барон.

Из весьма быстро закончившегося путешествия по аквилонским провинциям я привез две драгоценные вещи — новые сведения, которыми можно было обогатить летопись, и камердинера по имени Джигг. Представления не имею, почему маркграф Ройл с такой легкостью позволил Джиггу отправиться со мной в Тарантию. Такого слугу я бы не мести Ройла не отпустил даже за все золото мира, но его светлость, уловив мой тяжеловесный намек (я прямо сказал о том, что хорошей прислуги сейчас в столице не отыскать, а месьор Джигг — сущее золото во плоти), только пожал плечами и ответил, что если камердинер согласится с моим предложением, то я могу невозбранно взять его на службу.

Воображаю, каким сюрпризом для моей супруги Цинции, будет появление в доме человека, который неким чудесным способом заранее узнает о желаниях своих господ, почти в буквальном смысле способен читать мысли и не идет ни в какое сравнение с привычной замковой прислугой, явно полагающей, что не она существует для высших дворян королевства, а монарший двор создан специально для ее развлечений и обогащения.

Хотелось бы узнать, с чего вдруг Конан неожиданно решил собрать Малый совет, в который входят только самые доверенные лица, включая вице-короля Просперо (который, кстати, доселе не отдался от титула наследника трона, поскольку у Дженны пока нет детей), а так же канцлера, начальника Тайной службы, верховного казначея и еще нескольких важных персон, наподобие вашего покорнейшего и низайшего слуги.

Поскольку Малый совет является мероприятием совершенно неофициальным, я решил не переодеваться в более торжественные одежды и навешивать тяжеленную орденскую цепь Большого Льва. Однако, возникла трудность — Джигг, полагающий, что являться на королевский прием в закапанном чернилами и слегка потертом колете будет неприлично, уже приготовил для меня приличествующую случаю сбрую. Придется совершить обходной маневр, и выйти к ведущей вниз лестнице не через двери моих апартаментов, а через запасной выход, имеющийся в книгохранилище.

Так я и сделал, оставив Джигга с носом — иногда он становится невероятным занудой, причем его занудство выражается в полном и безусловном требовании ко мне блюсти все правила дворянской чести и куртуазного обхождения, пусть они касаются даже не имеющих

никакой важности предметов одежды. Миновав устроенную камердинером засаду, я направился не к главной, а боковой лестнице, спустился на второй этаж замка и кивнул начальнику караула «Черных Драконов», оберегавших личные покои короля — меня всегда пропускали беспрепятственно.

Вот и Белая гостиная. Раззолоченный холуй из камер-лакеев распахнул передо мной двери и я очутился в прелестной комнате, которую очень любят Конан и Зенобия — мрамор, вся мебель и обивка стен выполнены в светлых или жемчужных тонах разных оттенков, журчит фонтанчик с золотыми рыбками, тихо гудит огромный камин.

Вот интересно: обычным украшением Малого совета является долговязая фигура барона Гленнора, который, будто нарочно, не участвует в обсуждении судеб страны, а придвигает кресло поближе к огню, накрывает пледом и демонстративно дремлет, пока все остальные дерут глотки. На сей раз его тайная милость присоединился к общему диспуту, устроившись заovalным столом по левую руку от самого Конана.

Да и состав совета сегодня необычен. Я не заметил Публио и казначея Ришильди, зато явился старик Хродомер, верховный жрец Митры и настоятель самого главного митрианского святилища Аквилонии, храма Возрожденного Солнца, чей гигантский белоснежный купол является одной из самых восхитительных достопримечательностей Тарантии.

Гленнор явился со свитой в составе одного человека, зато какого! Граф Эган Кертис, начальник стола безопасности королевства и первый помощник главы Латераны — с виду вполне милый молодой человек, но, как утверждают знающие люди, если положишь ему палец в рот, откусит руку по самое плечо. Я этому верю, поскольку лично записывал воспоминания Кертиса, посвященные перевороту 1288 года и знаю, на что способен этот талантливый выдвиженец барона Гленнора, который наверняка однажды сменит его на посту повелителя всех аквилонских конфидентов.

— Хальк, садись где-нибудь, — Конан махнул мне рукой. — И слушай очень-очень внимательно!

— Да что случилось-то? — не на шутку обеспокоился я. — Новая Полуночная Гроза надвигается?

— В какой-то мере, — усмехнулся в ответ Гленнор. — Вы барон, припоздали, дурно относитесь к своим обязанностям.

— Моя вотчина — библиотека, — огрызнулся я. — И в отличие от Аквилонии, за благополучием которой вы обязаны следить, в книжном хранилище нет крыс.

— Предлагаете мне бросить службу и овладеть ремеслом крысолова? — невинно поинтересовался Гленнор, поднимая бровь.

— Это метафора такая!

— А ну прекратите! — киммериец хлопнул ладонью по столу. — Вы бы еще подрались! Стыдно, месьоры! А тебе, Хальк, я передал приглашение незамедлительно придти на совет уже два квадранса назад. В общем, Гленнор раскопал кое-что о Черном Солнце. Оказывается, это очень серьезные ребята....

— Его величество в целом верно отразил положение вещей, — меланхолично сказал барон. — Признаться, я не упомню случая, чтобы новое и популярное среди народа религиозное течение использовалось в столь неблаговидных целях. Мы не смогли отыскать упоминания о похожих случаях ни в одном из документов архива Латераны, как ни старались. Напомню, что у нас хранятся пергаменты, повествующие о неприглядных

сторонах истории большинства стран Заката за последние восемь столетий. Случай, безусловно, уникальный.

— А если подробнее? — спросил Просперо Пуантенский, наш блестательный вице-король. — Мы действительно столкнулись с крупным заговором?

— Можно сказать и так, — кивнул Гленнор. — Только вся необычайность этого заговора состоит в том, что его участники не собираются устранять королей или устраивать военные перевороты, чтобы возвести на престол своих ставленников. Кроме того, Черное Солнце объединяет в себе как минимум три враждующие между собой группировки, каждая из которых втихомолку враждует с остальными — ну чисто голодные крысы в банке. Давайте расскажу, что мне удалось выяснить...

Из повествования Гленнора я понял, что догадки Ройла о некоем сообществе людей, желающих быстро и гарантированно обогатиться за счет нового религиозного учения, почти подтверждаются. Разве что дело оказалось куда более сложным.

В чью голову пришла гениальная идея осрамить перед всем миром зажавшиеся митрианские монастыри и хапуг-жрецов, было неизвестно, но плоды эта светлая мысль принесла незамедлительно. Вероятно, сначала распространители учения пророка Мэниха и в мыслях не держали, что их проповеди станут первым камнем в фундаменте обширной и уже весьма влиятельной секты — по сведениям Гленнора, эти люди и впрямь придерживались правил бедности, отвергали порожденные злом материальные сокровища и провозглашали чистоту духа человеческого. Но кто-то очень умный и очень безнравственный решил поиграть на противоречиях в философии и быстро превратил скромное и ничем не выдающееся среди прочих культов бедности учение в настоящего монстра.

— Сейчас в Аквилонии открыто уже тридцать два храма «Очищенного духа», — излагал глава Латераны. — Из них четыре тайных. Можно добавить, что для имеющих высшее посвящение adeptов существуют пока не разысканные нами капища, где, предположительно, имеют место обряды не имеющие никакого отношения к благонравию и закону... Добавим сюда проповеди, в которых как простецов, так и дворян призывают к отказу от материальных благ. Например платить подати — грешно, поскольку ты этим поддерживаешь высшее воплощение материального зла, государство. Гораздо лучше отдать свое золотишко в храм, причем все, без остатка.

— Значит, подати — грех, а мзда священникам фатаренов — благо? — не понял Конан. — Они противоречат сами себе!

— Ничего подобного! Жрецы фатаренов утверждают, что деньги они используют лишь для того, чтобы донести свое слово до каждого заблудшего, чтобы открывать новые храмы, которые осветят порабощенным плотью людям путь к бесплотному миру добра. И, как ни странно, им верят — в некоторых областях Немедии, да отчасти и у нас, началось какое-то массовое безумие. Появились толпы нищих, которыми руководят жрецы фатаренов, так называемые «Совершенные», причем не только сиволапое мужичье, но и некоторые благородные, добровольно отказываются от имущества, надевают рубище и идут бродяжничать, искать «Свет». А вот куда исчезают деньги, унаследованные Черным Солнцем от обманутых людей — я пока не знаю.

— А что за группировки существуют внутри секты? — напомнил Просперо.

— Учение фатаренов привлекло к себе, во-первых, нечистых на руку личностей, желающих обогатиться — этим скотам плевать на философию и прочие умствования. Их бог — золото. Такие встречались всегда и во все времена, ничего интересного. Во-вторых, к

фатаренам, будто тараканы на кухню, начали сбегаться черные маги всех мастей — им понравился постулат о том, что душа безгрешна, и только по велению тела может творить все, что восблагорассудится. Упомянутые дельцы, моментально поняли выгоды сотрудничества с колдунами — магия расширяет их возможности вытягивать золото из подданных Закатных стран. И последняя, третья сила — высшие дворяне, недополучившие свою долю власти и влияния. Им тоже малоинтересны бредовые выкладки о духе и плоти, тьме и свете, но использовать учение Мэниха в своих интересах они не брезгуют. Таким образом получается, что «торгashi» не могут существовать и проворачивать свои делишки без помощи «политиков», те и другие нуждаются в магии, как средстве запугивания и дополнительной силе, а «колдуны» не способны развернуться во всей красе без золота первых и поддержки вторых. Как я уже сказал — перед нами три крысы с совершенно различными интересами и чаяниями, но до поры, до времени они вынуждены трудиться вместе.

— Черное Солнце — прямая угроза государству, всему тысячелетнему укладу жизни, — добавил граф Кертис. — Они уже не могут остановиться, перешли грань, лавина сорвалась. Первые почувствовали вкус к огромным деньгам, другие могут сравнительно безнаказанно использовать запретное колдовство, третьим явился призрак власти. Кстати, мы уверены, что к партии дворянства, входящей в Черное Солнце, принадлежит вызвавший подозрения у Валента Мессантского герцог Амори Ибелен из Коринфии. Он давно бредит собственным королевством, а Коринфия ныне является протекторатом Трона Дракона. Поскольку престол Бельверуса ослаблен недавней войной за Алый Камень Каримэнона, желание Ибелена восстановить Коринфский трон и самому усесться на него в определенной мере выполнимы.

— ...А это означает новый передел сфер влияния, нарушение равновесия в торговле, возможную войну с немедийцам, возмущение в заморийском протекторате, который тоже ничуть не против освободиться от влияния Трона Дракона и полную сумятицу, умиротворить которую будет крайне сложно, — закончил Гленнор.

— Ну что ж, если у нас тут совет, давайте советоваться: что будем предпринимать, — помолчав, сказал Конан. — Оставлять фатаренов в покое я не собираюсь — они уже много крови мне попортили.

— Есть одно предложение, — Гленнор посмотрел в потолок и пожевал губами. — Для начала — никаких репрессий, secta немедленно превратится в «гонимую» и завоюет еще большие симпатии. Будем осторожными, понаблюдаем, разузнаем о них как можно больше, а затем... Затем попытаемся взорвать Черное Солнце изнутри. Крысы в банке, понимаете? Они погубят сами себя, подобно кхарийцам... Нам следует только слегка их подтолкнуть!

* * *

Я вернулся с Малого совета ближе к полуночи, когда снаружи совсем стемнело, а по всему замку зажгли факела и масляные фонарики, развешенные в коридорах.

Джигг посмотрел на меня неодобрительно, а у самого входа в принадлежащие мне комнаты демонстративно висел парадный колет с золотым шитьем по вороту и рукавам.

— Сейчас не до красот, Джигг, — проворчал я. — Дело серьезное...

- Вот как, господин барон?
- Похоже, мы втянулись в серьезную войну с Черным Солнцем.
- Вот как, господин барон?
- Что вы заладили, «вот как, вот как»... Что с ужином?
- На столе, господин барон. Я предполагал, что вы вернетесь именно в это время.
- Никто не заходил?
- Только сокольничий его королевского величества с двумя спешными сообщениями, доставленными лично для вашей милости соколиной почтой нынче вечером.

Я быстро прошел в свой кабинет. К сожалению во время пожара, устроенного три с лишним года назад в библиотеке и моем скромном обиталище, сгорела большая часть старых вещей, коллекции и некоторые не особо ценные рукописи. У меня хватило ума спрятать как «Синюю Хронику», так и большую часть прочих сочинений в тайнике, а потому они не пострадали — не знаю что б со мной случилось, если бы главнейшие труды жизни погибли в пламени, одна только «незаконная летопись» чего стоит!

После пожара канцлер (получивший изрядный втык от Конана за скупость и нерадение) неслыханно расщедрился, комнаты отремонтировали, купили лучшую мебель и присоединили к ним еще два обширных помещения по соседству, в которых я теперь содержу личную библиотеку и архив. Расположение прочих комнат осталось прежним — кабинет, спальня (теперь уже на холостяцкая, а супружеская, хотя моя дорогая Цинция доселе отдыхает на Полуденном побережье), приемная (она же столовая) и комната для прислуги, которая раньше была забита всяким хламом, а теперь стала местообитанием Джигга.

Точно, камердинер не соврал, да и вратъ он, по-моему, не умеет. На столе в кабинете лежат два маленьких, почти невесомых серебряных тубуса, которые цепляются к лапкам соколов. Я немедленно вскрыл первый и увидев тонкие бисерные буковки, выведенныен знакомой рукой, вздохнул с облегчением:

«Хальк, я немедленно выезжаю из Вольфгарда в Тарантию. Не будешь возражать, если я возьму с собой Веллана? Он хочет навестить Аквилонию. Жди через две седмицы. Тотлант».

Отлично! Просто замечательно! О лучшем и мечтать было нельзя! Я нарочно пригласил Тотланта, чтобы он помог нам разобраться в сложившейся ситуации. Правда, я скрыл это от Конана, но варвар не станет возражать, ибо наш придворный волшебник Озимандия Темрийский совсем стар и не сможет действовать так, как решительный и легкий на подъем Тотлант Стигиец, прошедший вместе с нами через множество испытаний. Правда, его депешу несколько омрачает известие о прибытии Веллана, сына Арта, человека (вернее, оборотня) симпатичного и неплохого, но одновременно с этим являющегося самым невероятным разгульдяем, какого видел белый свет. Впрочем, теперь нам и оборотень может пригодиться!

А что во втором послании?

«Месьор Хальк, рад приветствовать. Сим извещаю, что мы с Валентом благополучно добрались до Бельверуса и приступаем к действиям. Не удивляйся, если однажды после заката тебя навестит Рэльгонн. С непременным почтением — Гвайнард из Гандерланда».

Еще одна хорошая новость. Вместе с Гваем маркграф Ройл отправил к Хранителям гильдии очной Стражи своего придворного мага — вдвоем куда безопаснее, а кроме того, опытный охотник на монстров и грамотный образованный волшебник, далеко не обделенный магической силой и знаниями, представляют отличную взаимодополняющую боевую пару, которой не страшны никакие противники, будь они людьми или нечистью. Ройл посчитал,

что Валент и Гвайнард благополучно переправят Книгу Душ Хранителям и не ошибся.

— Господин барон, осмелюсь напомнить, что ужин остывает, — прошелестел у меня за спиной Джигг. — Какое вино прикажете подать?..

КОНЕЦ ПЕРВОГО РАССКАЗА ХАЛЬКА